

МИХАИЛ КАСАТКИН

УГОЛЕК и яшонок

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МИХАИЛ КАСАТКИН

УГОЛЕК и ЯШОНOK

ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ В. ВЫСОЦКОГО

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

P2
К28

Издание переработанное и дополненное

Касаткин М. И.

К28 Уголек и Яшонок: Повесть / Рис. В. Высоцкого.— Изд. перераб. и доп.— М.: Дет. лит., 1979.— 208 с., ил.

В пер.: 45 к.

Автобиографическая по материалу, повесть рассказывает о трудном детстве мальчика-сироты в первые годы Советской власти, о людях, которые помогают ему встать на ноги.

**K 70803-486
М101(03)79 232-79**

P2

© Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“, 1979 г.

*Герою Советского Союза
Ивану Ивановичу Квасову*

Дорога

Голод гнал его по бездорожью, как волк олененка: напрямик, в нескончаемую метель. И, придерживая одной рукой полы просторной, до колен телогрейки, он другой, заледневшей от холода, прикрывал глаза, чтобы не утратить своего главного ориентира — линии железнодорожного полотна слева — и не затеряться в этой сплошной метели.

Звали его Яшонок. Свое настоящее имя он вспоминал редко, почти забыл его. Яшонок — и точка. Яшонком звали его товарищи по сиротству — беспризорники, Яшонком

называли те редкие взрослые, с которыми сталкивала его судьба. Откуда пришло к нему это прозвище — он тоже не знал.

В городе с наступлением январских холодов стало невмоготу. И теперь его манили к себе зажиточные села Коротовка, Семеновская. Базаров там не было. А коль так, не все ли равно какому-нибудь хозяину выкинуть залежавшийся кусок хлеба на улицу или отдать его голодному человеку?

Шевеля непослушными губами, Яшонок слатывал слюну, вдруг почти зримо представив себе, как на подходе к Семеновской, уже у крайней избы, он видит валяющуюся на снегу корку. Она искрится крохотными серебряными блестками, она промерзла. Но так быстро, так сладко тает во рту! Не надо только спешить — нельзя глотать ее. Надо жевать и жевать, долго-долго...

Ощущение хлеба во рту было настолько явственным, что он бессознательно задвигал челюстями. А когда спохватился, что все это примерещилось ему, откуда-то из глубины желудка разом подхлынул еще более острый, буквально одуряющий голод и нестерпимо закружилась голова. Упасть бы прямо вот здесь, под насыпью, где маленький затишок, и крепко-крепко уснуть. Хотелось бы даже навсегда.

Или нет, надо проспать до весны, когда появляется много съедобного кругом и бывают сладки на вкус даже березовые почки!..

Это главное — дожить до весны. А значит, надо шагать. Не упуская из виду железнодорожного полотна, шагать и шагать вперед, к загадочным богатым селам, где прямо на снегу валяются хлебные корки.

Яшонок прожил на земле уже почти девять лет. Но подумай он о себе в любом далеком для него прошлом, он вспомнил бы, что изо дня в день, из года в год его гнало по дорогам видение скрюченной, хрусткой, подгоревшей на поду хлебной корки... Иногда это видение сменялось другим, почти фантастическим, когда он представлял себе теплую

избу, свежевыскобленный стол, большую миску перед собой и дымящуюся в ней горячую пшенную кашу. Если бы ему сказали, что все это ждет его где-то за тридевять земель в тридевятом царстве, уж Яшонок добрался бы до этого царства. Он ходкий, Яшонок, терпеливый и не дурак: затишку под насыпью не обмануть его.

Хотя нет, до Семеновской ему, конечно, не дойти в такую вот круговертъ. Но минут через двадцать — тридцать пути будет поворот на Кувшиновку, и где-то неподалеку от нее небольшой хохлацкий хутор, где можно передохнуть, капельку отогреться в заброшенном, крытом соломой овине, а может быть, даже и выпросить у хозяев картофелину...

Скользя и цепляясь за кустики руками, Яшонок выбрался на железнодорожное полотно. В погожие дни отсюда, с насыпи, хутор проглядывался за редколесьем и сверкал под солнцем накатанный санный путь, что вел к хутору от железной дороги. На этот раз ничего нельзя было разглядеть за колючей снежной пеленой: ни дорожного поворота, ни деревьев.

Но Яшонок все же спустился вниз и наугад повернул круто вправо. Через несколько десятков метров, почти по пояс в снегу, замер от страха без надежды выйти на хутор и уже не видя железнодорожного полотна за спиной. Задыхаясь и неслышно, бессознательно всхлипывая от ужаса оказаться затерянным здесь, в снегах, бросился назад, по своим уже заметенным следам.

Насыпь вынырнула перед глазами как спасение. Яшонок отдохнул, довольный теперь уже хоть этой своей победой. Но положение его стало совсем безнадежным. И когда недолгая радость иссякла, Яшонок понял, что ни до хутора, ни до Кувшиновки, которая находилась также в стороне от железной дороги, ему не дойти. А до ближайшей станции, на которую должна была вывести его дорога, оставалось еще не меньше половины пути.

Яшонок понял это и обдумал без паники. За свою не-

долгую жизнь он ко многому привык и многому научился. А потому знал, что выживает лишь тот, кто борется за жизнь. И опять, придерживая одной рукой разлетающиеся полы телогрейки, другой прикрывая лицо от ветра, двинул-ся вперед.

Встреча

Он не мог бы сказать, сколько времени шел так. Но ветер, словно бы не устояв перед его упорством, мало-помалу слабел, а потом и вовсе улегся. Одновременно, как по уговору, прекратился снегопад. Мир сразу сделался просторнее, чище и шире. От этого стало веселее идти, так что время от времени даже забывался голод.

На километры протянулся вдоль железнодорожного полотна зимний лес. И Яшонок начал узнавать места. Он переоценил свои силы, когда думал, что прошел уже полпути.

Вот там, за молодым сосняком, несколько на отшибе, огромная, с трехэтажный дом, груша-дичок. К концу июля плоды ее бывают еще горьковатыми, а к концу августа это сплошное наслаждение...

Вон и дорога. Поворот на Кувшиновку.

Яшонок неожиданно остановился.

Что-то темнело возле поворота, под безлистой осиной. Вроде человек на снегу. И прежде всего Яшонок подумал бежать от греха подальше. Но любопытство, а может быть, какая-то другая, более властная сила заставила его спуститься с насыпи и, утопая в снегу, двинуться между осин к повороту.

Он не думал о том, что или кто это может быть. Но почему-то страшно удивился, когда, наконец добравшись до поворота, увидел на снегу мальчишку примерно одного с собой возраста.

Сначала тот, видимо, сидел у дерева, а затем постепенно сполз и теперь лежал на спине, неудобно привалившись головой к осине. Сухощавый, остролицый, он лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша всей грудью. И на бледном лице его, возле глаз, выступили капли пота.

Яшонок был обут в кирзовые, с обрезанными голенищами сапоги. А на мальчишке были аккуратно подшитые валенки, настоящее пальто и шапка по размеру, которая сдвинулась теперь ему на глаза. «Родительский... — безошибочно определил Яшонок. — Не беспризорный». Чтобы сделать это заключение, ему потребовалось всего секунды, он уже хотел нагнуться и пошевелить парня, когда тот медленно приподнял веки и уставился на Яшонка яркими, будто воспаленными глазами.

Яшонок в замешательстве переступил с ноги на ногу.

— Ты чего, а?..

Мальчишка облизнул губы.

— Н-нога... — Он пошевелил правой ногой. — И-ли-ли-хорад-ка...

Его действительно мелко трясло всего. А что в таких случаях делают, Яшонок не знал.

— Ч-чаю бы... г-горячего... — шевельнул губами мальчишка.

Это походило на бред. Яшонок понимал, как хочется хлеба, воды — если жарко. А чтобы чаю...

Но мысль об этом промелькнула где-то стороной, потому что, крикнув мальчишке: «Я сейчас!», Яшонок тут же бросился от поворота сначала в сторону Кувшиновки, потом назад, в противоположном от села направлении.

Чем он мог помочь больному, Яшонок не думал. Знал только, что помочь надо и что это не в его, Яшонка, силах.

Возможно, то был просто счастливый случай. Но остановил Яшонка едва уловимый звук со стороны: скрип хрусткого снега под копытом, а может, короткое ржание.

Теперь уже медленно, вглядываясь в обочину, Яшонок сделал еще несколько шагов, прежде чем заметил уходящий в глубину леса едва припорошенный метелью санный след.

Вороная лошадь, запряженная в розвальни, была привязана к дереву за молодой порослью осинника, будто упрятанная от чужих глаз, и это сразу почему-то насторожило Яшонка. Следы человека уходили от розвальней еще дальше в лес.

— Дяденька... — тихо позвал Яшонок. Настолько тихо, что услышать его за каких-нибудь двадцать — тридцать метров было невозможно. И еще раз тихонечко повторил: — Дяденька...

Среди многих правил, которые он успел усвоить в свои восемь с половиной лет и которые он беспрекословно выполнял всю жизнь, было одно, главное, высказанное случайным для Яшонка, но очень мудрым человеком: без разрешения никогда не брать чужого. И не то чтобы на совсем, а даже не брать в руки.

«Тебя никто не подпустит к своему дому, не даст гречневого зерна, если ты присвоишь хоть иголку», — сказал Яшонку тот мудрый человек. И его совету Яшонок следовал всегда, как самому высшему закону.

Теперь — где с помощью рук, а где зубами — распутывая промерзшую сыротину, он впервые нарушал этот закон. То ли им руководило заведомое предубеждение против человека, который под покровом метели упрятал запряженную в розвальни кобылу, или же сознание того, что делает он это не для себя, а для другого, которому нужна помощь... О том, что может быть какая-то связь между больным мальчишкой на снегу и этой загадочной, хорошо откормленной кобылой, не возникало мысли.

По старому следу вывел кобылу на редколесье, прыгнул в сани, оглянулся еще раз и подхлестнул вожжами: «Н-но!»

Мальчишка словно ждал его, словно был уверен, что

Яшонок обязательно вернется, в беде не оставит. Опять открыл глаза и даже попытался улыбнуться.

— Сейчас мы!.. Скоренько... — торопливо приговаривал Яшонок, втаскивая его в розвальни и стараясь узнать по-путно, где у того дом: в Кувшиновке, в Семеновской или в Пчелиновке.

Мальчишка нетвердой рукой показал в сторону, противоположную Кувшиновки,— на Вязовку, где была станция.

Уголек

Вороная с места пошла легко и ровно. Мальчишка, лежа на сене, опять надолго закрыл глаза. А Яшонку некоторое время было не до него. Он с тревогой всматривался в глубину леса, пока не проскочили уходящий вправо от дороги санный след, пока тот не скрылся за новым поворотом.

Только тогда Яшонок немножко ослабил вожжи и посмотрел на своего неожиданного попутчика. Хотел приободрить его: мол, скоро будешь дома.

Но лицо парня горело, и дышал он как-то нехорошо — жадно, по-рыбы глотая воздух.

Яшонок спохватился: закрепив на передке вожжи, сбросил телогрейку, отчего холод мгновенно проник под ста-реньку холщовую косоворотку, будто обволок его тело, покусывая миллионами крохотных, острых иголочек, накинул его на мальчишку и стал подтыкать ее со всех сторон, как это делают матери, укутывая ребенка. Память об этом лишь смутно-смутно проступала иногда в сознании Яшонка, как сказочное видение откуда-то из глубины его снов.

Телогрейка помогла мальчишке. Он снова открыл глаза и, пересилив себя, благодарно улыбнулся Яшонку.

— А ты?

Яшонок не понял его. Громко переспросил:

— Чего?

— Замерзнешь... — с трудом, заикаясь, проговорил тот. Лихорадка не отпускала его.

— Я? Нет! — радостно соврал Яшонок. И от этого самому как будто стало теплее.

— Чую бы... — повторил мальчишка.

Яшонок представил себе кипяток, каким он грелся иногда на станциях, и мысленно согласился теперь, что кипятку было бы выпить неплохо.

Дорога не разветвлялась, ворона шла ходко, почти не сбивая рыси даже на взгорках. Яшонок соскакивал при этом на землю и бежал рядом с лошадью, облегчая ей подъём, а заодно взбадривая себя, чтобы не замерзнуть.

Потом он опять прыгал в розвальни. И мало-помалу, в те недолгие минуты, когда мальчишка открывал глаза, выяснил у него, что к вороной лошади он действительно не имеет никакого отношения: едва начала ослабевать метель, надумал прогуляться к родственникам в Кувшиновку, дорогой поскользнулся, подвернул ногу, сел, думал дождаться попутной лошади, началась лихорадка — вот и все. Отец и мать у него есть — это Яшонок своим наметанным глязом определил правильно. Но что их сын двинулся в Кувшиновку, родители не знают.

Яшонок мог бы еще о многом спросить его. Но мальчишку трясло все сильней. И только раз, уже неподалеку от села, он опять заговорил. Да и то Яшонок скорее догадался, чем услышал, о чем он.

— Как... тебя... зовут?..

— Яшонок! — прокричал словно бы из дальнего далека Яшонок.

— А меня... — мальчишка тоже назвался не по имени, а уличным прозвищем, — Уголек...

После чего он уже не открывал глаза. А на подъезде к селу Вязовке даже начал бормотать что-то несвязное.

Так они встретились впервые: Уголек и Яшонок.

Дед Афоня и Леонидовна

Метель замела всегдашние тропинки от проезжей части улицы к оградам, и потому крайние избы села, будто отрезанные метелью, выглядели неживыми за темными, припорошенными снегом окнами.

Только возле одной из калиток незнакомый старик, орудуя деревянной лопатой, методическими, широкими движениями разгребал снег. И как по волшебству, едва Яшонок натянул вожжи, останавливая сразу пошедшую паром кобылку («Тр-р!»), из калитки появилась женщина в черной, легкой не по сезону тужурке и в шали до бровей.

— Тр-р! — повторил Яшонок, соскакивая на землю. Все тело его будто одеревенело на холоде, и лицо, руки не слушались, как чужие.

Старик воткнул в снег лопату и сразу шагнул к розвальням. Следом приблизилась женщина.

— Эт чевой-та? А?! — сурово спросил старик, машинально соскребая льдинки с бороды и усов.

Женщина склонилась над розвальнями, разглядывая Уголька.

— Заболел вот! В лесу был! Я шел, а он лежит! — торопливо растолковал Яшонок, боясь, что его тут же погонят, и не зная, куда ему податься тогда.

— Бог ты мой! — всполошилась женщина, словно бы только теперь заметив, что он раздет. — Надо в избу!

Но старик уже командовал:

— А ну! — И, взяв лошадь под уздцы, показал Яшонку в сторону ворот: — Отчиняй!

Пока въезжали во двор, женщина, не понимая, что случилось, растерянно металась от Уголька к Яшонку, потом назад, приговаривая:

— Что же это? Как же это, а?..

Дедбросил Яшонку его телогрейку.

— Чевой-то ты разоблачился, а?!

— Замерз он...— оправдался Яшонок, пытаясь изобразить улыбку на посиневших губах.

Дед, не слушая его, подхватил Уголька на руки. Женщина предупредительно распахнула дверь перед ними.

По трем низеньким ступеням, через холодные темные сенцы вошли в избу.

Комната, где они оказались, была маленькой, с единственным окошком за белыми задергушками. Но для непривычного к домашней обстановке Яшонка она показалась сказочной и обрушила на него такое обилие тепла, уюта, что он на какое-то время обомлел.

Железная кровать с облезлыми, но кое-где еще поблескивающими шарами, полная толстых книг этажерка у изголовья, стол под зеленою kleenкой, картинка над кроватью, изображающая закованную монашку в розвальнях,— все казалось особенным, непривычным, ярким, словно бы из того, неведомого мира.

Яшонок даже упустил разговор между хозяевами, пока те укладывали Уголька в постель. Потом женщина скрылась за ситцевой занавеской, в кухне, загремела там какими-то баночками.

— Лошадь-то где взял?— хмуро спросил старик. Рыжеватые, впроседь, борода и усы его оттаяли в тепле и теперь поблескивали водяными каплями. Маленькие глаза из-под низко нависших бровей тоже поблескивали на Яшонка, как две подвижные капельки.

— Там... Не знаю... Привязана была,— объяснил Яшонок.

— Ты, Леонидовна, чайку им, ежели есть...— сказал в сторону занавески старик.— А я пойду гляну. Жиряка вроде...— добавил он по поводу кобылы и шагнул к выходу.

Пока его не было, женщина, не переставая тихонько причитать, затащила Яшонка в кухню, которая оказалась и вовсе крохотной, с единственным табуретом и тумбочкой возле печи. Придвинула на край тумбочки большую жестя-

ную кружку с дымным чаем, от которого пахло шиповником. Этот запах Яшонок сразу узнал. Положила рядом с кружкой большущий ломоть хлеба и, не предлагая Яшонку раздеться, усадила его на табурет.

— Ешь! Согревайся!.. А я там.— Она выскользнула в комнату.

Яшонок задохнулся хлебом, обжегся ароматным, вдобавок подслащенным кипятком и какое-то время ничего не слышал, не видел, кроме этих яств — хлеба и чая.

Смел со стола в ладонь и бросил в рот последние крошки, когда от хлеба ничего не осталось и опустела большая жестяная кружка. Только теперь спохватился, что собирался есть медленно, смаковать каждый глоточек... Но ведь он тогда не предполагал, что хлеба будет так много. Правда, большим этот кусок показался ему только вначале. Яшонок мог бы съесть больше. Гораздо больше... Но и это был царский обед, свалившийся к нему так вдруг — ни за что ни про что... И сладкая-сладкая истома переполнила его. Вот теперь бы взять и уснуть надолго... Но Яшонок по опыту знал, что нельзя злоупотреблять человеческой добротой, гостеприимством, и уже напряженно ловил каждый звук из-за ширмочки.

Заскрипела входная дверь, ширмочка колыхнулась от холодного воздуха снаружи.

— Лошадь, факт, семеновская! — голос старика от двери. — Жиряка кобылка. Такая ладная, надыть, у одного Жиряка и есть... — Голова старика появилась из-за ширмочки перед Яшонком. — Где взял-то?

— Привязана была... Спрятана в лесу... — торопливо повторил Яшонок, машинально поднимаясь из-за стола и запахивая телогрейку.

— А сам откуда? Куда? — Маленькие глазки из-под нависших бровей смотрели в упор, пронизывающе.

— В Семеновскую собирался... — все так же торопливо ответил Яшонок.

Женщина скороговоркой что-то объяснила деду Афоне.
Голова деда исчезла.

— Кобылку я щас отведу, Леонидовна. А то с Жиряком связываться... Это он, видать, леску подрубил загодя, а по метели думал свести незаметно... Хитер Жиряк! — Дед хотнул хрипловатым баском.

— Уж пожалуйста, дядя Афоня! — взмолилась женщина. — Мне еще только этого и не хватало — с Жиряками связываться. Вы это, пожалуйста... — вдруг заспешила она. — А я сейчас за фельдшером! Чей он? — спросила она про Уголька.

— Да наш вроде, железнодорожный чай-то, с того краю... — отозвался дед.

— Так я побежала!

Яшонок вышел из кухни, когда хлопнула дверь.

Уголек спал, укрытый полушибуком сверх одеяла.

— В Семеновскую, говоришь?.. — переспросил дед, неожиданно жалостливо оглядывая Яшонка. — Кто там у тебя? Сродственники?.. А?..

— Родственники... — машинально подтвердил Яшонок.
Дед вздохнул.

— Безродный, никак?..

Яшонок кивнул в ответ.

Дед взъерошил, потом разгладил бороду, непонятно крякнул, глядя по сторонам.

Взгляд Яшонка ткнулся вслед за ним из угла в угол. Кровать, стул... и ни одной лавки — это сразу перечеркивало всякую надежду на отдых.

Здесь надо было оставить Уголька. К тому же Яшонку и без того много перепало от хозяев. Или от хозяйки, потому что жила здесь, скорее всего, одна женщина.

Дед и Яшонок словно бы читали мысли друг друга.

— Ну, пошли... Пущай здесь Леонидовна сама хлопочет... — проговорил, направляясь к выходу, старик. — До Семеновской-то мы лихом доскачем...

Жиряк

Утихшая было метель опять мало-помалу разыгралась. Сначала будто нехотя, порывами, потом однообразно и нудно засвистела поземка. Потом колючие снежинки начали ударять в лицо невесть откуда, сразу и снизу и сверху...

Предусмотрительный дед Афоня захватил в сенцах у Леонидовны допотопный, изодранный по швам тулуп, укутал им Яшонка. И тот, обогретый, проспал всю затянувшуюся из-за непогоды дорогу.

Дремота навалилась на него от блаженного ощущения тепла и сытости. Но вот ведь странное дело: бывает, уснешь голодным, приснится что-нибудь приятное, радостное. К примеру, будто сидишь ты и хлебаешь большой разукрашенной ложкой затирауху. Сколько хочешь, сидишь и ешь, ешь... А на этот раз Яшонку все виделось, будто идет он в не-проглядье через метель, ни железной дороги, ни деревца, ни души вокруг. И нет конца пути его. И больно-больно свербит пустой желудок... С этим болезненным, тянувшим ощущением голода он и проснулся, когда дед Афоня растолкал его на подъезде к Семеновской. Наверное, никогда уж Яшонок не наестся досыта... Наверное, всю жизнь ему думать об одном этом...

Дед Афоня словно бы разгадал его мысли.

— Слыши, малец? Жиряку скажу: ты кобылу нашел! Уж чего-нибудь он тебе должен за это!

Яшонок кивнул, хотя сидел за спиной деда, и тот не мог видеть его движения.

— Во-он! — Старик ткнул хворостиной по направлению одного из дворов, когда проехали окопицу. И хотя больше ничего не добавил к этому, Яшонок догадался, что он имеет в виду избу Жиряка: уж очень соответствовали прозвищу его владения.

Село протянулось несколько в стороне от дороги, а дом

Жиряка, обособленный, приткнулся у самого большака, с огромным двором и несколькими сараями, которые, судя по добротным тесовым воротам и четырем окнам в резных наличниках, не пустовали у хозяина.

Дед Афоня остановил и привязал кобылу к жердяной загородке вокруг палисадника, забрал у Яшонка и аккуратно свернул тулуп, после чего несколько раз ударил хвостиной по ставню.

В ответ остервенело зашелся кобель. Потом громыхнула дверь на крыльце.

— И ктой-та? — испуганно спросил женский голос.

— Кобылу получай! — гаркнул дед.

Легко звякнула щеколда, и, кутаясь в пуховую шаль, так что выглядывали одни глаза, женщина высунулась на улицу.

— Ой, Ласточка! И дей-то вы ее спымали? Проходить, проходить! — заспешила она.

Дед Афоня подтолкнул Яшонка вперед, и вдоль дома, чтобы оставаться подальше от привязанного на короткой цепи пса, они прошли через двор, поднялись на крыльце.

Женщина, оставаясь во дворе, что-то без умолку приговаривала им вслед, старательно изображая радость по поводу отыскавшейся кобылы.

Даже бесхитростный Яшонок уловил фальшив в ее голосе.

Дед Афоня был прав. Жиряк под покровом метели хотел разжиться государственным лесом, думал, что кобыла его теперь где-нибудь в милиции; ни сам он, ни его жена не ожидали увидеть ее возле дома и теперь не знали, как лучше изобразить радость. Жиряк даже сделал вид, будто не слышал разговора на улице.

Люди не зря дали ему такое странное прозвище. Много народа повидал Яшонок за свою бродячую жизнь. Видел сытых, видел полных, но такого борова еще ни разу не встречал. Внешность хозяина отвлекла его внимание даже

от стола, на котором посреди всякой снеди ножками вверх дынилась большая, румяная, сверкающая в свете керосиновой лампы курица или утка, индейка — в этом Яшонок не разбирался.

Жиряк поднялся с выскобленной до белизны лавки, чтобы встретить приехавших. Но вид гостей сразу то ли разочаровал,

то ли успокоил его. Так что,

буркнув в ответ на приветствие деда Афони «Здоров...» и даже не предложив им сесть, он тут же грузно опустился на лавку и равнодушно, как бы подчеркивая этим свое абсолютное спокойствие, взялся обеими руками за птицу.

Не только туловище, а каждая рука и нога его были толще Яшонка. Голова без шеи начиналась как бы сразу от плеч, а осипны на красном лице расплылись от жиру и стали размером каждая с хороший пятак.

Дед Афоня, заметно растерянный от такого приема, тискал в руках снятый при входе треух, переступая с ноги на ногу.

— Кобылку твою привели... — наконец проговорил дед, зачем-то кланяясь при этом.

Жиряк неопределенно кивнул в ответ, захрустев косточкой на зубах и даже не повернув головы в сторону двери.

— Угу... — Губы и подбородок его блестели от жира. Он промакнул их толстой оладьей и сунул ее целиком в рот. — Как же она попала к вам?

— Мальчонка вот... поймал на дороге...

— Ну... — опять кивнул Жиряк.

— Привел... Чья — не знает... — продолжал врать дед Афоня. — У поворота на Кувшиновку поймал...

Жиряк оторвал вторую ножку, отчего Яшонок слглотнул

и уставился на деда Афоню. Но глаза его опять невольно обратились к столу.

— Безродный мальчишка-то!.. — повысил голос дед Афоня. — А лошадь могла ить пропасть, а? Благодарствуй, что совестливый попался...

— Так! — Жиряк бросил недоеденный кусок в большую эмалированную миску перед собой и неожиданно круто развернулся на лавке, утер мясистой ладонью губы. — Безродный, говоришь? На дороге поймал кобылку? Совестливый мальчишка, а? — От слова к слову он все повышал голос и глядел при этом не в лицо гостям, а куда-то под ноги им.

Яшонок догадался, о чем он думает, и на мгновение даже перестал чувствовать одуряющие запахи ужина: когда он отвязывал кобылу, а потом вел ее на дорогу, метели не было, и следы его сапог четко отпечатывались на снегу.

— Благодарствовать, говоришь? — тоненько выкрикнул Жиряк и, вскочив с неожиданной для его комплекции энергией, ухватил не сумевшего увернуться Яшонка за ухо, крутнулся его, так что боль сразу обожгла половину головы. — Вот благодарствование! Спер кобылку, щенок! Вот я тебя властям щас! Ворюга!

Дальнейшие события разворачивались почти мгновенно.

Дед Афона кинулся на Жиряка.

— Эт ты на сироту безродного! Эт ты замест спасиба!

В распахнутую дверь влетела и, завизжав что было мочи, бросилась между мужчинами дебелая супруга Жиряка.

Тот выпустил ухо Яшонка и через плечо жены пытался ухватить деда за бороду.

— На пару жульничаете?! Ворюги!

Отдышались и немного пришли в себя Яшонок с дедом Афоней уже за воротами. Дед сплюнул в сторону дома, держа под мышкой сунутый ему хозяйкой тулуп и глубоко, до бровей, натягивая тресух.

— Мироед проклятый!.. Собака жирная!.. Псина недобитая!..

Ласточки с розвальнями на улице уже не было, и кряжистый, неприветливый дом Жирияка взирал на них из-под прочных ставен, как сквозь бельма: тупо, молчаливо, равнодушно.

Яшонок ко многому в жизни привык, обижали его гораздо чаще, нежели привечали, потому неудачу он пережи-

вал меньше деда. Он даже перестал чувствовать боль в ухе. От всего произошедшего перед его глазами неотступно вырисовывался только богатый ужин Жиряка: пышные, белые оладьи, сметана и подрумяненная курица с оторванными ножками.

Наверное, дед понял его.

— Куда ты щас?.. — спросил он виноватым голосом, словно бы извиняясь за то, что сам ничего не может предложить Яшонку.

— Да тут... — неопределенно соврал Яшонок, показав рукой вдоль улицы. Уж какой-нибудь сарай он найдет, где можно переночевать.

Дед опять виновато откашлялся.

— У этих ты... — Он показал бородой в сторону дома, что-то выискивая глубоко в кармане полушибка. — У Жиряков этих ты никогда не проси... Подавяется, паразиты... Вот! — Он вытащил из кармана завязанную в тугой узелок тряпицу, зубами раздернул узел. Отсыпал на ладонь половину оказавшихся там медяков, немножко поколебался и добавил к ним остальную мелочь. Сунул ее Яшонку. — Вот! Лавка откроется утром — пожуешь что-нибудь... Оно лишь бы так: день да ночь... — неопределенно добавил он, легонько подтолкнув Яшонка в сторону улицы. — В Вязовке случаем будешь, спроси Афоню на Непочетовке...

Зажимая в кулаке мелочь, Яшонок не догадался даже поблагодарить его.

Только уходя, два раза оглянулся еще. Дед Афона сделался сразу какой-то маленький, сгорбленный, одинокий и все стоял на дороге против жиряковского дома, глядел вослед ему.

Новая встреча

Зима для Яшонка прошла, как один мучительный, безнадежно затянувшийся день. Побывал он и в Кувшиновке, и в Вязовке, и в Семеновке, и опять неоднократно в городе. Ночевал то в заброшенных, полуразвалившихся амбарах, то, свернувшись клубком, на лавке вокзала, то в щелявых вагонах, брошенных за непригодностью в тупиках. Воспоминания о каждой зиме вообще смешивались для Яшонка в однообразное ощущение голода, стужи и непрестанного стремления куда-то, где может оказаться лучше. Жизнь для него начиналась как бы только с весенним паводком и продолжалась летом до глубокой осени. А зимой всеми его помыслами овладевала одна мудренейшая задача: выжить.

Нынешним летом ему вдобавок повезло: лесоводы на Плесовском кордоне взяли его пасти коров. И целых три месяца не надо было думать о пропитании. Но к осени лесников — как попросту называли в деревнях лесоводов — перебросили на новый участок, за пятнадцать километров от Плесовского кордона. Лесники с вечера загрузили скрабом телеги, а на заре усадили в них жен, детишек, впряженные лошадей и тронулись по холодку вдоль Битюга обживать новое место... А девять рогатых голов оставили на попечение Яшонка, с тем чтобы он в довершение своих пастушьих обязанностей перегнал скотину следом за ними...

Подняли его, едва он прикорнул в сарайке на ларях с овсом. И до отъезда хозяев он помогал им увязывать барахло, выслушивал пустяковые наставления: как ему гнать коров, за которой больше глядеть...

Но сами-то коровы этих наставлений не слышали и через два-три километра пути, когда потянулись незнакомые места, одна за другой стали порываться назад, к Плесовскому кордону. И Яшонок скоро изнемог от беготни, то и дело

заворачивая их в нужном направлении. А когда поднялось над землей солнце, появился еще один враг: слепни. Задрав хвосты, коровы бросались от них в чащобу, надеясь ветками молодого подлеска сбить со своего тела кровососов.

Рубаха Яшонка взмокла, лицо горело, как обожженное. И во всем теле до отупения разлилась какая-то ноющая слабость, когда время перевалило за полдень.

Битюг круто изгибался на пути и неожиданно близко подходил к дороге. Речная свежесть, запах прохлады окончательно вывели коров из повиновения. Они разом повернули в сторону от дороги и через бурелом, через кусты ивняка ринулись в воду.

— Эй-эй! — послышался от реки чей-то веселый и одновременно испуганный голос. — Тут моя рыба!

И от воды, сразу оказавшись лицом к лицу с Яшонком, выскоцил парень.

— Здорово!

— Здорово... — машинально ответил Яшонок, опускаясь на траву у спуска. Коровы уже, как одна, были по брюхо в воде, и лучше было дать им передохнуть. Он сразу узнал этого жилистого, узкодицкого мальчишку с такими светлыми волосами, что серые глаза его казались темными.

— Всю рыбу распугал! — беззлобно разъяснил мальчишка, сматывая на зеленое тальниковое удилище леску и с любопытством, как показалось Яшонку, разглядывая его. Но узнать своего спасителя он, конечно, не мог.

— Они сами... — оправдывался Яшонок, тяжело дыша сквозь пересохшие губы.

На полголовы выше Яшонка, но худой и оттого казавшийся выше, мальчишка был в сиреневой майке и закатанных до колен брюках.

— Да мне все равно пора! — дружелюбно объяснил он. — Мать велела пораньше — снопы подавать... Да и не клюет сегодня! — Он опять незаметно присмотрелся к Яшонку, улавливая что-то знакомое в нем.

Коровы, напившись и немножко поостыв, стали выбираться из воды в тень под вербами.

— Чьи это? — спросил мальчишка.

— А лесников, с Плесовского... Их перевели, ну и коров перегнать надо...

Мальчишка заметил по его загнанному виду, что дорога была нелегкой.

— И что они тебе заплатят?

— Как что? — переспросил Яшонок. — Кормят меня.

Тот презрительно свистнул.

— Это тебе дорого кормежка выходит!

Яшонок шевельнул плечами в ответ. Дешевой кормежки он еще не знал в жизни. Чтобы оправдать свой изможденный вид, объяснил:

— Это я устал. Не спал сегодня... Малость поспать бы...

Мальчишка помедлил какую-то секунду, потом нырнул в кусты и появился с телогрейкой в руках.

— А ты давай!— Он бросил телогрейку на землю рядом с Яшонком.— Ложись! Я за этими пригляжу пока! От матери мне так и так достанется! Поспи чуток!— Он взял у Яшонка кнут и в который уже раз опять внимательно присмотрелся к нему, силясь вспомнить, где и когда он его видел.

Яшонок хотел сказать, что ему некогда разлеживаться, что дорога впереди еще длинная и что сам-то он мучается хоть за кормежку, а какой смысл ему, человеку постороннему, тратить время на эту бешеную скотину... Но усталость уже склоняла его тяжелую голову к мягкой, призывающе разметавшейся рядом с ним телогрейке, и, пробормотав неуверенно «Ладно... Я малость», он сразу, почти мгновенно уснул.

Проспал он, должно быть, не меньше часа.

Разбудило его щелканье кнута и крики.

— Ан-ну назад! Куда ты, рыжая?— ругался мальчишка, заворачивая коров, которые отдохнули, напились и опять тронулись было в сторону Плесовского кордона.

Яшонок вскочил, подхватив телогрейку. И совместными усилиями они опять кое-как повернули стадо.

Некоторое время молчали, шагая рядом по лесной дороже.

— Тебя мать не ищет?..— напомнил Яшонок.

— А! Теперь все равно!— весело отмахнулся мальчишка, сверкнув на него глазами.— Тебе ж одному до завтра с ними не управиться.

В его словах был резон. Опять помолчали немножко.

— Я тебя где-то видел, а? — полуувопросительно, полуутверждающе сказал мальчишка.

— А я тебя помню, — стозвался Яшонок. — Ты Уголек.

— А! — обрадовался рыбак. — Это ты меня зимой спас? Яшонок ты, да? Я тебя не узнал! Вот здорово!

И Яшонок тоже почему-то подумал: это здорово — то, что они встретились.

— Ты и там у них пасти будешь? — спросил Уголек.

— Нет... — сразу чуточку погрустнев оттого, что он вместе с работой терял и еду, ответил Яшонок. — Там они в общественное стадо их...

— Ну и хорошо! — неожиданно приободрил его Уголек. — А ты куда потом?

— Не знаю... — пожал плечами Яшонок.

— Знаешь что, — все более оживлялся его старый знакомый, — приходи в Вязовку! Я на Непочетовке живу! У нас весело... А у тебя ж нет дома, да? — спохватился он.

— Нет, — подтвердил Яшонок.

— Ну и хорошо! — опять обрадовался тот, видимо очень смутно представляя себе, как это жить, когда нет дома. — Мы послезавтра всей компанией рыбачить собираемся! На целый день! Спросишь Уголька на улице! А? Пойдем вместе?

— Пойдем! — согласился Яшонок, неожиданно повеселев оттого, что у него теперь была хоть какая-то цель впереди.

— А то школа начнется! — продолжал развивать свою мысль Уголек. — Хоть напоследок нагуляться!

Он еще долго шел вместе с Яшонком, пока не убедился, что коровы уже не повернут к Плесовскому кордону. И веселость его передалась Яшонку, словно бы с появлением у него друга жизнь сразу сделалась проще, интересней. А в остальном не все ли равно, на каком вокзале ночевать Яшонку: в городе, куда он думал перебраться, или в Вязовке?

Новые знакомые

Яшонок пробрался к дому Уголька со стороны огородов, как договаривались, еще затмно. Легонько свистнул, не очень уверенный, что его новый друг сумеет проснуться в такую рань. Ведь в собственном доме, рядом с родителями, наверняка спится крепко... Но почти тут же шурхнули кусты за оградой, и над забором появились сначала удочки, потом голова Уголька, и к ногам Яшонка, звякнув жестью, шлепнулся какой-то узелок.

— А я тебя жду! — сообщил Уголек, перевалив через забор и отдошавшись. — Мои не слышали, спят! — добавил он и сунул Яшонку одну из удочек. — Вот это твоя! Снарядил вчера. А тут черви! — Он встряхнул узелком. — Пошамать кое-что! Двигаем!

По Непочетовке шли молча, осторожно ступая, чтобы не всполошить хозяйствских собак. Застилавший улицу ползучий подорожник был сплошь покрыт сизым налетом росы, и она леденила ноги.

Остановились близ железнодорожного полотна, у канавы.

Здесь, как объяснил Уголек, было всегдашнее место сбора. И не прошло минуты, как сразу группой появилось еще несколько мальчишек.

Уголек, судя по всему, верховодил в компании. И, не здороваясь, представил всем новенького:

— Это Яшонок! — Голос у него почему-то всегда звучал весело, как будто все, что ни происходило в жизни, радовало его. — А это Буза! — Он ткнул в грудь широкоплечего, коренастого мальчишку, наверное, самого сильного в компании. И быстренько представил остальных: — Это Длинный! Это Мотор! Люлька! Жвыкаленок!

Поджидала еще кого-то, взбрались на насыпь. Отсюда хорошо был виден отвал вдоль канавы.

Обуви ни у кого не было. И в ожидании присели на озябшие ноги, пытаясь таким образом хоть немножко со-

греть их. А холодней всех было, пожалуй, Яшонку, потому что он успел основательно промерзнуть за ночь, которую провел под случайным тряпьем на чердаке дома, хозяева которого переехали на жительство в совхоз «Большевик»—бывшее имение помещика Класина, как объяснили ему накануне.

Помолчали. Холодное, темное небо струилось над ними, вспыхивая непонятными искорками.

От сада снова послышался приглушенный говор, и почти тут же из-за плетня появились братья Афонины, Василь и Ванька,—Фони, как представил их Уголек. Теперь компания была в сборе.

Пересекли железнодорожное полотно, спустились с насыпи в жиденькие посадки, затем через поле вошли в лес.

Двигались друг за другом, передавая хлесткие ветви из рук в руки, чтобы не стегнуло по глазам, и разговаривали мало.

Яшонок бессознательно держался все время за Угольком. Остальные мальчишки — он хоть и знал их теперь, кого по имени, кого по прозвищу,— пока оставались чужими.

Остановились близ реки, на поляне. Уже вовсю брезжил рассвет, хотя влажная прохлада не только не отступила, но даже стала ощутимей. Остановились, чтобы решить, где вернее всего ждет рыба. И сразу поступило три предложения: Буза хотел двигать «на кузню», мальчишка со странным прозвищем Жвыкаленок — «на песочек», а братья Афонины — «на погорелое».

Уголек подумал и предложил четвертое место:

— Айдате на кордон! Там сейчас лен мочут, красноперок наловим и раков можно повытаскивать!

Возражений не было. Со льна — каждый рыбак знает — забрасывать удочку страсть как ловко.

Двинулись к месту самым трудным, но зато и самым коротким путем: сначала вдоль ручья, потом через трясину на заболоченных старицах Битюга.

Светало прямо на глазах. И Яшонок, сдерживая непрерывную дрожь, часто поглядывал на восток в ожидании, когда взойдет солнце.

У реки притихли. Хотелось попрыгать, чтобы согреться. Но хорошо знакомая рыбакам тишина и туманная дымка над нешироким руслом обещали хороший улов: нельзя было распугать рыбу.

Переговаривались шепотом, односложно.

Съестные припасы уложили на прогоревшей в траве плешине от давнишнего костра и, разматывая на ходу удочки, тихо разбрелись вдоль берега, не заросший ветлами отрезок которого и назывался кордоном, хотя сам кордон находился на противоположной стороне реки, где-то в лесу.

Кубы льна едва заметно возвышались над поверхностью воды и, опускаясь под ногами на дно, предательски булькали пузырьками воздуха.

Ногам в воде стало теплее. Утренняя вода вообще бывает теплой. Знающие люди говорят, что это она забирает ночью тепло земли.

Банка с червями у Яшонка и Уголька была одна, поэтому они стали рядом, только чтобы не мешать друг другу.

Когда, хорошенько поплевав на червя, забрасываешь удочку в первый раз, думается, где ж еще, как ни в этой глубине перед тобой, и стоять сейчас огромной рыбине...

Потом в затянувшемся ожидании надежда хоть и не пропадает вовсе, но мало-помалу убывает, притупляется. А крохотные селявки, что изредка мелькнут на крючке то у одного, то у другого, и вовсе убивают ее.

Теперь достаточно кому-нибудь одному обронить слово — и разочарованные добытчики уже не боятся распугать рыбу негромким, но слышным над рекой говором о непутевой погоде, о неудачно выбранном месте...

Только минут десять за все утро, опять возродив надежду, клевали по-всегдашнему живо, яростно окуньки. Потом

клев сразу, как-то в одно мгновение прекратился. И торчать в воде стало неинтересно.

Что ж, рыбалка дело такое: сегодня не повезло, завтра повезет, а получить удовольствие на реке всегда можно. И через несколько минут, покидав на траву одежду, удочки, все бросились купаться.

Нырять в глубину с подвижных, шатких кубов льна оказалось так же удобно, как и забрасывать удочки.

Потом Буза, а следом за ним Жвыкаленок бросились искать хворост.

Озябшие, но довольные сгрудились у костра. Зашуршали торбочками с едой.

— В общий котел! — объявил Жвыкаленок, хотя все и так уже складывали в одну кучу ломти хлеба, луковицы, желтоватое сало.

Бесторбочный Яшонок незаметно поднялся и отошел к реке, за кусты, стал бросать в воду обломки сушняка.

— А где девятый? — донесся до него голос одного из братьев Афониных. — Нас было девять!

И вслед за этим голос Уголька:

— Яшонок! Где ты? Айда есть! Ты чего?

— Да ешьте! — отозвался Яшонок. — Я не хочу!..

— Ха! Не хочу! — удивился Уголек. — Буза, а ну-ка тяни его!

— Это я сейчас, — коротко согласился Буза.

Яшонок не стал ждать, когда он подойдет, потому что сопротивляться Бузе было бы ему не по силам, вернулся к костру.

— Ну! — скомандовал Уголек.

И руки разом потянулись к еде. Продуктами запасались на целый день, поэтому на один завтрак их вполне хватило. Несколько вареных картофелин даже осталось. Уголек собрал их в газету.

Блаженно растянулись на траве и только тут начали вспоминать, что рыба все-таки была. И была настоящая.

Но у одного сорвалась в воде, у другого — прямо на глазах...

— Вот бы взять большую-пребольшую сеть,— размечтался Жвыкаленок, маленький, худенький, улыбчивый,— перегородить всю речку, а воду спустить... Ры-бы!.. Страсть бы сколько! Ходи собирая руками...

Потом заспорили, откуда берется вода в реке: течет и течет. Лет тысячу. А может, больше. И потом будет течь...

Разговор в связи с этим необъяснимым явлением перешел на религию. Есть бог или нет бога? Уголек и Буза считали, что нет. Братья Афонины сомневались: может, и есть. А может, был. Иначе откуда бы столько непонятного всего на земле? Вот не было ветра, а потом ветер стал. Если бог существует где-нибудь, то и ветер понятно откуда.

Яшонок был рад, что в разговорах не затрагивали его, бездомного. Не хотелось объяснять, как он да что... Наверное, Уголек предупредил всех заранее.

Беседу прервал звук повозки. Кто-то ехал за своим льном.

Рыбаки повскакивали, чтобы убрать удочки. Пригасили костер и уселись в стороне, натягивая одежду.

Лошадью управляла женщина.

Длинный фыркнул на это и знающе сообщил:

— Корова — не лошадь, баба — не человек,— за что получил несильный подзатыльник от Бузы.

— Чего расселись?— оглянулась на них женщина.— Помогли бы лучше!— Была она по-мужичьи крепкая, румяная, с ямочками на щеках.

— Лакеев в семнадцатом году отменили!— отозвался ей Жвыкаленок.

Буза опять флегматично размахнулся, чтобы дать подзатыльник, но юркий Жвыкаленок ушмыгнул из-под его руки.

Лошадь заупрямилась и не хотела сдавать назад, к ворону вымоченного и проветренного льна.

— Это она хозяйской руки не чует,— заметил Уголек.

— А ну-ка, тетенька!— решительно подступил Буза и,

переняв у женщины вожжи, гаркнул что было сил:—
Ган-ну!

Лошадь, всем на удивление, послушалась и сдала назад.

— А уложить что ж не поможете мне, мужики?—
попросила женщина.

Буза в ответ проворчал что-то невразумительное, но все же полез на телегу.

Уголек, а следом за ним остальные бросились подавать ему снопы. Потом увязали их веревкой на телеге.

— Дай вам бог здоровья, мужики!— поблагодарила женщина, трогая повозку.

После этой работы всем стало неинтересно оставаться у реки. Собрали удочки. Уголек свои две связал вместе, а Яшонку дал нести пакет с остатками еды.

На улице, когда лес и река остались далеко позади, Яшонок начал незаметно отставать ото всех.

Забираться на чердак не следовало до темноты. Лучше было пойти на станцию.

Уголек заметил, что он отделяется, остановил всех:

— Погодите! Вечером придешь на улицу?— спросил у Яшонка.

Тот кивнул.

— Васька,— Уголек показал на снизку в руках братьев Афониных,— зачем вам рыба? Кошке? А тебе, Буза? Да-вайте, пацаны, Яшонку отдадим?— И он первым протянул свою снизку.— Ты же сваришь где-нибудь?

Удастся ли сварить, Яшонок не знал. Но рыбу можно было изжарить: нанизать на прутики и в огонь, над костром...

— Ты, смотри, ее сразу свари...— пожадничал Длинный, передавая ему снизку.— А то пропадет: ни тебе, ни кошке.

— Ладно, кошка у тебя не сдохнет!— утешил его Уголек. И, когда Яшонок тронулся в сторону железной дороги, крикнул ему:— Приходи, гляди!

«Пшеничная»

Вечером, когда они вдвоем собирали голыши на выгоне, среди пожухлой, реденькой от безводья травы, Уголек, уже на правах старого товарища, принялся расспрашивать Яшонка о его бродячей жизни: как он переезжает с места на место, где одежду берет...

Сложности вольной жизни не пугали Уголька, а вызывали даже некоторую зависть, так что Яшонок на минуту почувствовал себя ловчее, опытнее товарища и гораздо более свободным, нежели «родительские» пацаны, которых ежедневно стесняли отцы, матери. Но, впрочем, цену своей независимости он понимал, и торжество его было недолгим.

— Ночевать снова на станцию? — продолжал расспрашивать Уголек.

Нет, жилье теперь у Яшонка было, можно сказать, настоящее. А холод и неудобства его к этому времени почти успели забыться.

— На чердаке, — ответил он Угольку. — Там никто не живет. — Он ткнул пальцем по направлению ничейного дома.

— А! Я эту избу знаю! Айда посмотрим, а? — заинтересовался Уголек.

— Айда... — не очень уверенно согласился Яшонок. Было еще светло, и не хотелось, чтобы соседи разнюхали про его убежище. Кто их знает, соседей...

По дороге выломали два ивовых прута, сбивали чахлые одуванчики, лебеду, метелки овсюга вдоль тропинки.

Уголек рассказал, что знал, про аэропланы и дирижабли. Тут ему известно было гораздо больше, чем Яшонку. А еще он знал про игру футбол, о которой Яшонок слыхом не слыхивал. Футбол — это, оказывается, такой мяч, который гоняют ногами в двое ворот. Какая команда больше загонит. Если настоящего мяча нет, можно скрутить из тряпок, а зимой самое верное — гонять конские катыши.

Окна дома были по-прежнему заколочены. Но жердь,

что до этого лежала в изгороди поперек неширокого проема, была теперь вынута, а дверь в избу слегка приоткрыта.

Друзья невольно переглянулись. Однако, гонимые любопытством, задерживаться не стали.

Через проем в изгороди, который заменил хозяевам калитку, через глухие сенцы и еще одну дверь проскользнули внутрь. И замерли от неожиданности у входа.

В пустой избе сохранился стол и две лавки. В жестянке посреди стола ярко горел сальник и стояли бутылки пшеничной водки, о чем Яшонок догадался, благодаря своему опыту беспризорника, хотя и не умел читать надписи. На земляном полу валялись недокуренные козы ножки. А на лавках вокруг стола с картами в руках сидели шесть мужиков. Их бородатые, красные то ли от света коптилки, то ли от водки лица, разом обращенные на вошедших, казались неправдоподобными, как у разбойников, о которых рассказывают на ночь маленьkim детям.

Впрочем, одного из них Яшонок узнал. Звали его почему-то Бадлашом. С год назад он был членом комитета бедноты в Кувшиновке. Потом его поймали на грязных делишках; выяснилось, что это бывший эсер и что в прошлом за ним числились какие-то грехи. Но от ответственности он сумел ускользнуть, перебрался в Вязовку и еще вчера при встрече с Яшонком ни за что ни про что ругнулся: «Чего таскаешься?»

В другом, самом старом, с густыми нечесанными волосами, Уголек признал хозяина дома.

Сбежать друзья сразу как-то не догадались. Просто замешкались немного.

— Это ж чьи мальцы, а?!— удивленно спросил один из картежников.

Они все были чем-то сильно похожи друг на друга. Бадлаш, собирая карты, откашлялся и сплюнул на пол.

— Один эт вроде тутошний.— Он кивнул на Уголь-

ка.— А тот побиушка, ничейный вроде.— Он уставился на вошедших.— Вам чего здесь?

Уголек тоже знал Бадлаша, и потому друзья не очень-то испугались его окрика. Но сорвать ничего не успели.

— Не пужай!— возразил ему хозяин.— А ну, кормильцы, подить сюда!— Он крючковатым прокуренным пальцем поманил к себе мальчишек и, когда те шагнули ближе, притянул их к столу.— Дай-ка, Игнатыч! Еще. Так! — и вдруг сунул под нос обоим жестяные кружки с той мутной жидкостью, что была в бутылках.— Ну-ка, разом за карту! Чтоб шла! И за компанию!

Только теперь Уголек и Яшонок немножко испугались.

— Мы это не пьем... — пробормотал Яшонок.

— Как это не пьем?! — нарочито зверски прорычал тот, кого хозяин назвал Игнатычем. — Приказано — берите! Друзья невольно взяли по кружке.

— Ну! — вмешался, явно подражая Игнатычу, Бадлаш. — Быстро, когда говорят!

И первым Уголек, за ним Яшонок поднесли кружки ко рту, в то время как мужики, забыв про карты, выжидающие уставились на них.

Какое-то затаенное желание хоть раз попробовать эту самую водку, наверное, все же было у друзей. Но глотнуть ни Яшонок, ни Уголек не смогли, потому что всю полость рта вдруг обожгло огнем, горло перехватило, и, оттолкнув от себя кружки, они разом бросились к выходу.

Старая изба аж дрогнула от хохота картечников.

Отбежав на порядочное расстояние и отышавшись, немножко пришли в себя. Говорят, что нет худа без добра. Может быть, и так. Во всяком случае, этой пробы им обоим хватило на всю жизнь.

— Где теперь ночевать будешь? — спросил Уголек.

— Может, уйдут.

— А если не уйдут?

Яшонок задержался с ответом и поскучнел вдруг. Минуту назад казалось, жильем он обеспечил себя на времяз и можно походить с Угольком, Бузой, другими мальчишками, не думая хоть об этом... Но приходилось все время думать. Ответил:

— Не уйдут, так сам уйду.

— На станцию?

— Да нет... Если ничего не найду здесь, может, уйду совсем.

Уголек не понял его:

— Куда совсем?

— А куда-нибудь!.. — ответил Яшонок. — Дорог везде

ведь много... В город подамся или еще куда...— Говорил он совсем не то, что думал, и злился на себя за это. С какой стати он врет Угольку, если уходить ему вовсе не хочется?

Уголек, в свою очередь, тоже чуточку помедлил, словно бы не понимая его. Потом спохватился:

— А в школу как? Завтра же надо в школу!

— Зачем в школу?..— Яшонку показалось это забавным.— Чего я там не видел, в школе?

— Так все же пойдут! И Буза, и Жвыкаленок, и Длинный, и я! Теперь без школы нельзя!— убежденно проговорил Уголек.— Теперь всем хочешь не хочешь — учиться! Закон был. Разве не слышал?

Его убежденность подействовала. Во всяком случае, Яшонок поверил, что по закону, обязательному для всех, и ему, Яшонку, тоже надо учиться. Но все же уточнил:

— Может, это у кого родители?..

— Да нет!— возразил Уголек.— Всем! Я тебе точно говорю: всем!

У начала новой жизни

Разговор этот против его воли сильно взволновал Яшонка. Ночевал он опять на чердаке того же дома. Пьяные мужики с заходом солнца разбрелись, и, едва стемнело, Яшонок пробрался в свое убежище.

Но плохо спалось ему этой ночью не только от холода. И поднялся он раньше времени, долго, по-всегдашнему чистился, даже умылся на станции, пригладил волосы. Так что выглядел не намного хуже других, когда подошел к школе. Большинство, как и он, явились босыми. Кто в рубахе, кто в порванной майке. Вот только у всех были еще в руках или через плечо полотняные сумки, а Яшонок такой не имел. Но ведь не это, наверное, было главным? И волновался он по какой-то другой необъяснимой причине.

Уголек с видом бывалого человека утешил:

— Ничего! Не бойся! Я уже раз туда заходил! Глядел прошлый год. Скучно немножко, а так ничего страшного. Держись со мной, и все!

На вид школа действительно не представляла ничего страшного. Внешне это была самая обыкновенная изба. Даже из небогатых. Огромный дом Жиряка выглядел бы рядом с ней дворцом. И одна-единственная комната школы, в которую попадали через небольшие сенцы, с черной доской и печкой в дальнем углу, с дощатыми столами в два ряда, служила классом одновременно для всех: и для таких, как Уголек, Яшонок, кто пришел на занятия впервые, и для тех, кто учился уже по второму, третьему, даже четвертому году.

Для начинающих старшеклассники отвели три первых стола в первом ряду, и Яшонок уселся на лавку с краю, вплотную к Угольку, чтобы занимать с ним одно место.

Девчонок было мало, они тихонько жались на одной лавке, в то время как мальчишки из старших групп шумели на разные голоса, обменивались пустыми патронами, рогатками. Один, с пятнами конопушек возле глаз и ушей, сказал, что начинающих учителка лупит указкой, так положено. И Яшонок тут же решил, что сбежит, лупить себя не даст.

Всезнающий Уголек не поверил конопатому:

— Это при царе лупили, теперь запрещено!

Галдеж мало-помалу угасал и стих вовсе, когда, выглянув за дверь, кто-то крикнул:

— Учителка!

В мыслях Яшонок по всякому представлял ее себе, но чаще всего тощей, как жердь, хмурой, чем-то похожей на мужика. И обомлел весь, когда узнал в вошедшей ту хлопотливую и, как ему казалось, беспомощную женщину, у которой он пил зимой чай с хлебом и оставил больного Уголька. Была она и в самом деле худой, но не очень высокой, в черной юбке и шерстяной кофте, какие вязали деревенские бабы. Но от деревенских ее отличала какая-то

подчеркнутая аккуратность во всем: в той же одежде, в прическе, движениях — да еще редкостные по тогдашнему времени очки в тонкой блестящей оправе.

Шорох за столами ненадолго отвлек его мысли от этой внезапной встречи: из полотняных сумок извлекались тетради, книги. Глядя на других, Уголек тоже достал тетрадь, открыл пузырек с чернилами. У Яшонка ничего этого не было. Решил про себя, что скажет учительнице:

им с Угольком хватит одной тетради на двоих.

Но учительница словно бы ничего не заметила.

Да и весь первый урок показался Яшонку каким-то неправильным.

Сначала очкастая учительница прошла к задним столам, где сидели старшеклассники. И Яшонок смотрел то на нее, то на черную доску между рядами, почти не вслушиваясь в разговор. А учительница спрашивала о каком-то задании на лето, об учебниках... Потом сказала новичкам, что для знакомства они должны будут нарисовать себе те крючочки и палочки, которые она изобразит на доске. И стала быстро-быстро чертить эти палочки.

Рисовать Яшонку было нечем и не на чем, он стал помогать Угольку советом, немножко тяготясь уже всей этой колготной и малоинтересной учебой.

Когда Лилия Леонидовна, как звали учительницу, объявила перерыв, он сильно обрадовался вместе со всеми. Рванул было к выходу следом за Угольком. Но Лилия Леонидовна, стоя возле двери, неожиданно поймала его за рукав и держала, пока другие высакивали на улицу.

А когда школа опустела, подвела и усадила Яшонка за стол, сама остановилась над ним и принялась расспрашивать, кто он, откуда, как фамилия.

Яшонок вынужден был рассказать о своем прошлом, которое было таким бесконечно долгим, когда вспоминаешь его... И оказалось таким коротким, когда он начал рассказывать.

Лилия Леонидовна помолчала. Сняла и белым носовым платком протерла очки. Опять надела их.

— Может, тебя в детский приют устроить? Я поговорю с председателем сельсовета...

— Не! — Яшонок сразу чуть отодвинулся от нее. Властей он боялся. И всегда далеко обходил сельсовет. — А в детских домах, рассказывал один беспризорник, хуже, чем в тюрьме: в подвал сажают.

Учительница помедлила.

— Неправду наговорил тебе беспризорник. Где же ты жить собираешься?..

Ерзнув на лавке, Яшонок ответил неопределенно:

— У меня есть...

— Очень хочешь учиться? — спросила она, двумя пальцами приподняв его голову, чтобы смотреть в глаза.

Яшонок замялся. Если вот это бесконечное сидение на одном месте и называется учебой, веселого он пока нашел в ней мало. Правда, Уголек, Буза, Жвыкаленок и другие будут сидеть...

А Лилия Леонидовна сказала:

— Счету научишься... Книжки будешь читать, понимашь?

Зря она только обращалась с ним как с маленьким. Это

он ростом немножко не удался, а лет ему почти столько же, сколько Угольку.

— Хочешь научиться читать? — переспросила она.

И, сглотнув сухость в горле, Яшонок кивнул.

— Ну приходи, учись... — Она провела рукой по его волосам. — Помнишь, где я живу? Не забыл?.. Зайди после уроков, я тебе тетрадку найду, перышек... Будем учиться! — как-то вдруг весело и вместе с тем грустно заключила она.

Вот это было самым главным, что навсегда запомнилось Яшонку от первого дня занятий в первом классе.

Ночью он, зарывшись в тряпье на чердаке и спрятав от мышей за стропило обернутую газетой тетрадь, видел во сне, как читает книгу, похожую на одну из тех, что видел в доме Лилии Леонидовны... Мужики, бабы ахают, удивляются, а он сидит читает и все понимает, что там написано...

Конная атака

Яшонок думал, что Бадлаш выследил его на чужом чердаке и поведет речь об этом, когда тот по-всегдашнему командным голосом окликнул его.

В Кувшиновке Бадлаша боялись. Он всю жизнь умел пристраиваться там, где можно брать, но ничего не давать. С постоянно прищуренным правым глазом и ядовитой ухмылкой на губах, Бадлаш одно время каким-то образом пробрался в комитет бедноты и возомнил о себе, будто сделался главным лицом в государстве. Когда Бадлаш входил в дом, хозяева старались не говорить ничего лишнего, угождали его чем-нибудь в надежде, что Бадлаш наестся, напьется досыта и уйдет вместе со своим наганом, который он в то время носил за поясом, чтобы все постоянно видели — идет власть. Хозяев, которые угождали его, он даже не благодарил, считая, что те должны радоваться его приходу. А Яшонку пригрозил однажды в Кувшиновке, чтобы не шлялся, обещал сдать в милицию за какую-то пропажу у него, у Бадлаша.

Теперь он остался без власти и без нагана, но, судя по всему, не изменился. Ходил в хорошем костюме и новой сатиновой рубахе, которые наверняка отнял у кого-нибудь еще в бытность комбедовцем, потому что зарабатывать Бадлаш не умел и не хотел, а все чужое, что нравилось ему, считал своим...

Яшонок сидел на траве, под старым одиноким тополем

на окраине, вырезал ножичком узоры на ольховой тросточке, когда от плетня послышалось:

— Эй, ты!

Яшонок поднял голову.

— Ну-ка подь сюда! —

Бадлаш ткнул пальцем в землю перед собой.

Яшонок подумал, что успеет сбежать от него, если понадобится. Приблизился.

— Ну-ка... — Бадлаш взял тросточку, непонятно хмыкнул, оглядывая ее. Показал реденькой бородой в сторону ножа: — Дай-ка посмотрю...

И надо же было недогадливому Яшонку протянуть ему ножичек.

— Та-ак... — Бадлаш закрыл и снова открыл лез-

вие, попробовал его на ноготь, пошевелил из стороны в сторону. Лезвие держалось крепко. Ножик был хороший.

— Вот, значит, что, малец! — Бадлаш повысил голос, как бы подчеркивая, что переходит к самому важному. — Игрушка эта тебе, бродяжке, ни к чему! — Он щелкнул ножиком и опустил его в карман. — Тебя вообще надо бы привлечь... Зарежешь еще кого-нибудь!

Яшонок только и успел открыть рот, когда Бадлаш повернулся к нему спиной и важно зашагал прочь.

— Дяденька, — спохватился Яшонок, — дяденька, отдайте!.. — догнав, попросил он.

Бадлаш приостановился на мгновение.

— Хочешь в темную? В подвал? До милиции... Или в сельсовет свести?

Злость и обида сдавили горло Яшонка, так что он даже ничего больше не мог сказать, глядя в спину удаляющегося Бадлаша. Сделанный из хорошей стали, с разрисованной рукояткой, ножик был единственным его богатством. К тому же в своей беспризорной жизни Яшонок просто не мог обходиться без ножа: и картошку почистить, и рыбу выпотрошить, и огурец разрезать, да, наконец, и палочку себе разукрасить орнаментом, как это делал он только что.

Новая жизнь без необходимости куда-то двигаться каждый день, чего-то искать, постоянно кого-то опасаться то ли успокоила, то ли немножко расслабила его, но, кажется, никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным, как на этот раз. Точно какой-нибудь жиряцкий сынок...

И когда он брел к Угольку, его давило это чувство беспомощности.

На лужайке близ Уголькова дома тем временем уже собралась большая компания — человек пятнадцать. Что-то придумывали, как всегда.

Уголек по-своему истолковал его невеселое настроение:

— Хозяева вернулись? Или опять вино пьют?

Не скрывая досады, Яшонок объяснил ему, что случилось.

— Эх! Да мы его сейчас!.. — разозлился Уголек. — Мы этому Бадлашу!..

— А что мы сделаем?.. — поинтересовался осторожный Жвыкаленок.

— Да налетим всем гамузом! — вмешался Буза, который других методов борьбы не знал. — Если сразу, всем обществом налететь — повалим!

Уголек задумался. Налет на Бадлаша мог кончиться не в пользу компании. И все замолчали в ожидании его решения.

Наконец Уголек объявил:

— Есть план! Только надо дружно! Чтобы все — тогда никому не попадет! Устроим конную атаку!

Через несколько минут его план стал более понятен. Ставка делалась на главную гордость Бадлаша — на его большие карманные часы с цепочкой. Без них тот, наверное, умер бы, до того любил он похвастаться своим сокровищем, неизвестно где украденным.

Лоза росла рядом, поэтому коней для атаки искать не приходилось: выламывай себе какую нравится, садись на нее верхом и погоняй!

Так что скоро, настроенные по-боевому, возбужденные, пятнадцать всадников, оглашая своим криком Непочетовку, уже мчались в сторону конюшни, где от безделья чаще всего околачивался Бадлаш.

Он и теперь, не найдя собеседника, в одиночестве покуривал на старой телеге.

«Конники» завертелись вокруг него, лихо покрикивая на «лошадей».

— Дядь! Сколько время? — спросил Уголек так, чтобы неповоротливый Бадлаш не заметил, кто спрашивает.

Яшонок по договору оставался в проулке.

Одной просьбы оказалось достаточно. Бадлаш ухмыльнулся, грузно соскакивая на землю. И когда «всадники» окружили его, медленно, важно отогнул полу пиджака, поиграл цепочкой, собирая ее в ладонь, извлек часы и, щелкнув крышкой, поднял их на вытянутой руке перед собой.

Это были самые сладостные минуты в жизни Бадлаша: показывать, что у него есть часы. На этот раз, правда, взрослых никого поблизости не было. Но Бадлашу хватало и того, что полтора десятка мальцов с восторгом, как он думал, заглядывались на его богатство, чтобы потом повторять всюду: «Бадлаш сказал, времени четыре часа...» Или: «На Бадлашовых часах было четыре...»

— Ой-ой! — пискнул сбоку, за его плечом Жвыкаленок. (Это было главной хитростью в плане Уголька: все сделать

так, чтобы хвастливый Бадлаш не мог догадаться, кто что говорит или кто что делает.)

Бывший комбедовец невольно оглянулся на вскрик.

Ему понадобилось всего мгновение, чтобы оглянуться, и Бадлаш не сразу понял, что же случилось за это мгновение, когда опять уставился в свою пустую ладонь.

Часов не было. А «конники», сверкая голыми пятками, уже скрывались в переулке.

— В-вы... Вы, контрики! — захлебнулся Бадлаш.— Отдайте часы!

Мальчишки кружились возле угла, готовые каждую минуту дать стрекача на своих «конях». Бадлаш понял это, оглянулся на всякий случай, нет ли кого поблизости, и, сбавив тон, повторил уже просительно:

— Отдайте мои часы...

— А ты ножик отдай! — снова пискнул Жвыкаленок.

— Какой ножик?

Тут в плане была неувязка. Переговоры — дело долгое, и вести их до конца всем обществом оказалось трудно. Уголек остановил своего «кона».

— А какой у Яшонка отнял!

— Значит, ножик этот мне нужен! — опять взъярился Бадлаш, как бы радуясь, что теперь имеет дело с одним противником.

— А нам часы нужны! — крикнул, скрываясь за углом, Бузя.

— Эй-эй! — испугался Бадлаш.— Зачем бояжу ножик?!
Зарежет еще кого-нибудь!

— А это не его нож! — возразил Уголек.— Это ножик наш общий!

Бадлаш задумался.

— Ножик — это тьфа! А часы дорогие. Хотите с милицией толковать?

— А мы у тебя ничего не брали! — спохватился Уголек, тут же разворачиваясь на «коне».

Бадлаш снова не на шутку испугался.

— Эй-эй! Стойте! — Он оглянулся по сторонам, чтобы никто не видел его позора, достал из кармана ножик. — Нате вам вашу фиглюшку! Давайте часы!

«Конники» замешкались, справедливо не доверяя противнику.

— Нет, — возразил Уголек, — ты положи ножик вон на тот камень, — он показал, — и отойди. Вот туда! Мы возьмем, тогда отдадим часы!

Бадлаш скрипнул зубами от злости, шумно вздохнул. Каждую минуту могли появиться взрослые, тогда ему конец — засмеют.

— Ну ладно... — Подошел к камню и положил на него ножик, после чего медленно отступил к конюшне.

Компания дружно, с гиканьем окружила камень, потом отхлынула и понеслась вдоль по Непочетовке, унося с собой ножик Яшонка.

Бадлаш утер пот, когда наконец взял с камня и убедился, что часы остались целехонькими, что они идут. Засунул их на самое дно кармашка и впервые спрятал даже цепочку.

Волки

Станция была наиболее надежным местом, где в трудную минуту можно было чем-нибудь поживиться. Яшонок знал огромный амбар по ту сторону линии, возле которого поденные рабочие сколачивали ящики. А к амбарам часто подъезжали грузовики и подводы, доверху груженные овощами: морковью, капустой, помидорами. Так что всегда удавалось найти что-нибудь прямо на земле. Овощи, правда, часто оказывались вмятыми в землю транспортом. Но не так-то просто расплывать морковку. А из капустного вилка, раздавленного колесами, можно вырезать белую, хрусткую кочерыжку...

Накатанной дорогой, по задворкам станции Яшонок уже приближался к амбару, когда его на большой скорости стал

догонять грузовик. Из-под брезента в кузове его виднелись яркие помидоры. А возле кабины сидел мужик, чье лицо показалось Яшонку знакомым. И, отскакивая на обочину, он протянул руки в надежде, что мужик бросит ему два-три помидора.

И тот действительно, мгновенно приподняв брезент, выхватил из-под него здоровый помидор. И, вдруг размахнувшись, изо всей силы запустил в Яшонка...

Увернуться он не успел, настолько это было неожиданно. И в первые минуты не обратил внимания на то, что разлетевшийся вдребезги помидор облепил его множество раз латанную рубашку, потому что от удара в плечо сразу же занемела рука. Он никогда не думал, что обычным помидором можно ударить так сильно.

Пошатываясь, отошел подальше от дороги, упал в траву и заплакал...

Идти к амбару уже не хотелось. Едва боль приутихла и высохли слезы, двинулся от Вязовки в сторону леса. Там никто не обидит. А в траве, под листвой, можно найти лежащие груши. Правда, близ опушки, а то и на километр-два в глубину леса груши наверняка уже подобрали на корм свиньям. Но ничего, была бы цель, к дорогам не привыкать Яшонку.

Углубился в разнолесье, с кочки на кочку пересек болото и неожиданно даже начал узнавать места. Оказывается, где-то здесь поблизости он пас летом коров. И часто разглядывал птиц на болоте. Они были все разные, а как их зовут, подсказать было некому.

Вдруг вспомнил: мужик на машине был одним из тех, что пили «Пшеничную» в оставленной избе, дружок Бадлаша!

И тут заметил трех козочек на поляне. Людей поблизости никого не было, а они мирно, как-то по-домашнему щипали траву. Может, на кордоне поселились новенькие?

Он все-таки далеко забрел в поисках дичка груши и, ози-

раясь, уже начал подумывать о возвращении, как неожиданно с той стороны, откуда шел он, завыл волк.

Яшонок только раз, ночью, слышал этот зловещий вой. Но издалека. И то при этом кровь в жилах стыла. А тут показалось, нарастающий вой раздавался в нескольких шагах, рядом!

Яшонок шарахнулся в противоположную сторону. Однако, точно по уговору, оттуда, потом где-то еще справа раздался ответный вой.

Яшонок бросился в единственном пока свободном для бегства направлении — влево. Краем глаза видел, как заметались на поляне козочки, попытался с ходу вспрыгнуть на дерево, но сухая ветка обломилась под его тяжестью. Он упал, вскочил и побежал, больше уж ничего не соображая, падал, вскакивал, прорыпался через кусты. Это самое отвратительное состояние: ничего не ощущать, кроме страха, ничего не понимать, кроме того, что останавливаться нельзя.

Не заметил, как выскочил из леса. И, только опять споткнувшись, уже не мог оттолкнуться от земли и мгновенно, как до этого, вскочить на ноги.

— Откеля ты? Чумной, никак?

Тяжело дыша, Яшонок сел.

Он оказался на бахче, среди арбузной ботвы. Над ним, в просторной, без пояса рубахе, с реденькой бородкой на иссохшем лице, стоял старик. Неподалеку виднелся шалаш и пирамиды уложенных рядом с ним арбузов.

Яшонок слготнул.

Светилось приветливое солнце над головой, и вдруг показалось нелепым это сумасшедшее бегство через лес, нелепым и необязательным; он перетрусил больше, чем следовало. День ведь...

— Там... козочки. И волки... — Он мотнул головой в сторону леса.

— Волков слыхал. А козочки откель?

— Не знаю... Три... — Яшонок утер подолом рубахи лицо.

— А я и ружьишко вчера сь дома оставил! Последним часом тут! — всполошился старик. И неожиданно энергично бросился к шалашу. — Это мы, однако, сейчас!

Яшонок отдохнул тем временем. Не так уж много он и бежал.

Старик вернулся с рогатиной.

— Айда пужнем!

Яшонок поднялся, вытащил и открыл ножик.

— Э-э! Ножик-то свой убери! Лучше вот! — подобрал с земли и подал Яшонку длинную, похожую на дубину палку. — Главное, кричи громче! У меня-то уж голосу тово нетути! По всему, состарился...

— О-о-о-о!.. — закричал Яшонок. И спросил на бегу: — А сколько вам лет, дедушка?

— Да за сто, поди, наберется! Ты очень-то не забегай, сердце заходится!

— Ого-го-о!.. — продолжал кричать Яшонок.

Он думал, если козочки не достались волкам, то разбежались уже. А они все метались по поляне. Только тут заметил, что все три были привязаны. Сразу потянулись к людям.

— Ну вот... — передохнул старик. — Живые твои козочки. Сам-то жив? Бёг так...

— Живой... — нехотя отозвался Яшонок.

Волчьего воя не было слышно. А где-то неподалеку за скрипели колеса.

Пошли со стариком по направлению звука.

По старой просеке двигались три телеги с мужиками.

Передний, в казачьем картузе, черноусый, весело окликнул, обращаясь к старику:

— Никак, моих козочек стерегете, Гаврилыч?

— А то! И стерегем! Волки десь туточки!

— Во напасть, развелось их! — Мужик остановил лошадь, за ним стали и другие. — Мальчонка-то чей?

— А ничей... Сирота кругом, — отозвался Гаврилыч. —

Я тебя знаю,— объяснил Яшонку.— Коров стерег летось на кордоне, так?

— Так...— подтвердил Яшонок. Старика он не видел раньше. Просто некогда было ему на людей засматриваться, пока у лесников работал.

— Ну, коль сирота... Садитесь-ка на телегу, вместе подъедем,— сказал черноусый, которого, как потом выяснилось, звали Павлом.— Козочек они пока не тронут, на обратном — заберу. А для всякого пуганем щас...— Он взял с телеги ружье и дважды выстрелил в воздух.— Не придут в одно-

часье. А тебе с меня причитается досыта! — обратился он к Яшонку, который, свесив ноги, уже сидел на телеге.

Мужики ехали за теми самыми арбузами, которые он видел возле шалаша.

Только соскочили на землю, Павел вытащил из кармана складник, прикинул на широкой ладони тяжелый, в крапинку арбуз и одним ударом ножа развалил его надвое.

— Давай отведывай! Арбуз — он кровь прочищает. Зовут-то как?

— Яшонком...

— Это как же понимается?

— Не знаю... — как всегда, ответил Яшонок, перенимая от него первую арбузную скибку.

— Может, в роду кто Яшкой был?

— Не знаю... — повторил Яшонок.

— Это точно — от Яшки имя у него, — подтвердил другой, с лицом в осипанных крапинках мужик.

Все уселись в один кружок и с тем же смачным «краком» развалили еще два арбуза.

Поначалу Яшонок старался есть неторопливо, но вскоре забыл это намерение и спохватился только тогда, когда заметил, что все давно уже смотрят на него. Увидел целую кучу арбузных корок перед собой.

— Оголодался мальчонка... — не выдержал Павел. — Одной не успеешь сжевать, он пять уже... Да ты не стесняйся, не стесняйся! Жуй, пока жуется! — и ловко разделал перед Яшонком еще один арбуз.

Мужики, как бы для того чтобы не мешать ему, разом встали и принялись загружать телеги.

Но Яшонок уже не мог есть — просто-напросто некуда было. Сплевывая семена, высосал еще один кусок и взялся помогать мужикам.

Когда телеги были нагружены, опять сошлись в кружок перед обратной дорогой.

— Чего эт у тебя?.. — спросил Павел, ткнув пальцем в

засохшие помидорные потеки на груди и на рукаве рубашки Яшонка.

— Да тут один... — Яшонок помялся и рассказал, что как было.

— Во зверюга! — Павел ругнулся. — Эта волчина похуже тутошних...

Другие мужики тоже ругнулись.

Старик Гаврилыч пробормотал что-то неразборчивое. Павел оглянулся на оставшиеся арбузы.

— Это, Гаврилыч, тебе подол за сторожбу. Не мало?

— Хва! — отмахнулся Гаврилыч. И повернулся к Яшонку: — Оставайся тут, заночуешь...

— Не... — отозвался Яшонок.

— Ай ждет кто?

— Ждет... — ответил Яшонок. И подумал: «Кто ждет?..»

Потом спохватился: «Да, ждут». — В школу мне утром.

— А живешь где? — спросил Павел.

— На Непочетовке...

— Ну, сколь не сколь, а полпути я тебя подброшу. Айда на воз! Козочек захватим и потюхаем... Покедова, Гаврилыч! Завтра мы твое подбросим!

— Покедова! — отозвался Гаврилыч.

Близ поляны остановились и привязали к задку телеги козочек.

Там, где Яшонку надо было сходить, опять остановились. Павел некоторое время взглядывал то на него, то на арбузы у себя за спиной, потом хмуро вздохнул и сунул один из них Яшонку.

— Чем богат, как говорится...

Яшонок проводил их взглядом и, направляясь через лес, решил, что арбуз он съест завтра. Потом передумал: разделит его на канаве для всей компании... Из-за волков нельзя забывать, что есть друзья.

Бога нет, оборотни бывают

Эти первые дни новой для Яшонка жизни были полны открытий. И наверное, прежде всего он открывал для себя какое-то иное, не похожее на прошлое, детство. До этого он в одиночку бился за свое существование, теперь его все время окружали ровесники.

Ночевал он по-прежнему на чердаке, который стал его «законным» домом. Перекусывал чем придется и засыпал, уверенный, что завтрашний день, начиная со школы, принесет опять много нового, радостного уже тем, что было не похоже на все его уныло-однообразное былое.

А приключения подстерегали на каждом шагу.

Вот и сегодня, после школы и футбольного матча у канавы, едва успел Яшонок забраться в темноте на чердак, прибежал Уголек.

— Айда! Там чудеса! Жвыкаленка черти поймали!

Яшонок ничего не понял из этого сообщения, но скатился на землю и следом за Угольком побежал в дальний конец Непочетовки, где за окопицей вокруг Жвыкаленка собралось уже несколько человек.

Тут Яшонок невольно подобрался весь, потому что дальше, за неглубокой балкой, начиналось поросшее кленом и ветлами кладбище.

Жвыкаленок уже устал рассказывать, что с ним произошло. Но Уголек повторил для опоздавших.

Мать послала Жвыкаленка в соседнюю деревню отнести крупорушку. Оттуда он подался на речку. Не заметил, как стемнело. Двинулся быстрым шагом назад. И уже на подходе к Вязовке решил сократить себе дорогу — пошел через кладбище. Вернее, о самом кладбище сразу даже не подумал. Но, когда услышал, будто стон чей-то рядом, а потом смех, понял, что уже находится в глубине кладбища. Хватился бежать что было сил. И тут началось: что-то затрещало, засвистело, заулюлюкало! Он быстрей. А его вдруг как сада-

нет в бок! И за рубаху схватило. Жвыкаленок заорал во все горло. И хоть полрубашки оставил у того, все же думал, что вырвался. Но и двух шагов не сделал, как тот за ногу его хватанул. Шлепнулся Жвыкаленок. И вот уже не помнит, как опять подхватился, как сюда прибежал. Ваську встретил Афонина...

— Ты бы хоть оглянулся, когда хватало тебя... — осторожно упрекнул Буза.

Жвыкаленок всхлипнул, потирая ушибленную ногу. Кусок рубахи от левого рукава и донизу остался на кладбище. А кроме того, мать дала ему надеть в чужую деревню картуз, тапочки. Теперь и левый тапок, и картуз были у ЭТОГО — у оборотня или еще у кого...

— Нельзя оглядываться! — ответил он Бузе. — Хоть у кого спроси!

— Это точно: нельзя, — подтвердил Длинный. — Как оглянулся, тут и конец! Думаешь, для чего он хватает?

Все на минуту приумолкли. Уголек, чтобы подчеркнуть свое недоверие к рассказу, хотел спросить Яшонка независимым тоном, но голос его подвел:

— Ты думаешь, оборотни бывают?.. — Он кашлянул, чтобы прочистить горло.

— Наверно, бывают... — осторожно ответил Яшонок. Уж кладбища-то он всегда обходил.

— Значит, и бог есть?

Яшонок подумал. Все со вниманием прислушивались к их разговору.

— Бога нет, а оборотни есть, — решил наконец Яшонок. — Иначе куда же люди деваются? Ну вот, когда умирают? А? Ну, вот я, например, или нет, кто-нибудь умрет, куда денется?

Уголек не знал этого. Возразил Жвыкаленку:

— Споткнулся ты, вот и потерял тапочек. И фуражку — когда упал... — Но в голосе его опять не было желанной уверенности.

— Да! — рассердился Жвыкаленок. — А рубаху кто рванул? Хватал меня кто? — Он еще раз продемонстрировал свой голый бок.

Уголек задумался. Рубаху Жвыкаленок не мог сам так изуродовать...

И все выжидающие смотрели на Уголька. Ему оставалось либо признать весь рассказ Жвыкаленка правдивым от начала до конца, либо теперь же, немедленно доказать, что все это выдумка.

Яшонок понимал, что Уголек сам поставил себя в это невыгодное положение, и хотел помочь другу, но не знал как.

— Теперь он их уже в землю утащил! — испуганно добавил Жвыкаленок, все еще возбужденный.

Уголек встал, еще раз откашлялся.

— Ладно... Идемте туда! — показал в темноту.

— Куда туда?.. — настороженно уточнил Васька Афонин.

— Да вот к балке. А там... кто хочет, — добавил Уголек после паузы.

— Можно ведь завтра... Когда рассветет... — заметил Яшонок.

Но все уже встали и один за другим двинулись в темноту, к балке. Уголек вышагивал первым. Приостановился, когда заметил, что Длинный достает спички.

— Не порть, отдай мне. — Теперь голос его звучал твердо, хотя и немножко глухо, как у обреченного, которому уже все равно...

Потом все замолчали. И без единого слова пробрались через можжевельник на самый край балки, залегли, тщательно обшарив каждый куст вокруг себя.

Единственno этот пятак и был пока отвоеван ими у темноты. Она властвовала уже на расстоянии вытянутой руки, становилась непроглядной по ту сторону балки и перемещалась густыми, черными ворохами дальше, где кладбище.

Яшонку все это очень не нравилось: кто их, мертвяков, знает...

Длинный плечом подтолкнул его.

— Гляди! Чего это там, на той стороне?

— Где светится? — шепотом спросил Яшонок.

— Да нет! Идет...

— Ничего там не идет... — чуть громче их возразил Уголек. — Там пень. Забыл, что ли?.. — И спросил Жвыкаленка: — Где ты переходил?

— Вот тут вот! Чуть сюда! — с готовностью показал Жвыкаленок. — Я мимо карагача шел, где монашка похоронена... Монашка, понял?

Уголек не ответил ему.

— Буза, пойдешь со мной?

— Чего я там не видел?.. — мрачно отозвался Буза. — Тапков я там не оставлял...

Помедлив самую малость, Уголек оттолкнулся от земли и встал.

— Ну, я пойду... — проговорил он словно бы для себя.

— Я буду зажигать все время! — Буза погремел своей коробкой спичек. — Ты, случай чего, жми!

— Ладно... — согласился Уголек. Лица его при этом нельзя было разглядеть, но он тут же шагнул вправо, куда показывал Жвыкаленок, и растворился в темноте.

Яшонок сжался от сознания какой-то вины перед ним. Хотя в чем он мог провиниться?

Вспыхнул и тут же пропал неяркий огонек в той стороне, где был теперь в полном одиночестве Уголек, потом слышен был шорох кустов, когда он спускался и лез на противоположный склон... Потом все стихло.

Спустя минуту-две Буза зажег спичку. Потом еще одну. Подержал над головой...

Ни блестки в ответ со стороны кладбища.

— Ты лучше... не надо, — шепотом попросил Жвыкаленок.

Да Буза и сам видел, что темнота после вспышки становится еще таинственней, непроглядней.

А Яшонок вдруг явственно увидел, как что-то черное надвигается на него с той стороны. И все темнее, все ближе с каждым мгновением!..

Испугаться он почему-то не успел. Он просто не вспомнил о себе в эту минуту. Но вдруг со страхом подумал об Угольке и вскочил на ноги.

— Ты чего это?! — испуганно окликнул Буза.

Но Яшонок уже нырнул вправо от него, в темноту, туда, где недавно исчез Уголек.

Когда карабкался на противоположный склон, уловил движение за спиной, но не оглянулся.

На кладбище тихонько позвал:

— Уголек...

Ночь ответила ему молчанием.

Тогда он побежал дальше, не решаясь кричать. Мелькнула мысль, что надо бы хоть палку прихватить с собой. Потом вспомнил о ножичке в кармане. Хотя какой прок от палки или ножа против мертвеаков, если они как тени: захочет — пройдет сквозь дерево, захочет — сквозь тебя.

Могилы и деревья над ними угадывались темными густками по сторонам. Он спотыкался несколько раз и только чудом не сломал ногу, налетев на заросшее травой надгробие.

А продолжалось это, может быть, всего одну-две минуты. Но время отсчитывалось для него ударами сердца, которое часто и оглушительно ухало не в груди, как обычно, а словно бы сразу во всем теле.

И он обмер от неожиданности, с ходу остановившись как вкопанный, когда впереди, немножко вправо от него, полыхнул огонек. Не вдруг сообразил, что это всего лишь спичка в руках Уголька.

Побежал вправо.

Собственных шагов при этом не слышал, хотя топотал

вовсю. Так что Уголек с расстояния тридцати — сорока метров предупреждающе выкрикнул:

— Кто там?!— Он зажег новую спичку, и она высветила его испуганное лицо.

— Я это! За тобой! Яшонок!

— Фу... Ты чего?— облегченно выдохнул Уголек. И когда попробовал снова засветить огонь, спичка переломилась в его непослушных руках.

— Да я вот... за тобой,— повторил Яшонок.— Чего ты застрял?..

— А-а...— стараясь быть равнодушным, протянул Уголек. И мало-помалу действительно успокоился.— Вот видишь: здесь монашка похоронена...— Он повернул Яшонка лицом к темнеющему на земле надгробию.— А вон тот — карагач!— ткнул пальцем дальше, за могилу.

Обогнув надгробие, они бок о бок двинулись в сторону дерева. И прошли всего каких-нибудь десять шагов, когда Яшонок больно ударился обо что-то острое, машинально схватился за бедро.

Уголек тут же опять чиркнул спичкой и не сдержал радостного возгласа:

— Вот она!

На углу покосившейся деревянной оградки висела, как флаг в безветрие, зеленая тряпка — недостающий кусок рубахи Жвыкаленка.

Испортили еще несколько спичек. И неподалеку от оградки нашли малиновый казачий картуз.

— А тапок он пусть завтра сам ищет! Страйся тут за него!— радовался Уголек.— Пошли!

Задерживаться на кладбище все-таки не следовало. Мало ли что...

И, только пройдя ветлы, что разрослись вокруг чьих-то старых-старых, уже несуществующих могил, заметили вспыхивающие одну за другой спички на выходе с кладбища, услышали осторожный свист и голос:

— Э-эй!.. Уголек! Яшонок!.. Где вы?!

Возле балки, изрядно перетрусиившие, друзей поджидали Буза и Длинный.

— А остальные? — спросил Уголек.

— Жвыкаленок и Фони там! — Буза махнул рукой через балку.

— Вот его шмотки! — сказал Уголек и торжествующе протянул Бузе сначала малиновый картуз, потом клок зеленой рубахи.

Яшонок, торжествуя вместе с ним, промолчал.

Его страх перед обиталищем мертвых не пропал вовсе, но что-то он все же победил в себе этой ночью.

Попов лог

Километрах в пяти за совхозом «Большевик» далеко-далеко тянулся мрачный, поросший на склонах густыми акациями, а в низине — вереском, терном, бурьяном, Попов лог. Неподалеку от него, ближе к большаку, когда-то стояла на взгорке ветряная мельница, остатки которой, видимые издалека — фундамент, жернова, — вызывали неприятные чувства. А о самом логе рассказывали такое, что мороз проходил по коже. Свое название он получил давным-давно, когда Яшонка еще на свете не было, до революции. Будто бы однажды в глубине лога нашли мертвого священника.

Как он попал сюда из далекой деревни, зачем оказался в логу и что с ним сделалось, никто до сих пор так и не узнал. Потом в логу находили то ли самоубийц, то ли убитых — вовсе не известных в округе людей. По ночам в глубине его слышали, кто-то бродит, треща кустами. Лог словно бы затягивал в себя жертвы. И даже взрослые люди обходили его стороной. А верующие крестились при этом.

Уголек как-то мимоходом предложил компании обследовать лог. Но поддержки не нашел, и затея эта была отложена на неопределенное время.

Яшонок бывал в Поповом логу. Но его гнало туда не любопытство, а необходимость. И он промолчал, чтобы лишний раз не распространяться о своей бездомной жизни, вроде жаловаться...

Предложение Уголька, однако, напомнило ему об этой, еще одной возможности добывать себе хлеб насущный. И он решил, что надо воспользоваться ею при удобном случае.

А тут как раз подошла суббота. И погода стояла отличная. А Уголек после уроков не появился на канаве.

У родительских детей это случается: что-нибудь надумают отец с матерью — и баста: сиди как на привязи.

Жвыкаленок тоже не пришел. Но этот хоть понятно, по какой причине: досталось дома за чертей на кладбище.

Солнце тем временем перевалило зенит и как бы потускнело слегка. Во второй половине дня солнце почему-то всегда немножко грустнее, чем утром.

Компания мало-помалу распалась: кому надо обедать, кто по домашним делам, кто еще куда.

Один Яшонок долго прогуливался между канавой и домом Уголька в надежде, что друг вот-вот появится... В конце концов решил не терять времени даром и быстро зашагал сначала по Непочетовке, потом пыльным большаком в сторону совхоза.

Но когда прошел мимо «Большевика», солнце уже начало

клониться к горизонту. Длинные тени от одиноких акаций близ Попова лога вселили беспокойство.

На поля, на листву деревьев, даже на серебристые перышки ковыля легла желтизна. Лог затаился в преддверии ночи.

Яшонок даже замедлил шаг.

Раньше он ходил сюда, не думая ни о чем. А тут ему ни с того ни с сего припомнились все вчерашние рассказы об этом заклятом месте и подумалось, что дыма без огня не бывает. Но как-то ободряюще-спокойно, даже с ленцой свирепистела неподалеку незнакомая пичуга. И Яшонок шагнул вниз по склону: если он будет верить всем сказкам, завтра ему нельзя будет шагу шагнуть в одиночку. Хватит, что возле кладбища растерялся.

Здесь, в логу, можно было набрать вязанку сучьев, хвороста, отнести кому-нибудь и обменять на хлеб. А в базарные дни некоторые даже продавали хворост.

Но к осени весь валежник по краям лога бывал уже выбран подчистую. Даже на деревьях не найдешь сухой ветки: у жителей для этого были специальные на длинных, как жердь, черенках крючья, которыми они обламывали сушняк.

Яшонок поторопливался. Но через два-три десятка шагов скорость пришлось убавить. Потому что склон здесь делался круче, а заросли гуще.

Теперь уже, осторожно раздвигая ветви деревьев и пропищупывая ногой опору перед собой, прежде чем ступить, Яшонок спустился вниз, на дно лога.

Старался почему-то не шуметь. Даже сдерживал дыхание. Хотя, как и прежде, ничего страшного в глубине лога не обнаружил.

Мягко пружинила многолетняя прель под ногами, пахло сыростью. Несколько раз, тревожно пискнув, разлетались перед ним невидимые в сумеречных кустах пичуги.

Крюка у Яшонка не было. Но если лазать по деревьям, и тут можно было наломать сучьев. Однако стоило забраться дальше, где наверняка еще сохранился валежник.

А к тому же Яшонку захотелось вдруг пройти через весь лог. Одному. Набрать хорошую вязанку, а заодно удивить всех на канаве, что он побывал здесь.

Над логом приветливо голубело еще облитое солнцем небо. И это прибавляло решимости. Ни скелетов, ни человеческих черепов, о которых говорили в поселке, ему не попадалось. Вместо каких бы то ни было звуков он слышал прямо-таки звенящую тишину.

Что заставило его вдруг оцепенеть на месте, Яшонок и сам не понял. Ни тогда, ни после. Но было какое-то внезапное чувство движения впереди. (Люди говорили правду!) Грудь мгновенно сдавил страх, а рука бессознательно нырнула в карман, к ножичку.

Некто — человек или зверь — молча двигался на него. Эта неизвестность будто парализовала Яшонка, так что он при всем желании не мог бы двинуться с места.

Но вот уже в каких-нибудь пятнадцати — двадцати шагах послышался негромкий, с хрипотцой голос:

— Здесь...

— Никого пока... — второй голос.

Показалось, было слышно, как незнакомцы опустились на землю.

Опять первый голос:

— Подождем. Рано...

Чиркнула спичка, огонька которой Яшонок не видел. Будто жаром обдало все его тело, и мелко-мелко задрожали колени. Однако теперь он уже мог владеть собой: впереди был не зверь, не призрак, а какие-никакие люди.

Крохотными шажками, сантиметр за сантиметром, Яшонок отступил сначала назад, потом в сторону, к левому склону. Бежать, карабкаясь вверх, задыхаясь и ломая ветви на пути, было бы непростительной глупостью, на это у Яшонка хватило ума.

Став на четвереньки, он забрался в гущу терновника и распластался там, будто умер.

Некоторое время в логу опять царила абсолютная тишина. И небо в вышине поблекло. А здесь, в глубине лога, загустела настоящая темнота.

Потом кто-то еще — один или двое — прошел мимо Яшонка тем же путем, каким двигался до этого он сам со стороны «Большевика».

— Кто?.. — послышалось глухое, тревожное, как бы из дальнего далека.

— Чужие... — ответили новенькие. Голоса у всех были почему-то одинаковые.

Когда неизвестные сошлись вместе, Яшонок немножко покаялся, что отступил так далеко: несколько фраз, которыми они перебросились, он не разобрал. Сплошное бубненье...

И потом, когда там появились другие с одним и тем же ответом на вопрос «Кто?» — «Чужие...», ему удавалось разобрать лишь отдельные слова. А сколько там собралось народу — пять, шесть, десять или пятнадцать человек, — он не имел представления. И кто в какой очередности говорил, разобраться тоже не мог.

— Все?..

Чуть слышный гомон.

— Молодые! Вправо и влево...

Человек прошел поблизости от Яшонка в обратном направлении и неподалеку остановился.

Долго и неразборчиво для Яшонка говорил теперь кто-то один. Потом:

— Вопросы какие есть?..

Минуту-другую ничего не было слышно.

— Значит, через месяц?..

— Максимум полтора...

Опять гудение.

— А как хохлы?..

— Это не наша забота. Но и там все в порядке.

Гул. Временами запах табака с той стороны.

- Маловато у нас...
- Чего?..
- Всего...
- Всего будет достаточно.
- А червонцы?
- Денег и впрямь маловато. Но этим пока займется стрелочник со своими...

Опять какое-то время говорили между собой все разом, и понять ничего было нельзя.

Еще недолго что-то объяснял один, должно быть главный. Яшонок услышал только последние слова:

— Всё. Расходимся.

Он лежал и лежал, когда давно уже прошли мимо него то ли группами, то ли по одному несколько человек. Остальные ушли, наверное, в другую сторону. И уже в совершенной темноте буквально пополз вверх по склону.

Потом, выступивая зубами дробь и начисто позабыв о сущняке, он краудучись пробирался к большаку. И двинулся не посередине его, как шел сюда, а обочиной, чтобы при необходимости можно было спрятаться.

Кто эти люди? Зачем они собирались в таком глухом месте? Да еще в темноте! Что такое должно случиться через месяц-полтора? Яшонок не имел ответа ни на один из этих вопросов.

Ясно, что в логу собрались не самые лучшие люди. Скорее всего, обыкновенные ворюги. Но тем в жизни всегда нужно только одно: деньги. А здесь есть все, кроме денег... Ничего Яшонку не удалось понять. И теперь, когда жуткий Попов лог остался за спиной, он снова каялся, что находился так далеко от собравшихся. Когда опасность позади, всегда кажется, что можно было действовать уверенней.

На чердаке Яшонок почувствовал себя как никогда дома. Почти забыл те обрывки фраз, что расслышал в Поповом логу, и скоро уснул, испытывая одно лишь чувство приятного удовлетворения.

Хворосту он пусть и не набрал, зато побывал ночью в логу. Один. И не растерялся перед опасностью, которая, конечно, была.

Нападение и контратака

Похвалиться на канаве или хотя бы рассказать Угольку о происшествии, которое случилось с ним в Поповом логу, Яшонку помешали другие события, из-за которых на время даже вовсе позабылись и непонятное собрание в дебрях лога, и сам Попов лог...

Яшонок стал постоянным жителем Вязовки — непочетовским, как по наименованию улицы звались и Уголек, и Жвыкаленок, и Буза, и Длинный. Все преимущества нового образа жизни он мог оценить уже с первых дней. Но, как выяснилось, его теперешнее положение влекло за собой и некоторые сложности, тем более неприятные для Яшонка, что он о них знать не знал.

В своей одинокой, бродячей жизни Яшонок привык никого не затрагивать. Лучше было проглотить обиду в любой деревне, на любой улице, чем после обходить их стороной, за километры... А у непочетовцев, оказывается, была давнишняя непримиримая вражда с камышовскими. До больших, открытых столкновений дело ни разу не доходило. Но камышовские ловили по одному, по двое непочетовских, если те пытались по их улице пройти в город, а непочетовские подстерегали своих врагов, когда те шли в кино, в совхоз «Большевик», при этом камышовцы никак не могли обойти Непочетовку. Так с переменным успехом борьба эта продолжалась из года в год, и утром следующего дня Яшонок случайно оказался в центре ее.

Вообще камышовских было меньше, и потому, наверное, многие из них были бы не против жить в мире с Непочетовкой, если бы не их воинственный атаман Кувалда, который

не признавал никаких отношений с непочетовскими, кроме полной победы над ними. И вдобавок питал личную неприязнь к Угольку за то, что тот — почти на три года моложе Кувалды — не собирался сдаваться. А рослого Уголька признавали верховодом даже ребята-непочетовцы старше его. Белобрысый и круглолицый Кувалда одним ударом кулака ломал полуторасантиметровой толщины доску, за что и получил свое знаменитое в Вязовке прозвище.

Яшонок ничего не терял на Камышовке, чтобы появляться там. Но его вынудил к путешествию все тот же голод. Немного позже он приспособился запасать еду по воскресеньям сразу на всю неделю. А когда придется и вместо занятий отправиться на поиски хлеба, учительница Лилия Леонидовна смолчит, догадываясь об этом. Она же, наверное, предупредила и всех учеников, чтобы не затрагивали новичка, так что никто из них не попрекал Яшонка его беспризорным прошлым. Только матери новых друзей косились на него с подозрением. Но матерям он старался не показываться на глаза.

Уже решив навсегда остаться в Вязовке, Яшонок тем самым лишился возможности просить хлеб у местных жителей. Здесь он должен был казаться независимым. Надо было ходить за пропитанием в отдаленные деревни, а лучше в город, где легко затеряться в толпе и не быть узнанным.

К началу школьных занятий никаких запасов он не подготовил и потому на следующее утро испытывал знакомое посасывание в желудке; практичный Яшонок, вместо того чтобы дождаться приятелей и рассказать им о вчерашнем приключении, около двух часов без толку торчал на станции в ожидании попутного товарняка и все-таки вынужден был отправиться пешком на свой нищенский промысел. Через Камышовку...

Солнце весело пригревало лицо, и к Яшонку вернулось испорченное было ожиданием хорошее настроение; он даже подумал, что ему, привычному, идти пешком гораздо удоб-

нее, а о вчерашнем он расскажет Угольку после, как вдруг что-то стремительное, тяжелое налетело на него сзади. Ткнувшись лицом в дорожную пыль и почувствовав, как ему скручивают за спиной руки, услышав торжествующие возгласы, Яшонок сообразил, что по неизвестным причинам, неизвестно кем и за что схвачен. Даже перехватило дыхание от мысли, что его заметили там, в логу...

Придерживая с двух сторон, его поволокли за угол, где между хозяйственными салями оказался глухой, унавоженный коровами туличок.

Стриженый, розовощекий и белобрысый парень — как выяснилось позже, сам Кувалда — восседал на березовой колоде в центре этого уединенного закоулка. Мальчишок, что окружили его со всех сторон, Яшонок не знал и, ошарашенный внезапностью, даже не решился ни о чем спрашивать их.

— Больше никого? — спросил розовощекий Кувалда у сопровождавших Яшонка.

— Нет! — радостно доложил ему рослый прыщеватый мальчишка со смешно оттопыренной нижней губой, который один теперь держал пленника. Был он сильнее и выше, чем Яшонок. Но, видимо, от природы сутулился и голову на длинной, тонкой шее держал все время наклоненной к земле, потому глядел исподлобья.

— Отпусти его, Кочерга! — распорядился розовощекий Кувалда.

Тот освободил руки Яшонка.

— Непочетовский? — грозно спросил Кувалда, обращаясь теперь уже к Яшонку.

— Н-непочетовский... — подтвердил, немножко заикаясь, Яшонок. Что все это значило, он пока не мог догадаться.

— А что-то я тебя раньше вроде не видел... — проговорил Кувалда, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Недавно я... Новенький... — объяснил Яшонок.

— Ах, новенький! — удовлетворенно проговорил Кувалда. — Значит, не битый?

— Не... — подтвердил Яшонок.

Все радостно захохотали при этом. И громче всех сутулый Кочерга.

— Уголька знаешь? — продолжал допрашивать Кувалда.

— Д-да... — начиная понимать, что к чему, опять невольно заикнулся Яшонок.

— Плюнь на него вот сюда! — Кувалда указал в землю перед собой. — Плюнь и разотри. При всех!

Яшонок глянул в одну сторону, в другую — бежать не было никакой возможности.

— Ну! — повысил голос Кувалда. — Плюй!

Яшонок напрягся, понимая, что самое худшее только начинается.

— Не плюнешь? — И переспросил: — Нет?

— Мы дружим с ним... — негромко, но твердо проговорил Яшонок и не успел увернуться, как сутулый Кочерга с маху ударил его в нос.

Яшонок упал и почти сразу вскочил на ноги, чувствуя, что из носа вот-вот потечет кровь. Побежал. Все разом заулююкали. Но гнался за ним и был один прыщавый Кочерга, стараясь поддеть ногой так, чтобы, ко всеобщему удовольствию, Яшонок опять шлепнулся. И тот падал. Потом опять вскакивал...

Не успел как следует утереть кровь с лица на родной теперь уже Непочетовке, откуда-то появились братья Афонины.

— Ты это где?! Кто тебя?!

Пришлось Яшонку вкратце рассказать, что случилось. Из-за малоприятного приключения на Камышовке он потерял уже слишком много времени и торопился опять на станцию, чтобы зря не потерять воскресенья и попасть в город, а потому дальнейшие события развивались вплоть до вечера без него.

Братья Афонины случайно разузнали, что главный обидчик Яшонка и ближайший друг знаменитого Кувалды — Кочерга собирался в тот день навестить своего двоюродного брата на выселках. Взяли с собой для подкрепления Длинного и дорогой на выселки захватили Кочергу в плен. Отвели его к тем же конюшням, где недавно дурачили Бадлаша, и созвали на суд всю непочетовскую компанию. Дольше других пришлось разыскивать Уголька, который два последних дня втайне от всех что-то мастерил у себя в сарае. Пока его нашли, пока объяснили, что случилось, компания волновалась в нетерпении.

— Давай скорее судить! — требовал Длинный.

— Казнь ему! — выкрикнул Жвыкаленок.

Но Буза, уже засучивая рукава, возразил:

— Чего казны! Я сейчас фото ему разукрашу — и квиты.

Уголек с трудом удержал его. Все должно быть по правилам. Спросил Кочергу:

— За что бил Яшонка?

— А пусть не попадается... — буркнул Кочерга.

— Ну вот, теперь ты попался. Бить тебя?

— А я что — Яшонок? — так искренне удивился Кочерга, что все чуточку даже растерялись.

А Буза снова подступил с кулаками.

— Погоди! — опять удержал его Уголек. — Ведь не тебя он бил? Надо Яшонка... Где Яшонок?

Бросились разыскивать бездомного Яшонка. Но ни на чердаке, ни на станции того не оказалось.

Пока напрасно теряли время, компания утратила всю свою ненависть к пленнику, да и сам пленник раскис в ожидании расправы, еще ниже распустил свою влажную губу. Так что в конце концов решено было ограничиться словесным предупреждением.

Но Буза все-таки дал Кочерге по затылку, заставив ткнуться в землю, а потом догнал его и повалил еще раз, чтобы тот понял, каково было Яшонку.

Морально непочетовцы, можно сказать, выиграли этот бой, поскольку честь последнего возмездия осталась за ними. Но к вечеру, когда возвратился Яшонок и все начали собираться в кино в совхоз «Большевик», разнесся слух, что камышовские готовятся к решающему сражению и не только вооружились, но даже пригласили на подмогу несколько сильных парней с чужих улиц.

Уголек мгновенно забросил свои личные дела. И на Непочетовке тоже закипела боевая подготовка.

В поздних сумерках, когда, по обыкновению, в сторону совхоза должны были двинуться камышовцы, непочетовцы, вооруженные комьями земли и деревянными пиками, залегли в канаве у грейдера, причем шестерым из двадцати непочетовцев Уголек приказал спрятаться в засаде за плетнем, чтобы вступить в бой не сразу, а через минуту-другую, как в кино...

Камышовцы в сопровождении чужаков появились на грейдере примерно в таком же количестве. И у всех в руках были тоже пики, у всех карманы топорщились от рогаток, песка, голышей.

Но бой получился неожиданно для обеих сторон коротким. Когда по команде Уголька непочетовцы с пиками над головой и с криком «Ура!» вылетели на грейдер, а Кувалда приказал своим: «В атаку!», и шесть человек засады, не выдержав бесполезного сидения за плетнем, тоже выскочи-

ли на поле боя, Яшонок успел только раз ткнуть кого-то палкой в бок и разок получил такой же палкой по спине. Как вдруг сам Кувалда, которому Яшонок и предназначал свой второй удар, поскользнулся на краю канавы и с маxу как-то неуклюже плюхнулся в нее.

— Лежачих не бить! — издалека во весь голос напомнил Уголек.

Но Яшонок и сам уже опустил свою пику, заметив что-то неладное в позе атамана Кувалды.

— Эй, стойте!.. Стойте! — закричал Яшонок, склоняясь над поверженным врагом. — Ты чего?..

Стороны машинально опустили оружие и сгрудились вокруг.

— Кажется... ногу сломал, — с трудом сквозь зубы простионал Кувалда.

Яшонок попытался его поднять, тот охнул от боли.

Подступил, прихрамывая (тоже раненный за каких-то несколько мгновений), Уголек.

— Чего с тобой, Кувалда? Чего разлегся?

— Не знаю... Нога что-то... — уныло отозвался Кувалда.

— А ну, — крикнул Уголек, — у кого крепкие палки?.. Давай свой кол, Кочерга! Ишь с каким драться вышел...

Осторожно трогая рукой аloe, заметно припухшее ухо, Кочерга послушно передал ему свой дрючик. Отыскали еще один, такой же крепкий, больше похожий на кол, чем на пику: противники готовились к нешуточной битве.

— Давай ремни, у кого есть! — командовал Уголек, взяв на себя руководство уже всей неожиданно объединенной компанией.

Перевязали толстые палки ремнями. Получилось что-то вроде носилок. Всем обществом — кто за ноги, кто за руки — уложили на них раненого. Кувалда при этом ругался на чём свет стоит.

— Тише, вы! Тише, говорю! Но-гу!.. Длинный, убью! Куда ты тянешь?!

— А ну, у кого спички есть! — потребовал Уголек. — Посветите — нет там крови?

И Кувалда с напряжением прислушивался, пока другие, чиркая спичками, изучали канаву. Но крови на месте падения камышовского атамана не обнаружили.

— Значит, все пройдет, — заключил Уголек.

Носилки подхватили и, временно позабыв о кино, всей толпой понесли атамана Кувалду на Камышовку...

После этого события вражда между улицами не то что оборвалась, но как-то потеря-

ла свою остроту и сама по себе угасла. Может, виной тому была нога Кувалды. А может, школа, где теперь ежедневно встречались камышовцы и непочетовцы.

О своем вчерашнем подвиге Яшонок рассказал Угольку только при расставании.

— Чего же ты... молчал?

— А что хвастаться?... — спросил Яшонок.

— Д-да... — Уголек задумался.

— Я ведь ничего не понял и не узнал никого...

— Во дела! — Уголек почесал затылок. Но тоже не придумал, как поступил бы в данном случае. — Ты отчаянный, Яшонок... А мы тут ерундой занимаемся...

Наутро они уже вместе побывали в Поповом логу, но ничего, кроме недокуренных цигарок, не нашли.

У Попова лога появилась новая загадка.

Цейсовские очки

Учительница Лилия Леонидовна первым двум классам велела приходить во вторую смену, вечером, чтобы она могла отдохнуть, приготовиться к занятиям.

А в понедельник чуть не с обеда зарядил нескончаемый, нудный дождь, вплотную к печным трубам нависли тяжелые тучи, и темнеть стало рано, как в декабре...

В школу приходили, натянув на себя кто kleенку, кто дождевик. А Яшонок почистил и подлатал как мог свою старенькую телогрейку.

Говорят, что на классную доску — на эту обязательную принадлежность каждого урока — смотрят иногда как на врага... Сколько помнит Яшонок, в вязовской четырехклассной школе на черный прямоугольник доски перед приходом учительницы Лилии Леонидовны смотрели с благоговением, как на икону, всякий раз ожидая появления на ней из-под руки учительницы чего-то нового, необычного, важного...

Доска поворачивалась вокруг вертикальной оси. И легкий ветерок, что образовывался при этом, шелестел страницами открытых тетрадей, книг, журнала на учительском столе...

Дежурный всегда с особым усердием, до глянцевитого блеска протирал эту волшебную доску, чтобы даже следов мела не оставалось на ней к приходу Лилии Леонидовны, и все до звонка рассаживались по местам, чтобы вскочить на ноги вместе с открываемой дверью и на привычное, не-громкое «здравствуйте, ребята...» ответить дружно, коротко: «Здравствуйте!»

Влажная тряпка и мел — эти главные орудия учительского труда — всегда так же любовно укладывались на полочке, возле доски...

Только в самый первый день худощавая, с болезненно бледным лицом и тихим голосом учительница показалась Яшонку слишком обыкновенной, слишком простой, чтобы

учить его... Потом он уже не мог представить себе в качестве педагога никого другого на земле. И хотя знал, что все люди, даже старые-старые, рождаются на свет одинаково маленькими детишками, был убежден почему-то, и сохранил это убеждение на всю жизнь, что Лилия Леонидовна родилась учительницей, сразу такой, какой он увидел, узнал ее. И не менялась, не старела никогда...

Ни один ее урок не был повторением прошлого, и каждый будущий за ранее становился загадкой.

Так однажды она велела самостоятельно вспомнить названия птиц, которые живут в крае, кто сможет назвать больше. А сама стала что-то чертить на противоположной стороне доски... И надо же, как будто знаешь их множество, этих птиц, а когда понадобилось вспомнить, приходят на ум ворона, сорока, воробей... ну, коршун еще, ласточка. Потом вдруг — опять ворона. И оказалась трудной эта проблема не для одного Яшонка. Тогда Лилия Леонидовна, поправив свои блестящие очки, вдруг развернула доску:

— Может, вам проще будет назвать этих птиц?

И все ахнули. На доске так похоже, так знакомо было нарисовано около трех десятков птиц: тут и голубь, и камышовка, и снегирь, и хохлатая мусорка, и кулик, и аист, и даже... курица, которую почему-то все забыли!

Называли птиц хором.

И Лилия Леонидовна улыбалась своей всегдашней осторожной, доброй улыбкой.

Только очки придавали ей какую-то особую, вдумчивую строгость. И возможно, потому, как часто, как бережно притирала она их шелковым платочком, все относились к ее очкам с невольным обязательным уважением.

Сегодня впервые Лилия Леонидовна запоздала к началу занятий и, выслушав традиционное «Здрастъ!», не положила перед собой папку, а растерянно крутнула ее в руках и, моргая длинными ресницами, поглядела на всех неизвестно беспомощными, жалобными глазами.

— Дети... Я потеряла очки... — объяснила она, чуть не плача.— Боже! Я без них как без рук...

Все растерялись от неожиданности. Какими бы ни были красивыми эти самые очки, стоит ли так убиваться? Глаза ведь остались? А это важнее.

— Что теперь делать?.. — жалобно спросила Лилия Леонидовна.— Это цейсовские очки!

Вот теперь всем сразу стало понятно: очки были чужими! И первым спохватился Буза:

— Где вы их потеряли?

— Где! — отозвался Уголек.— Если бы она знала где, сама бы подобрала!

Учительница перевела невидящий взгляд с одного на другого.

— Не знаю, ребята... Темно из-за туч, грязно очень... Где-то выскочили из папки... — И, торопливо открыв свою кожаную папку, она, близко наклонясь к ней, заново перешарила все отделения, будто очки, как горошина, могли закатиться в любую щелку.

— А где вы шли: через овраг или по железке? — уточнил вездесущий Уголек, вскакивая из-за стола, пока его не опередили.

— Я... Нет... Я сегодня — через овраг. Опаздывала, хотела покороче...

— Лилия Леонидовна! — чему-то обрадовался Уголек.— Разрешите пойти поискать?

Она растерялась от этого еще больше.

— Как?.. В темноте?.. Я не имею права... Может, завтра?..

— А до завтра их кто-нибудь сламзит! — заявил Буза, отчего Лилию Леонидовну даже передернуло немножко.

— Но ведь там как ночью прямо... — повторила она.

— А у нас фонарь есть! — объявил Уголек и, считая вопрос решенным, обернулся к классу:— Кто еще с нами?

В окна барабанили однообразные сыпучие капли. А мок-

рые волосы Лилии Леонидовны и мокрая кофточка ее на глядно свидетельствовали о ненастье. Вопрос Уголька повис в воздухе.

— Длинный, ты идешь! — тогда распорядился он. — Жвыкаленок — ты! И ты, Митяка! — показал на еще одного мальчишку.

— И я, — поднялся из-за стола Яшонок.

— Нет, тебе нельзя, — отрезал Уголек. — Мы домой потом, обсушимся. А ты куда? В трубу?

Трубой называли водосток под железнодорожной насыпью.

— Яшонок пойдет к нам обсушиться! — сообщили братья Афонины, одновременно поднимаясь из-за стола и повязывая на плечах клеенки.

— Мальчики! Куда же это вы... полкласса! — окончательно растерялась Лилия Леонидовна.

Но удержать добровольцев уже не могла.

— Искать так искать, — разъяснил ей Уголек, первым выходя за дверь.

Дождь, словно обрадованный новым жертвам, разом сыпал в лицо и холодными каплями скользнул за воротник.

Длинный, чей дом был к школе ближе всех, сбежал за фонарем.

Пошли по улице в два ряда. И так, чтобы охватить ее до последнего метра.

Длинный бегал с фонарем по каждому вызову, когда вдруг случайной блесткой вспыхивала одинокая лужица на стороне или кусок стекла, глиняный черепок.

А грязь через три-четыре шага так налипала на сапоги, что переступать в них делалось невозможно и приходилось долго, изо всех сил дрыгать сначала одной ногой, потом другой, чтобы отряхнуть эти вязкие комья.

Поначалу, оживленно переговариваясь, выдвигали разные теории относительно того, где могла проходить Лилия

Леонидовна, без конца окликали Длинного. Потом все сделялись молчаливыми и лишь сосредоточенно выискивали под ногами эти злосчастные цейсовские очки.

Но прошли уже и выгон, и улицу, прилегающую к оврагу,— очков не было...

Спускаться в овраг оказалось еще трудней. Спуск был узким, и все сгрудились, чтобы одолеть его по очереди.

Первым, беспорядочно шаря фонарем по глинистым отвалам, заскользил вниз Длинный. Потом Уголек, Буза... Яшонок не сбежал, а съехал последним.

В ручье немного отмыли обувь.

На противоположном склоне неожиданно запротестовал Буза:

— Хватит! Без толку. Тут сейчас корову потеряй — не найдешь...

— Ну ты возвращайся,— обозлился Уголек,— а мы пойдем!

И он шагнул было выше. Но тут послышался радостный возглас Длинного. В руках у него был размокший, сложенный осьмушкой тетрадный листок.

Совместными усилиями бережно развернули его и совсем обрадовались, различив на нем знакомый рисунок аиста.

— Это Лилия Леонидовна уронила! Это Лилия Леонидовна! — несколько раз повторил Жвыкаленок, хотя и без него всем было это ясно.

Рассыпались по всему склону и с новым воодушевлением принялись обшаривать где взглядом, а где и руками каждую выбоину, каждый бугорок.

Затаились почему-то, когда по их следам со стороны Непочетовки появился мужик с таким же, как у них, фонарем. Длинный даже прикрыл полой свою «молнию».

Но мужик прошел мимо, не обратив на них никакого внимания, и скрылся вверху.

— Из «Большевика», начальником каким-то... — знающее объяснил Жвыкаленок.

И только продолжили было свой поиск, мужик вернулся.
Окликнул сверху:

— Ребята!

Ему не ответили. Кто его знает — чужой...

— Или не слышите?.. — Помедлив секунду-другую, мужик спустился к ним. Подошел. Приподняв над головой фонарь, оглядел перемазанных изыскателей. Был он действительно «из начальников», потому что городской — не деревенский.

— Что вы тут ищете?

— Да вот... — сказал Жвыкаленок.

Друзья замялись.

— Что — вот?

— Очки! — не выдержал Уголек. — Очки ищем!

— Кто же из вас очки носит?

— Не мы, а Лилия Леонидовна! — ответил за всех Жвыкаленок.

— Кто такая?

— Не «такая», а учительница! — вмешался Буза.

— Хорошая учительница?

— А плохая бы, так не искали! — обозлился Уголек.
И всех этот мужик начинал уже злить.

— Ну, а если все-таки не найдете?..

— Найдем! — отрезал Уголек.

А Жвыкаленок растолковал:

— Потому что это не ее очки! Ей какой-то Цейс дал носить! Она чуть не плачет!

— Правда?

— Ей крест! — забожился Жвыкаленок.

— Ну, тогда придется мне вернуть ей эти очки... — Он вытащил из кармана и, ко всеобщему изумлению, протянул друзьям продолговатый черный футляр вместо очков. Открыл его одной рукой...

Очки были в футляре! А они-то кидались на все блестящее!

Длинный почти вырвал у мужика футляр вместе с очками, Васька Афонин перенял их у Длинного, и они пошли гулять по рукам, чтобы каждый мог и разглядеть их, и потрогать.

— Где вы нашли? — спросил Уголек.

— А там! — Мужик показал вверх, откуда они спускались по очереди.

— Но мы искали без коробки! — оправдался Уголек.

— Ну то-то, — согласился мужик. — Я сам чуть не наступил на них... — И, собираясь двинуться своей дорогой, он приостановился на секунду. — Забыл... Вы скажите своей учительнице: пускай она Цейсу не отдает эти очки. У Цейса, поверьте мне, очков разных много. А ей таких больше ни за какие деньги не сыскать!

Немножко пришли в себя от радости уже наверху. И первым спохватился Ванюшка Афонин:

— Спасибо-то мы забыли сказать!

Все оглянулись на темноту со стороны противоположно-го склона, где исчез веселый мужик.

— Давайте разом! — скомандовал Уголек. — Три... четыре!

— Спа-си-бо! — прокричали они изо всех сил.

— Еще раз! Три... четыре!

— Спа-си-бо!

И хотели повторить снова. Как вдруг с той стороны показался знакомый фонарь «молния» и дважды широко качнулся из стороны в сторону.

Благодарность была принята.

Ловушка

Это по-настоящему осеннее ненастье было недолгим, оно лишь предупреждало пока о грядущих непогодах. Но кто их знает, эти законы природы, когда они только напомина-

ют о себе, а когда вдруг начинают властвовать в полную силу.

Для Яшонка трое суток нудной, нескончаемой мороси, похолодания и то вязкой, чавкающей, то податливой, со всхлипываниями грязюки показались самой настоящей, к тому же глубокой и неожиданной осенью, потому что она застала его врасплох. Надо бы подзапастись как следует картошкой (пока у него в лучшем случае на неделю), надо бы не жалеть ног и подсобрать на черный день сухарей, надо бы съездить к одному знакомому старьевщику (глядяши, удастся раздобыть к зиме что-нибудь) и еще многое-многое надо было сделать до того, как обрушится непогода. А она грянула как-то разом и чуть не ввергла Яшонка в еще одну беду, которой он так старательно избегал все время...

Он возвращался домой после неудачной попытки остановить на большаке какую-нибудь подводу или машину, чтобы добраться до одного из близлежащих сел. Но дорога на исходе третьего дня ветреных, моросных дождей раскисла до того, что ни машины, ни подводы, наверное, не ходили вовсе.

Грязь обленила его буквально по макушку, потому что, утираясь телогрейкой, он измазал себе и лицо. Вместе со струйками влаги она проникла под рубашку, забралась через короткие голенища в сапоги, и настроение у Яшонка было, что называется, пришибленное.

Засунув руки в рукава телогрейки и сгорбившись, он даже не заметил, как прошел мимо лавки, что близ большака. Тем более не заметил женщину, которая с сумкой в руках в это время выходила из нее.

Почему-то не удивился, не испугался и не обрадовался, когда она, догнав, тронула его за плечо.

— Подожди!

Яшонок равнодушно оглядел ее.

Маленькая, щупленькая, в резиновых ботах и не застег-

нутом на груди дождевике, она походила бы на девчонку, если бы не морщины в уголках губ, на лбу и возле глаз когда-то голубых, а теперь уже выцветающих.

— Куда ты?

— Домой... — ответил Яшонок.

Она как-то нерешительно улыбнулась, словно бы сознавая нелепость собственного вопроса.

— А откуда?

— Ходил... — неопределенно ответил Яшонок.

Тогда она засуетилась:

— Идем к нам! Отогреешься чуток, чаю попьем! — И, не боясь измазаться, крепко ухватила его за рукав.

Одно упоминание о тепле, о кружке горячего кипятка с едва уловимым дыханием пара над ней зачаровало Яшонка, и он молча двинулся рядом с женщиной в обратном направлении, к большаку.

Говорила одна женщина: о том, что эта треклятая непогода всем поперек горла стала, но что она скоро кончится, это известно из самых верных сведений, да и радио сообщало...

Свернули с дороги перед домом, к каким Яшонок всегда относился с осторожностью, и теперь он невольно замедлил шаг.

— Идем, идем! — дважды повторила женщина, увлекая его к калитке. — Здесь тебя никто не тронет!

Дом был просторный, хорошо рубленный, с голубыми резными наличниками и высоким крыльцом. Двор окружала тесовая ограда, а надворные постройки были тоже рубленые, не «с миру по ниточке, с бору по сосенке», как у большинства других дворов.

Яшонок долго мыл свои сапоги в лужице посреди двора, потом шаркал подошвами о сырую деревяжку перед крыльцом, прежде чем ступить на него.

Женщина пыталась увещевать его, что не обязательно чиститься так уж рьяно. Однако Яшонок знал, как надо входить в чужие дома.

Через прихожку, где он хотел остановиться, хотя бы снять телогрейку, она провела его сразу в просторную кухню, где жарко горела печь и стояли два больших чугунка на плите, кастрюля, чайник.

— Тут разденешься! Это мы все просушим сначала, потом отомнем, почистим!

Из прихожки Яшонок успел разглядеть за отодвинутой на двери в другую комнату ширмочкой два портрета прямо против входа: один — явно портрет хозяйки, когда она была молодой, а другой — портрет молодого мужчины, которого, показалось Яшонку, он видел раньше, но видеть которого он, конечно, не мог. Слева от портретов была еще дверь — во вторую комнату. Хозяева жили в достатке...

— А я тебя знаю! — сказала женщина, когда Яшонок снял телогрейку и хозяйка повесила ее на веревку близ плиты.

Яшонок удивленно уставился на нее.

— Тебя зовут Яшонком, да? — Она засмеялась. — А меня тетя Вера! — Свой дождевик, плюшевую жакетку и платок она сняла еще в прихожке. Осталась в коричневом джемпере, серой юбке, повязала голову косынкой.

— Откуда вы знаете?.. — насторожился Яшонок.

— А детишки сказывали! — Она опять засмеялась. — У меня трое их, все постарше тебя: сын, две невесты! Потом, знамо, невестами будут! Ты давай-ко сапоги тоже сымай!..

Яшонок снял сапоги. Она отставила их вместе с портянками в сторонку.

— Это мы сейчас! А ты пока руки вот, лицо умой! — показала на умывальник. — Сначала надо поесть, потом поработать, да?

Она не двигалась, а как бы летала по кухне и делала сразу несколько дел одновременно.

Пока Яшонок умывался, она успела налить ему большую миску галушек, поставила на стол банку с маслом, стеклянную плошку с кусками сахара, отлила в тазик горячей воды

из чугуна и вынесла тазик в прихожку, туда же отнесла портянки и сапоги Яшонка, подлила воды в оба чугунка, передвинула чайник на плиту, чтобы подгорячить его...

— Садись! Ешь, пей чай, не стесняйся. Моих никого дома, так что мы хозяева!

Все походило на какую-то сказку... Будто зацепенел там Яшонок, в мороси, у большака, и все это чудится ему.

Пока он ел, хозяйка успевала дважды подлить ему супу, намазать маслом хлеб, навести чай, вымыть в прихожке его сапоги, простираять портянки и повесить сушиться их над плитой, втащить из сеней огромное, высокое корыто, принести одеяло (настоящее байковое одеяло, а не дерюжку), полотенце, опрокинула в корыто кипяток из одного чугуна, добавила холодной воды...

— Наелся?.. — спросила, когда Яшонок встал из-за стола и поблагодарил. — Теперь давай раздевайся и паришься. Давай, давай! — поторопила она. — Вода остынет!

Яшонок снял рубашку. И она вдруг ахнула, увидев его грязное тело, в царапинах и ссадинах, как в коросте, руки.

— Да несчастное же ты дите! Господи! За что мучаешься?! Сымай штаны!

Яшонок переступил с ноги на ногу.

— Ах, да! Совестишься?.. — спохватилась она. — Это мы тогда состирнем! — показала на рубашку, штаны. — Ты тогда сам тут, не стесняйся! А это мы найдем потом надеть что-нибудь!

Несмотря на свой маленький, тщедушный рост, она ловко сняла ухватом и поставила возле корыта полный кипятка чугун, рядом ведро с холодной водой, опустила в него ковшик, набросила на полкорыта одеяло, тут же под рукой пристроила на скамейке мыло, мочалку.

— Раздевайся — и телешом в корыто! Сначала парься: накрой вот так все корыто одеялом, как залезешь, и парься! Станет холодеть — добавишь кипятку. Парься сколь вмоготу будет! После — мочалка вот, мыло — помойсь, тогда меня

крикнешь. Вот полотенце. Не колготись, спешить некуда! А это я вот так... — добавила она уже из-за двери, задергивая полотняную ширмочку за собой.

Яшонок всего, может быть, секунду-другую медлил еще. Но пусть редко-редко, а судьба иногда все-таки обрушивала на него и такие вот счастливые неожиданности...

Он сделал все, как ему велели. Сначала одной ногой, потом другой забрался в корыто. Когда ноги привыкли к воде, сел, потом лег и натянул одеяло на все корыто... Лицо сразу пошло испариной, а кожу у корней волос защипало от жара, будто приятные зудящие иголочки закололись по всей голове.

Разок подлил еще горячей воды. Потом, стараясь не плескаться, намылил и сполоснул в том же корыте голову... Торопливо прошелся по всему телу мочалкой, словно бы знал, что надо спешить.

Аккуратно, чтобы не очень уж наследить, вылез на пол.

В нерешительности поколебался над белым, с петухами и крестиками в углах полотенцем. Такими он еще не пользовался. Видел их только на иконах... Поэтому не досуха, одним краешком, промакнул только голову и лицо.

А когда надел штаны, рубашку, невольно замер, потому что распахнулась дверь с улицы и кто-то по-хозяйски решительно ступил через порог в избу. Шаркая ногами о половик, хрипловатым басом, но весело позвал:

— Вера! Ты что, моешься?

И по тому, как быстро выскочила из комнаты женщина, по тому, как сразу притих гость, Яшонок почувствовал неладное.

— Паришься? — спросила в сторону кухни тетя Вера.

— Парюсь... — после некоторого замешательства ответил Яшонок, а сам бесшумно скользнул к полотняной занавеске, притаился.

— Здесь он! — шепотом сказала хозяйка.

Ответа мужчины разобрать нельзя было.

По тому, какой маленькой, тщедушной была женщина, Яшонку никогда бы не догадаться, кто ее муж.

Почти двухметрового роста, в огромных сапогах, усатый и чубатый, как молодой парень, в прихожке стоял Швецов Иван Дмитрич, председатель сельсовета.

Яшонок, пятясь, отступил к печке...

Это была ловушка: еда, корыто — все ловушка. Сейчас вызовут милицию... и — детдом! Он слышал, они всегда сначала заманивают.

Сапоги, телогрейку надел почти мгновенно.

Хозяева должны были пройти в комнаты. И когда Яшонок опять выглянулся из-за занавески, в прихожке их не было.

Пробрался к выходной двери и тихо-тихо приоткрыл ее, лишь бы проскользнуть...

— Ну мальчик, Яшонок! — разъяснила хозяйка.— Которого...— Несколько слов Яшонок не рассыпал.— Купается...

Послышался негромкий, удовлетворенный взглас, что-то похожее на «ум-м!».

И опять шепот женщины:

— Идем! Пусть! Потом все! Тут он, куда денется!

Со страхом и заминанием Яшонок выглянул в щелочку между косяком двери и занавеской... Отпрянул.

О том, чтобы поблагодарить хозяев, не мелькнуло даже мысли. Наоборот, когда он бежал по грязи в сторону Непочетовки, первым желанием было как можно скорее, навсегда уйти из Вязовки...

Но Уголек, друзья — это раз. Школа — два. Грязь, морось, чумная непогода — три... Да и не так-то просто обмануть Яшонка! Даже хлебом и маслом, даже горячим корытом... Было только почему-то обидно.

Нахodka

Из-за Попова лога Уголек и Яшонок попали в одну загадочную историю, хотя лог, или овраг, был тут, конечно, ни при чем, а умерший до царя Гороха священник тем более.

Но в первый же солнечный день, едва подсохли трава, деревья, обочины вдоль большака, друзья решили еще раз наведаться туда, где Яшонок вместо хвороста чуть не нахватал себе шишек. А он был почему-то уверен, что, попадись тогда неизвестным, ему бы несдобровать. За этим ночным разговором наверняка скрывалась какая-то недобрая тайна...

Потому Уголек и Яшонок даже подходили к логу с оглядкой. И потом долго осматривались, прежде чем спуститься вниз.

Однако после дождей, ненастья им не удалось найти даже окурков, что видели друзья в свой предыдущий заход сюда. Тщательно обшарив каждый бугорок, каждую выемку, облавляли все кусты поблизости на дне и на склонах оврага. После чего из принципа решили пройти через весь лог, который тянулся почти на пять километров в длину.

Изрядно перемазанные, усталые, выбрались наверх неподалеку от железнодорожного полотна.

Ни кладов, ни разбойников, ни какой другой чепухи в Поповом логу не было. А может, они смотрели недостаточно внимательно. Может, лучше было прийти сюда всей компанией, чтобы ни одна хворостинка не осталась без внимания.

Впрочем, Уголек и Яшонок недолго предавались разочарованию.

Солнце, пока они шарили в зарослях Попова лога, поднялось высоко. И возвращаться в Вязовку было хоть и далеко, но не так уж скучно.

Открытие поджидало их там, где они и думать позабыли об открытиях. Они шли тропинкой вдоль неширокой лощины, что тянулась вдоль железнодорожной насыпи и была как бы притоком Попова лога, если представить себе, что когда-то, лет сто или тысячу назад, не было по их склонам деревьев, кустарника, а текли здесь реки. Лощина, правда, неглубокая, ярко-зеленая, была покрыта в основном травой, а кое-где, неожиданно углубляясь, после дождя поблескивала небольшими озерцами в зарослях осоки.

Попов лог остался далеко позади, и Яшонок уже ничего не искал здесь, но машинально присматривался к каждому кустику терна внизу, словно после долгих безрезультатных поисков на дне лога уже не мог отвыкнуть от привычки хоть что-нибудь да высматривать.

Уголек отбежал то ли за ящерицей, то ли за полевкой, мелькнувшей в стороне от тропинки, когда Яшонок испуганно окликнул его:

— Эй! Уголек!..

Внизу, на дне вытянутой вдоль лощины впадины, что-то темнело, выступая из воды, среди осоки, за кустиками вереска.

— Что это?.. — встревоженно спросил Уголек, хотя ничего опасного в темнеющей среди зелени массе не было.

Яшонок стал искать более или менее пологий спуск.

Уголек махнул рукой:

— Была не была! — И заскользил, сначала на ногах, потом, когда не удержался, сидя, а под конец кувырком. Затормозил и остановился возле самого вереска.

Яшонок удержался на ногах чуть дольше, а потом спускался тем же методом, что и Уголек.

Воды оказалось немного.

Сбросив сапоги и закатав штаны выше колен, друзья, осторожно разгребая осоку перед собой, подошли вплотную к своей находке. Сначала Уголек, а за ним Яшонок потрогали ее руками.

Обмотанный веревками вдоль и поперек, толстый тюк был мягким. Яшонок достал ножик.

— Посмотрим?

Еще бы! Уголек взял у него нож и недолго думая надрезал холстину возле веревки. Из прорези выпучила коричневая, похожая цветом на запекшуюся кровь, шерсть.

Оба выдернули по пряди, помяли между пальцами.

— Верблюжья! — знающие определил Уголек. — Откуда она здесь? — и поглядел вверх, где над лощиной возвышалась железнодорожная насыпь.

Яшонок тоже глядел туда.

— Думаешь, выпала? — спросил Уголек.

Яшонок с сомнением покачал головой:

— Такое не выпадает...

— Точно! — оживился Уголек. — Кто-то сбросил. И не нашел... А может, не успел взять, не осилил.

Теперь они оба испуганно оглянулись по сторонам.

— Надо уходить... — почему-то вполголоса заметил Яшонок.

И, подхватив свои сапоги, они припустились наверх, чуть правее места, где только что скатывались, — тут склон был положе, особенно если взбегать наискосок.

Опять огляделись наверху. Ни на тропинке, ни в поле, что принадлежало совхозу «Большевик», ни на железной дороге не было ни души.

Обулись, не выпуская из виду темного пятна среди осоки. Если кто-то сбросил этот холщовый тюк ночью, на ходу поезда, не мудрено было проглядеть его потом, в темноте.

— А может, сбросили не один? — предположил Яшонок.

— Вполне может! — согласился Уголек, загораясь, как

он загорался всегда перед необычными предприятиями.—
Остальные нашли, а этот нет! Надо заявить на станцию!

— Кому? — уточнил Яшонок.— Если в милицию — я в милицию не пойду.

Уголек неожиданно помрачнел.

— А ведь нам и нельзя вдвоем идти... Вдруг кто появится за этим?

Они одновременно глянули опять вниз, на тюк с шерстью, потом вокруг, снова убедились, что никого окрест пока не заметно.

— Ты иди, а я останусь, присмотрю,— сказал Яшонок, показав головой на березовую рощицу невдалеке, что мысом вдавалась от железнодорожного полотна в поле.— Только ты не говори там про меня... Ладно? А то они меня... В общем, не говори!

Уголек подумал.

— Выходит, я скажу, сам нашел? Ты ведь первый!

— Ну и что? — возразил Яшонок.— Кому какое дело? А мне, если с милицией связаться, не выпутаться!

Уголек вынужден был согласиться, что такое вполне возможно: у милиции разговор короткий.

— Ладно! Главное ведь сообщить, а там пусть разбираются — наше дело сторона!

И оба, оглядываясь на поля, на железную дорогу, разошлись в разные стороны: Уголек быстрым шагом заторопился на станцию, а Яшонок — в рощу.

Здесь он предварительно убедился, что в березах никого нет, и пристроился на опушке, чтобы видеть подходы к лощине, где валялся тюк с шерстью. «Рублей на тысячу, наверно...» — прикинул Яшонок.

Но за все времена, пока он сидел, только раз в сторону города пропыхтел от станции товарняк, груженный дровами, углем, да прошли по тропинке женщина с девочкой, о чем-то разговаривая между собой. В сторону лощины они даже не глянули.

Уголек скрылся быстро. И когда, по всем подсчетам, он уже должен был попасть на станцию — с той стороны появилась дрезина.

Яшонок еще старательней замаскировался в подлеске, когда рассмотрел на дрезине, кроме Уголька, двух милиционеров и железнодорожника.

Против места, где валялся тюк, дрезина остановилась. Один из милиционеров вместе с железнодорожниками прямо с насыпи начали спускаться в ложбину, а другой пошел с Угольком в обход, к роще.

Яшонок не мог слышать разговора, который произошел на станции, и уж тем более не догадывался, что Уголек немножко проговорился. Теперь Яшонок не знал, убегать ему на всякий случай или уж оставаться — что будет...

А Уголек поначалу хотел рассказать о находке самому начальнику станции. Того в кабинете не оказалось. Пришлося вольно или невольно сунуться в милицию.

Чтобы избежать лишних расспросов, Уголек быстро и коротко выпалил:

— В лощине тюк с шерстью валяется! Кто-то сбросил, наверное, из вагона! Верблюжья шерсть! Большуущий та-кой! — И он показал образец шерсти: тот клочок, что выщипнул из прореза.

Один из милиционеров — видимо, старший — сразу вскочил, всполошился:

— Где?! Кузьмин! — обратился к молодому. — А ну, организуй дрезину! Одна нога здесь, другая там! — И опять спросил Уголька: — В лощине, говоришь? — Потом снова Кузьмину: — Как бы эту шерсть не прибрали, пока мы тут...

И надо же было Угольку похвастаться:

— А там следят!

И его сразу поймали:

— Кто?

— Да один... — попытался вывернуться Уголек. — Ну, друг мой...

— Фамилии! — быстро, хватая ручку, скомандовал старший.

— Фамилии?.. А, фамилии!... — спохватился Уголек. И назвал свою фамилию.

— Так! А друга твоего?

— Друга? У него... А! Яшкин фамилия! — не растерялся на этот раз и быстро нашелся Уголек. — Он там в лесу — спрятался и следит!

Ему удалось увести разговор в сторону от Яшонка и теперь, приближаясь вместе с главным милиционером к роще, он жестами незаметно показывал другу: мол, не волнуйся, все в порядке!

Что там в порядке у него, Яшонок не понял, но убегать не стал.

К счастью, милиционеру было, наверное, не до него.

Выслушав, что, кроме товарняка с топливом и женщины с маленькой девочкой, никто здесь не появлялся, он удовлетворенно кивнул головой.

— Тогда вот что, ребята: двигайте домой. И никому! Слышите?! Ни одной живой душе: даже матерям не говорите про это! Ну, что нашли. Понятно? Это очень важно! Вот... Живете где? — быстро спросил он.

— А в Вязовке, тут!.. — сказал Уголек. Попробуй-ка найди его теперь в Вязовке, где, может, четыре фамилии на все огромное село. А Яшкиных там и вовсе нет.

— Ладно! — заключил милиционер. — Понадобитесь — мы найдем вас. Жмите!

Друзья не заставили себя уговаривать.

По дороге Уголек наскоро объяснил Яшонку, как получилось, что он чуть не выдал его. И Яшонок успокоился.

— А знаешь, как они навострились сразу? — заключил свой рассказ Уголек. — Будто я им про клад сказал! Видно, не зря мы с тобой... Пусть спасибо говорят!

В небо

Редко-редко, но все же появлялся над Вязовкой самолет. Это для всех бывало событием.

— Аэроплан! — кричали от дома к дому, заслышав удивительный рокот под облаками.

— Аэроплан! — и выбегали на улицу дети, взрослые.

Подхватив грудных младенцев, высаживали на крылечко матери. Показывали несмышенышам в небо, на плывущее в белесой голубизне чудо:

— Видишь? Аэроплан!

— И не боится!.. — качали головой бабы, раздумывая о смельчаке, что отважился взлететь на такую нечеловеческую высотищу.

— Вот бы туда, к нему... Сесть бы на облако! — фантазировали зеваки. — Сиди себе любуйся, поплевывай!..

— А назад как?

— А по веревке! — бодро отвечали остряки, и веря и немножко не веря, что облако — это всего лишь пар.

Мальчишки провожали самолет от горизонта до горизонта, до боли в шейных позвонках задирая головы. Потом бросались мастерить из подручных средств такой же, как видели в небе, аэроплан или змея. Но деревянный — даже

если без гвоздей, а на одном клею — аэроплан совсем не держался в воздухе. А змей, обнадеживающе взлетев над крышами, чаще всего мгновенно переворачивался и тут же стремительно врезался в землю.

И мальчишки мало-помалу забывали о самолетах, поглощенные более надежными земными увлечениями: лаптой, рыбалкой, катанием на подножках железнодорожных вагонов.

Но, как выяснилось вскоре, один человек упрямо сохранил верность небу...

После битвы и установления мира с камышовцами Уголек опять перестал выходить на улицу, что сильно не нравилось всей непочетовской компании. Во-первых, если ты верховод, заводила, ты должен быть в любом деле с обществом. А во-вторых, чем вообще может заниматься нормальный человек в одиночестве?

Яшонок выследил, когда родители Уголька ушли из дома, забрался к нему во двор и обнаружил своего друга в сарае. Уголек, один среди опилок, обрезков горбыля и свежих стружек, яростно фуганил какую-то доску.

— Ты чего это?.. — спросил, появляясь из-за спины, Яшонок.

Уголек от неожиданности даже вздрогнул. Загородил руками свою работу.

— Откуда ты? Это нельзя смотреть! Подожди, вот доделаю!..

И потому, что он старался что-то прикрыть за спиной от Яшонка, тот немножко даже обиделся.

— Да я ничего... Я думал, ты чего-нибудь...

— Еще немного, ладно?.. — примирительно сказал Уголек. — Я только пробу сделаю...

И, возвратившись на улицу, Яшонок ничего не мог сказать поджидавшей его компании, кроме того, что Уголек в сарае. Даже не пошел вместе со всеми на огород, куда одной стеной выходил сарай Уголька.

А вся компания пыталась наладить через эту стенку переговоры с вожаком.

— Митяке сестра новый мяч из города притянула... — сообщал Жвыкаленок.

— Ну и пусть! — отзывался Уголек после паузы, старательно гремя какими-то деревяшками.

— Может, тебя там привязали, а? — язвил могучий Буза, чтобы вывести его из равновесия.

— Сам ты привязанный! — огрызался Уголек.

— А может, ты бомбу делаешь? Может, сельсовет хочешь взорвать?

В ответ слышалось только мерное вжиканье фуганка.

...Осенние ветры, сильные, ровные, метут над Вязовкой печные дымы и так ходко разгоняют крылья ветряных мельниц, что при одном взгляде на них кружится голова.

На следующее утро взоры непочетовцев были опять обращены к небу, хотя Яшонок и не услышал на этот раз того особого рокота, что завораживал односельчан. Однако даже на Камышовке, даже на большаке все идущие и едущие останавливались, чтобы поглядеть в вышину.

Там, под самыми-самыми облаками, парил змей. И длинные черные ленты хвоста полоскались за его черным туловищем.

Нитку, что вела его, нельзя было разглядеть издалека. А гонимые ветром серые облака проплывали над Непочетовкой из одного ее конца в другой... Но казалось, будто они недвижны, они стоят на месте, а черный хвостатый змей стремительно несется вперед, навстречу облакам, навстречу ветру... Казалось, еще немнога, еще чуть-чуть и он исчезнет в вышине: умчится куда-то дальше, в другие края, под другое небо...

Яшонок сразу догадался, чья эта работа. И когда прибежал на луг, здесь уже собралась почти вся непочетовская компания.

Но Уголек, ко всеобщему разочарованию и досаде, уже

сматывал на кулак суровую нитку, прижимая змея к земле.

— Чего ты? — обиделся Жвыкаленок. — Дал бы подержать немногого...

— Это так... Чего его держать... — непонятно объяснил Уголек.

— Жалко, что ли? — уточнил Длинный.

И Уголек добавил:

— Проба это! Чего тут держать?

После чего, не глядя на компанию, будто запустить такого змея — это самое пустяковое занятие для него, он взвалил свое детище на плечо и уже направился было к дому. Но приостановился. И, не сдержав прежнего равнодушия на лице, загадочно просиял вдруг. Сверкнул глазами на Бузу, на Яшонка.

— Завтра приходите! Утром. К моему дому! Завтра будет не проба!

Больше всех злился после его ухода Буза:

— Подумаешь! Проба! Выше облаков все равно не запустить! А такой же... Такой сделать — это чепуха!

Он предложил всем тут же заняться сооружением коллектичного змея... Но загадочность Уголька не давала покоя, и до завтра ни у кого не было желания заниматься кропотливой работой с бумагой, рейками...

Утром перед домом Уголька, его родители — как всегда по четвергам — ушли на базар, собрались в полном составе не только непочетовцы, но и разведавшие о предстоящем единственном событии камышовцы во главе с Кувалдой.

Долго шумели в ожидании хозяина дома.

Но Уголек появился не из калитки, на которую глядели две примирившиеся компании, а изнутри двора... Вернее даже сначала над углом крыши, где во дворе была приставлена лестница, появился не он сам, а угол черного байкового одеяла, растянутого на толстых струганых рейках. Потом стала видна вся верхняя поперечина, боковые и две исходящие из углов крест-накрест реи.

Уголек был пристегнут ремнями в центр этого одеяльного змея. А по две петли на крестовинах, снизу и сверху, были явно предназначены для рук и ног во время полета. На четырех шпагатах, закрепленных по углам змея, был привязан большущий камень, который тяжестью своей должен был заменить обычную нитку.

Компания от изумления ахнула, будто разом выдохнула, вскочила на ноги. А из ближайших домов появились взрослые. Ничего не понимая, тоже вытаращились на крышу Уголькова дома.

Уголек никого не замечал. Да, по правде говоря, ему было и не до того.

Ветер валил его с ног. И, карабкаясь вверх по крыше, надо было сгибаться в три погибели, чтобы подставить змея ребром к ветру, а в руках еще и тянуть при этом тяжеленное грузило...

На самом коньке крыши он медленно расправился. Придерживая груз одной левой рукой, правой ухватился за верхнюю петлю...

Что-то было не так во всей этой затее. И Яшонку хотелось крикнуть: «Подожди, Уголек!.. Не надо!»

Но вместе с тем и каменный груз, и хорошо натянутое полотнище, и трехметровый мочальный хвост — все было

сделано толково, как надо, и вызывало впечатление надежности.

Дольше секунды удержаться на верхотуре не было никакой возможности. И, едва распрямившись, Уголек одним движением отшвырнул от себя камень, ухватился рукой за вторую петлю и оттолкнулся грудью на ветер...

Какие-то мгновения он парил! Может, не все заметили это. Но Яшонок готов поклясться, что в первые несколько мгновений, подхваченный ветром, Уголек даже взлетел над крышей!..

Но потом быстро случилась катастрофа. Катастрофы почему-то вообще всегда случаются быстро.

Ножные петли Уголек так и не успел использовать.

В какую-то секунду одеяльный змей вместе с Угольком перевернулся в воздухе и быстрее пули спикировал углом в землю.

Первых результатов катастрофы с улицы не было видно. Все только слышали, как, смачно кракнув, сломались при ударе о землю реи...

А в следующую секунду непочетовцы и камышовцы уже прыгали через забор на чьи-то убранные по осени грядки.

Уголек сидел среди обломков своего гигантского змея, на куче картофельной ботвы, и подбежавшим к нему на помощь приятелям объяснил:

— Надо все же веревку, наверно... Чтобы держал кто-нибудь. Или груз потяжелей...

Обсудить эту проблему компания не успела, так как прибежали вызванные кем-то отец и мать Уголька.

И весь день напрасно поджидали своего вожака непочетовцы. А когда он перед самым началом занятий появился в школе, все поглядели на него с сочувствием: родители — народ отсталый и ко всем даже самым великим начинаниям относятся без одобрения...

Но Уголек как ни в чем не бывало уселся рядом с Яшонком и повторил для него:

— Надо веревку... Длинную и крепкую, чтобы держать.
А вместо одеяла брезент надо.
И Яшонок согласился, что брезент был бы надежней.

Старый знакомый

Домой к Угольку Яшонок еще ни разу не заходил, хотя тот и уговаривал его показаться отцу с матерью.

— А что им до меня... — осторожничал Яшонок, по опыту зная, как принимают в хозяйствских домах бродяжек вроде него.

— Да покажешься! А там... посмотрим, — отвечал Уголек, и сам пока не ведавший, что из всего этого может выйти.

Наконец однажды сговорились нагрянуть вместе к ужину.

Однако Яшонок вынужден был предстать перед глазами родителей Уголька раньше, чем они предполагали, и совсем не в том качестве, в каком хотелось.

В тот день, вооруженные луками, непочетовцы устроили соревнования против соседнего с Угольком двора. На широкой доске нарисовали круг и, прислонив ее к невысокому забору, обстреливали мишень сначала с десяти шагов, потом с пятнадцати, с двадцати... И число участников соревнования мало-помалу убывало, пока не остался один Уголек.

Дело в том, что луки у всех были примерно одинаковые, но стрелы у большинства представляли собой обыкновенную палочку, хорошо отшлифованную и заостренную, с пером на противоположном конце; в лучшем случае острие обматывалось тонкой проволокой — для надежности. А Уголек выточил себе на этот раз настоящий, из обломка стального напильника наконечник. И если другие стрелы после удара в мишень валились как попало на землю, его стрела

на целый сантиметр втыкалась в доску и красиво подрагивала желтым петушиным пером, как взаправдашняя.

Уголек отмерял для своего рокового выстрела пятьдесят больших шагов. Стрела пролетала по красивой, будто нарисованной, дуге над мишенью. И не успели восторженные лучники побежать к забору, как из дома выскочила на крыльце простоволосая, в домашнем переднике хозяйка и, всплеснув обнаженными до плеч, белыми-пребелыми, с ошмотьями теста на ладонях руками, непонятно заголосила на всю улицу:

— И да что ж это делается? И да когда ж этому конец будет? И да где ж на них наказание! Мою лучшую хохлатку, антихристы...

Подхватив из-под ног, она подняла на вытянутых руках курицу.

Выстрел оказался смертельным. Стальной наконечник пробил бедной хохлатке голову.

— Ты смотри,— пробормотал Буз,— точно в глаз...

Первой, самой естественной и самой надежной реакцией на случившееся было желание бежать. Но в ответ на причитания белорукой хозяйки выскочили из дома родители Уголька, так что лучники оказались как бы в окружении.

И на секунду растерялись. А потом бежать стало уже поздно.

Хозяйка почему-то сразу навалилась на родителей Уголька, хотя не могла видеть из окон, что стрелял он.

— Отдайте мне такую же! — заявила она, протягивая через забор курицу. — Мне другой не надо! Мне которые едят, а не несутся, хватает! Мне нужна, как эта!

Опять, как всегда в таких случаях, повысыпали из домов соседи. А говорливая хозяйка не унималась:

— И денег мне не надо! Мне эта курочка дороже денег! Такой курочки на сто верст ни у кого нету! А за дитем надо следить, если имеете! Так он и людей может перебить!

Уголек тем временем давно уже присоединился к общей компании. Но отец голосом, не предвещавшим ничего хорошего, окликнул с крыльца:

— А ну, подь сюда!

И Яшонок неожиданно для себя шагнул вперед:

— Это не он, это я стрельнул!

Просто мелькнула справедливая мысль, что Угольку может крепко достаться, а ему, Яшонку, не все ли равно...

Уголек да и остальные немножко растерялись при этом. Хозяйка несушки заговорила еще громче:

— Ну вот, бродят тут всякие! Поприва-живали!..

Никто и не заметил, когда появился за спинами лучников этот дед, увидели его, когда он, шагнув мимо них, перенял у хозяйки убитую курицу.

— Ай, никак, это из моего орудия? — обратился к Яшонку. И хитровато подмигнул, извлекая стрелу.

— Это не он, это я... — буркнул Уголек, так, чтобы его слышал дед, но не слышали отец с матерью.

А дед, не обратив на него внимания, продолжал:

— Меткий выстрел! Надо же! Сроду так не попасть мне! В яблочко — вот главное!..

Вмешательство его и странная речь, когда приключилось такое несчастье, заставили умолкнуть даже хозяйку.

— А он не в курицу целил! — ответил то ли за Яшонка, то ли за Уголька Буза. — Он в доску целил, а промахнулся! В курицу случайно попали...

— Э-э... нечаянно! — разочарованно протянул дед, передавая Яшонку стрелу и хитровато щурясь из-под рыжих бровей. — Тогда эт плохо! Никуда не годится! Ежели б в цель, метко, по-ворошиловски... А ну, чешите на луг! — вполголоса добавил он для лучников и опять повернулся к хозяйке: — Нечаянно, выходит... А я — хвалить!..

— У меня такую курицу загубили, антихристы! — спокойно хватилась хозяйка. — А он мне зубы заговаривает!

Стрелки тем временем уже отступали по направлению луга, что за окопицей.

И Яшонок первым последовал совету неожиданного сообщника, потому что сразу узнал деда Афоню, своего заступника во время неудачного знакомства с Жиряком.

— А с кого мне теперь курицу брать? — неистовствовала хозяйка, вырывая у деда мертвую курицу. — С кого?

Но лучники тем временем шаг за шагом уже миновали сбитых с толку родителей Уголька и, свернув за ближайший угол, припустили бежать с такой скоростью, что уже не слышали, как дед Афоня доказывал хозяйке, будто виновата в случившемся она сама:

— И де ж это видано такое? Ты гли: сколь их у тебя во дворе! Тыща? Аль больше? Тут плюнь... Ну вот сама плюнь — и в курицу попадешь! Так их у тебя ведь кажин день будут убивать!.. Да и никакая она у тебя не несушка... Давай пощупаю! Не хошь, боишься? На суп — одно и го-дится!

Компания умерила бег и отышалась уже близ речки. Посидели рядышком на траве, облизывая пересохшие в волнении губы.

После больших нервных встрясок, когда все заканчивается более или менее благополучно, окружающий мир воспринимается почему-то особенно радостным, и ты как бы заново открываешь в нем такие детали, которые, однажды став будничными, в другое время просто не замечаются. Видишь застывшего в небе коршуна, быстроглазую камышовку среди осок, дрожащую стрекозу на тоненьком стебле пырея.

— Зачем ты сказал... ну, что ты выстрелил? — угрюмо спросил Уголек.

— Да так... просто... — Яшонок смутился. — Чтоб не попало никому. Чего они мне?

— Да не они! — возразил Уголек. — Другие наговорят!

— А мы просто не пойдем сегодня! — утешил его Яшонок. — В другой раз пойдем!

Правильно сделал, Яшонок! — поддержал его Буза. И, дотянувшись, ударил Яшонка по плечу. — Тебя мы в обиду не дадим. Во! — Согнув руки в локтях, он в подтверждение этих слов продемонстрировал свои бицепсы.

Жвыкаленок, устроившись возле ручья, с самого начала обдумывал какую-то идею. Наконец предложил:

— Давайте запруду сделаем, а?

Запруду так запруду — была бы цель! И компания, побросав на траву рубашки, засучив до колен штаны, принялась за работу.

Яшонок вместе со всеми таскал камни, заделывал про-

токи между ними глиной, но при этом не забывал оглядываться назад, в сторону села, будто знал, что дед Афоня обязательно появится на лугу. И когда тот поманил его от ивняка, подошел к деду.

После дождей и ветреного ненастья над Вязовкой опять на какое-то время установилась теплынь. Но солнцу наперекор дед был в треухе и телогрейке. Маленькие

глазки из-под лохматых рыжих бровей смотрели изучающе. А в усах притаилась насмешливая улыбка.

— Часом, обжился у нас, малой?

— Обжился... — ответил Яшонок.

— И де ж? У кого?

— Да тут... — как всегда, неопределенно ответил Яшонок. — Есть у меня...

— Понравилось? Али нанял кто?

— Не... — сказал Яшонок, — учусь я! — И добавил: — У Лилии Леонидовны учусь!

— Ишь ты! — удивился дед. И с нескрываемым любопытством заново оглядел Яшонка. — А на кой те это ученье?

— Так... — Яшонок хотел сказать про книги, которые он видел у Лилии Леонидовны. Ответил: — А как вырасту — работать пойду!

— И де ж?

Об этом Яшонок еще не думал. Ответил неожиданно для себя:

— А учителем буду!

Дед Афоня хмыкнул на это. Приподнял носок сапога, чтобы разглядеть отвалившуюся подметку.

— Жириком на энтом деле не станешь... Хошь на пузе шелк, а в пузе — щелк. У учителки твоей, малец, бывает, картофелины в избе нетути.— Он вдруг заспешил:— Ну, ты ладно... Леонидовна, гришь, учителкой у тебя? Ну, бытай!

И он пошел по лугу мимо зарослей ивняка. А Яшонок смотрел ему в спину, почему-то уверенный в глубине души, что встреча эта может оказаться для него очень важной.

На волоске

Если в уличных делах, новых для него и непривычных, давно установившейся, более или менее размеренной жизни, с ее прошлым опытом, давними традициями, Яшонок проявлял себя человеком абсолютно несведущим и, как правило, во всем следовал за другими, то уж в так называемых взрослых заботах, совершенно неведомых его теперешним друзьям, он был гораздо практичнее и дальновиднее любого из них.

В то время, как друзья наслаждались теплынью, солнцем, он уже подумывал о грядущей зиме, о непогоде, о холодах...

Вернее, он позабочился о них еще раньше: весной, до работы на Плесовском кордоне, когда бродяжил из деревни в деревню, из города в город, с места на место. Недели две тогда, как раз во время ледохода, Яшонок прожил в Лисках, помогая знакомому старьевщику увязывать, упаковывать и сортировать разный хлам: от ни на что не годного тряпья до промытых весенними дождями костей. За это Иваныч, как звали старьевщика, обещал Яшонку подобрать к зиме какую ни на есть одежду. Может, даже валенки... если удастся.

Зима теперь была не за горами. И в воскресенье Яшонок решил добраться до Лисок. Посвященный в его планы Уголек, для которого Вязовка была и началом и концом вселенной, решил не отставать от друга.

Вязовку покинули на рассвете, так как путь предстоял дальний, а надо было успеть до вечера туда и обратно.

Денег, чтобы воспользоваться пассажирскими поездами, ни у того, ни у другого не было. Но Яшонок и всего-то несколько раз прокатывался на пассажирском. Для «зайцев» существуют товарняки. Надо только одеться потеплее, чтобы не просифонило на буферах или на подножке.

Ошибка случилась на последнем перегоне.

Поначалу все складывалось как будто в их пользу. Они заранее облюбовали два вагона в самой середине состава. Это не так уж часто случается, чтобы в товарняке, да еще в самой середине, было две свободных тормозных площадки. На задней, в хвосте поезда, как правило, едет проводник, и пытаться проникнуть туда — дело безнадежное. А тут Уголек и Яшонок, едва поезд тронулся, оба незаметно для работников станции прыгнули один на одну площадку, другой — на другую и, выглянув через некоторое время, помахали друг другу: мол, все в порядке, дорога до Лисок обеспечена.

Но вскоре Яшонок почувствовал некоторое беспокойство, потому что с первых метров поезд все набирал и набирал скорость, и телеграфные столбы, что вдоль дороги сопровождали уходящие поезда, и огороды с кучами пожухлой картофельной ботвы на них, и желтые выгоны с копешками сена под слегами сначала проплывали неторопливо, степенно, потом вдруг начали ускорять свой бег и вот уж замелькали в беспорядочной спешке, отлетая куда-то назад, мимо Уголька, в хвост поезда, и дальше — за горизонт...

Выглянув на одном из поворотов, Яшонок с тревогой убедился, что состав ведет не привычный работяга «кукушка», а быстрый и мощный по тому времени «ФД».

И уже на подъезде к лискинскому семафору, где «зайцам» полагалось прыгать, Яшонок жестами показал Угольку, чтобы тот не спешил: поезд, судя по всему, не собирался ни останавливаться в Лисках, ни сбавлять скорость перед семафором.

Яшонок метнулся по площадке к одному выходу, к другому...

Прыгать вернее всего было с наружной стороны состава, где насыпь и небольшой откос. Но встречный ветер буквально вжимал Яшонка на тормозную площадку, и если он бросит его под колеса...

А с другой стороны поезда сверкала на солнце параллельная линия стальных рельсов. И Яшонок не забыл еще, как на его глазах однажды взрослый, опытный человек разбился об эти рельсы в попытке соскочить на ходу.

Прыгать надо было немедленно, иначе можно оказаться в такой дали от Вязовки, что за двое суток не выберешься.

Еще раз махнув рукой Угольку, чтобы тот не спешил и делал все, как он (хотя Уголек жил близко от станции и не был новичком в таких делах), Яшонок торопливо спустился на правую подножку, бросил последний невольный взгляд на мелькающие под ним шпалы, оттолкнулся изо всех сил... и какие-то мгновения ничего не мог понять, чувствуя, что задыхается, что летит вдруг бесконечно долго... И первый четкий проблеск сознания в эти мгновения: спрыгнуть не удалось, телогрейка зацепилась за что-то, и, если теперь же, сию секунду, не расстегнуть крючка на горле, он погибнет от удушья.

Рука автоматически рвет крючок. И вместе с ворвавшимся в грудь воздухом стремительный, уже не зависящий от Яшонка, бросок в землю, потом сразу — в каких-нибудь двадцати сантиметрах от нее — рывок за телогрейку и на встречном ветре бросок вверх.

Мелькает перед глазами тот самый порожек, с которого он собирался прыгать, и острый железный штырь на нем,

который, пропоров телогрейку, надежно пришипилил его к составу. Рука тянется к порожку, но тот опять ускользает вверх. Правая нога больно ударяется о землю внизу и подскакивает от удара. Надо поджать ноги. Тем более, что на них, грохоча, стремительно наезжают колеса... А спереди, от головы поезда, летит на Яшонка дощатый настил перегазда. И просмоленная опалубка из шпал как раз на уровне его лица...

Только потом, позже, восстановливая по памяти это безрадостное событие, Яшонок поймет, как швыряло его из стороны в сторону, то отбрасывая от состава, то затаскивая под самые колеса, и разворачивало висящего на стержне то головой, то ногами к рельсу...

И только много дней спустя, уже дома, восстановит Яшонок, что промелькнуло в его сознании, когда он увидел несущиеся на него смоленые шпалы перегазда...

Вот ведь странное дело: ничего особенного припомнить не удалось. Ну ничего такого, что можно бы назвать важным. Отчетлива только простая жуткая мысль: «Смерть!» А перед глазами, едва уловимо, лица: деда Афони, Уголька, Бузы — всех, кто вошел в его сегодняшнюю жизнь, да еще учительницы Лилии Леонидовны, да еще ни с того ни с сего одной камышовской девчонки, которую он и видел-то всего раз...

Почувствовал он еще только удар в бок, и потом, уже всем телом, о торфяные брикеты на земле. Ярко полыхнуло перед глазами какое-то оранжевое огнище, и сразу все исчезло.

Очнулся он и пришел в себя раньше, чем открыл глаза. Не шелохнулся в первую минуту, словно бы всеми силами удерживаясь в той вязкой, непроницаемо черной тьме, где не было ни страха, ни боли, ни жажды жить... По говору вокруг догадался, что от станции к нему набежали люди.

Испуганный женский голос:

— Чей это?

Старушечий, жалобный:

— Да, видать, ненашенский... Мож, с деревни откель...
Мужской, уверенный, над самой головой Яшонка:
— Да беспризорный, по всему! Не виши — одежка...
Чей-то вздох. И опять женский голос:
— Мно-готь их ишшо...

Опять жалобный старушечий:

— Прибрал господь сироту...
— Как эт прибрал? — мужской голос.— Не виши, дышит
еще! За фельшером побегли. Мож, оклемается.
— Ангелочек совсем... — будто не слыши его, продолжала
старушка.— И как эт угораздило его... Может, злодеи
каки? Такого малого...
— Да кто ж его? Сам сиганул! — опять решительно воз-
разил мужчина.— Они завсегда тут прыгают, которые без-
билетники! И этот — сам, их вроде двое там было! Своими
глазами видел! Вон там он сигануть хотел!

Вмешался молодой девичий голос:

— И я видела!
— И я! — как эхо, отозвался ей совсем детский, ломаный
голосок.

Оказывается, и неудачный его прыжок и Уголька видели многие. Но никто, даже сам Яшонок, не мог видеть, как, мгновенно оценив обстановку, Уголек взлетел по железным скобам на крышу вагона, как одолевал ее на четвереньках, затем переваливал с крыши на крышу и, повиснув на руках, спрыгивал в тамбур Яшонка. А затем крохотным перочинным ножом полосовал его телогрейку, не в силах сбросить ее со штыря, и ударом ноги оттолкнул Яшонка, чтобы того не заволокло под колеса...

Мужской голос над головой звучал словно бы у самого уха и бил по нервам:

— Везучий малец! Я ить на переезде стоял и всё чистушки как есть видел. Ну, еще мент, думаю, и хана парню! Его ж об энтов приступок как пить шаражнуло бы! А ветром

затягивает прямо-точки на рельсу. В рубахе малый, не иначе, родился — что тут и отбросило его! Супротив ветру-то! Как божья сила!

Отозвался ему опять старушечий голосок:

— А знать, глядит она, родимая, пресвятая мать-богородица! Глядит на нас! Уберегла вот! Ай?..

Существовала ли она, эта пресвятая мать-богородица, или же люди выдумали ее, знала ли она когда-нибудь о людях на земле, беспокоилась ли о них?.. Но в трудную минуту все-таки гораздо надежнее иметь рядом такого друга, как Уголек. Отчаянный выдумщик и заводила Уголек, которого быстрый «ФД» умчал дальше, за Лиски.

Яшонок открыл глаза.

Грабеж или конфискация?

Отдался он, можно сказать, пустяками: десятком-другим быстро заживших ссадин да болью в позвоночнике, которая, то исчезая на время, то возвращаясь опять, не оставляла его, правда, долго. А в тот день он дождался на станции Уголька, и они даже побывали у старьевщика, хотя тот и не мог ничем порадовать Яшонка...

Жизнь, что бы там ни было, опять вошла в свое русло и полнилась новыми, чаще веселыми, нежели такими безрадостными приключениями.

Камышовцы после исторического для обеих улиц перемирия в знак расположения к непочетовцам однажды посвятили их в свою тайну: вот уже месяц, как они готовили месть одному из богатеев на Камышовке по прозвищу Столб (люди ему даже фамилию образовали от прозвища — Столбов, хотя настоящая его была Лебедев). Из-за нескольких грушевых падалиц он месяц назад крепко отколотил Кочергу.

Предусмотрительные камышовцы все это время даже

прикармливали его собаку, чтобы не лаяла на мальчишек. Но единственный их план — перетрясти Столбову весь его огромный сад — мог быть выполнен только через год, когда после долгой зимы опять отцветут, нальются и созреют плоды. Ждать — это никуда не годилось. Но поначалу ни Уголек, ни Яшонок, ни Буза и никто другой из непочетовцев не могли предложить камышовцам иного варианта мести, чтобы она была столь же справедливой, пока на Столба не нарвался один из братьев Афониных — Ванюшка Афонин.

Тут надо приостановиться и подробнее рассказать о самом Столбове.

Чем-то напоминал он Яшонку уже известного нам Жиряка, хотя внешне они были совершенно противоположны друг другу: тот расплывшийся, бесформенный, как навозная куча, а этот прямой, длинный, как столб, откуда и прозвище. Жиряк — наглый, а у этого что сам, что жена, пока дело не коснется их собственности,— оба елейные, ласковые до противного.

Столбы крошки хлеба не подадут нищему, но и не скажут «Проваливай!», как это сделал бы Жиряк, а вздохнут и жалобно так посетуют: «Уж не прогневайся, милый, сами с хлеба на квас перебиваемся... В должишках кругом... Храни тебя господь, горемычного...»

В свое время Яшонок, тогда еще не зная Столбовых, просился к ним переночевать. Хозяйка чуть не прослезилась: «Дитятко ты мое несчастное! Да разве тебе откажет кто? Но у меня своих двое. А тут, как на грех, родственники... Уж ты где у других, родимый...»

Внешне и кое-какими повадками Столб отличался от Жиряка, а дома и дворы у них были — что близнецы. Только у Столба, в дополнение ко множеству хозяйствских построек, имелся еще богатый, за высоким плетнем сад: главная причина столкновения между семейством Столба и всем мальчишеским миром Вязовки.

Нет, лазать к нему боялись. Но ветви груши и яблонь, словно бы стремясь на волю из его плена, вымахивали далеко через плетень и в страдную пору гнулись над головой под тяжестью плодов, таких заманчивых, таких сочных даже на вид.

И они часто падали на дорогу. Но стоило какому-нибудь малолетке подобрать яблоко или грушу, как Столб мгновенно перемахивал через плетень (он обязательно оказывался рядом!) и если не бил тут же, на месте, то, схватив изо всей силы

за ухо, волок хоть за полкилометра к родителям. Чтобы защитить от мальчишек падалицу, Столбов на время даже кобеля своего привязывал не во дворе, а снаружи, у забора, почему камышовцам и удалось прикормить его...

Ванюшка Афонин случайно оказался против дома Столбовых и, увидев телегу возле ворот с двумя корзинами сочных антоновок, оглянулся по сторонам, потом на окна и выхватил из плетенки одно-единственное яблоко. А когда рванулся бежать, краем глаза уже заметил хозяина с кривым сосновым поленом в руке. Больше ему ничего увидеть не пришлось. Да и пробежал-то он всего каких-нибудь шагов десять, как, сразу выронив на землю яблоко, весь изогнулся и взвыл от боли после удара в лопатку.

На Непочетовку он заявился в слезах, придерживая правой рукой безжизненно обвисшую левую.

Пока его утешали, пока осматривали, чтобы сделать заключение — «Перебит нерв», — Уголек мрачно расхаживал по пыльной дороге взад-вперед и, поднимая ногами целые облака пыли, думал.

Потом велел Жвыкаленку и брату пострадавшего, Василию Афонину, двигать на Камышовку, разыскать Кувалду или Кочергу, сказать, что приходили всей компанией «на канаву», как называлось место коллективных сборов близ железнодорожного полотна. Всем непочетовцам велел быть тоже.

С первыми сумерками на канаве собралось около тридцати человек.

План Уголька состоял в следующем.

Самые дорогие сорта яблок, те, которые можно хранить в зиму, Столб еще не вывозил на продажу. Яблоки в точно таких корзинах, какие соблазнили Ванюшку, хранились в амбаре, под висячим замком. Но раз уж камышовцы прикормили столбовского кобеля, ничего не стоит залезть во двор и сегодняшней ночью небольшой группой подобрать ключ, а завтра всем обществом распопрошить амбар. Не плохо даже привлечь к этому выгонских и совхозных панцов. На кого можно положиться...

Вся компания восприняла этот план с одобрением. Один Жвыкаленок ни с того ни с сего засомневался:

— Могут схватить за воровство...

— А кто же будет воровать? — удивился Уголек. — Себе ни яблочка! — Он оглядел присутствующих и убедился, что поняли его правильно. — Воровство — это когда что-нибудь берешь себе, а когда ничего не берешь — это не воровство!

Жвыкаленок чуть не загнал всех в тупик, но Жвыкаленок и нашел выход из него. Он знал от своего родного дядьки умное слово «кон-фис-кация». Оказывается, если ты берешь что-нибудь незаконно — это грабеж, а если отни-

маешь по справедливости — это всего лишь кон-фис-кация.

Компания согласилась на это умное определение Жвы-
каленка.

Ночью, выставив у забора охрану во главе с Кочергой, во двор забрались Кувалда, Уголек, Яшонок и Длинный, отец которого работал слесарем и благодаря этому Длинный подучился ладить замки, а уж разных ключей в доме у них была пропасть.

Кобель тихонечко рыкнул на них, глодая брошенную через забор кость, получил еще две и успокоился.

На подбор ключа ушло всего несколько минут. Хорошо смазанный замок открывался и закрывался почти без звука, так что можно бы даже не откладывать операцию на завтра. Но к ней следовало подготовиться.

И, перед тем как разойтись, Уголек еще раз напомнил:

— Завтра приходить только тем, кого дома не хватается: кто спит отдельно или может вылезть через окно. А кто спит с родителями — лучше не приходить!

...Собрались опять у канавы. Уголек и Яшонок думали, что окажутся первыми, но, когда подошли, здесь уже котратали время пятеро камышовцев во главе с Кувалдой. У всех, как договаривались, в руках были сумки, мешки. Стали поджидать остальных. Немножко познабливало всех: то ли от холода, то ли от напряжения. Хоть и называлось предстоящее дело «конфискацией», Столб мог расценить его как обыкновенный грабеж.

Ночь выдалась безлунная. И даже холодный ветерок со стороны Битюга, скрадывающий шорохи, был наруку.

Народу собралось больше вчерашнего. Когда подошло несколько проверенных мальчишек с выгона и вслед за ними из «Большевика», быстренько распределили обязанности.

Кочерге с десятью малолетками снова поручили организовать охрану.

Вчерашия группа, те, кто уже побывал в столбовском дворе, взяли на себя погрузку.

Несколько самых крепких парней во главе с Бузой должны были носить яблоки от сарая и передавать через забор на улицу. Остальные действовали здесь. Поначалу решено было перетащить яблоки на пустырь близ болотца, что не очень далеко от столбовской избы.

В качестве приманки для кобеля, кроме костей, на этот раз достали и немного настоящего мяса.

Кувалда махнул через ограду первым.

Все действовали четко, в абсолютном молчании, и это придавало уверенности.

Только в сарае, где было четыре стены и лишь один выход, поначалу сделалось неуютно. Но потом закипела работа, и стало некогда думать об опасности.

Яшонок и Длинный держали мешки, а Уголек и Кувалда перекладывали в них яблоки из корзин. Мелкую тару — сумки, перевязанные штаны, рубахи — загружали вчетвером.

А Буза носился через двор от сарая к забору и, пылая жаром, без конца подгонял: «Быстрей!.. Быстрей!.. Быстрей!..» Что одинаково относилось и к его носильщикам, и к четырем добровольным грузчикам.

А больших круглых корзин было не меньше двадцати, так что все и без понукания работали обливаясь потом, чтобы разделаться с ними побыстрей.

Стук дверной щеколды и одновременно с этим короткий, словно бы предостерегающий рык столбовского кобеля ворвались в негромкие шорохи сада и звуки уже привычной, размеренной работы, как удар гонга, как выстрел.

Буза, влетая в сарай, едва не хлопнул дверью. Одновременно с ним сюда успели прошмыгнуть еще трое носильщиков. И первая захолонувшая сердце мысль была о двух оставшихся во дворе. Ибо от удара внутреннего запора до

появления Столба на крыльце прошла, наверное, всего одна секунда. Как выяснилось, правда, этой секунды вполне хватило носильщикам, чтобы оказаться по ту сторону забора, упасть и затаиться.

А в том, что на крыльце вышел сам Столб, сомневаться не приходилось. Тяжелые, грузные шаги по ступеням могли принадлежать только ему. Немного погодя, когда заскулил пес, заговорщики услышали и голос хозяина:

— Ну-ну, детка... Чего тебе? Чего? Ел вместе со всеми... Утром поешь... Соскучился?..

Вот теперь стены давили хуже оков. А единственный выход, который еще недавно вселял надежду, теперь, наоборот, совершенно перечеркивал ее.

И когда Столбов прошагал через двор к овцам, потом в коровник, у всех была одна и та же мысль: бежать, распахнуть дверь — и во все стороны, напропалую, пускай уж там что будет, то будет... Каким-то чудом удержались на месте. А жадному Столбу, которому даже ночью не давало спать богатство, достаточно было приблизиться к сараю на расстояние трех-четырех метров, чтобы обнаружить, что замка нет. И он приблизился. Постоял где-то рядом с дверью, почмокал губами на кобеля и скоро стал подниматься на крыльце.

Всех, не думая о том, спас Длинный. Вместо того чтобы взять открытый замок с собой, как на его месте поступили бы хоть Уголек, хоть Яшонок, Длинный спокойненько, по-хозяйски вставил его опять в пробой и даже закрыл, чтобы не потерялся. А большой амбарный замок виден был в темноте гораздо дальше, чем стальная наметка, что в это время бесполезно болталась на двери.

После того как опять закрылась щеколда, выждали еще минуту-другую. Потом Буза подхватил на спину готовый мешок и привычно скомандовал: «Быстрей!..»

Последняя корзина опустела, когда уже на востоке начинала брезжить узенькая полоска неба.

И пока Длинный опять толково закрывал сарай, счастливый Кувалда почесывал кобеля за ухом.

На пустыре, близ болотца, где высились теперь солидная гора яблок, немножко передохнули и даже похохотали над глупым Столбом.

Пока шла работа, никто, как уговаривались, к яблокам не притрагивался. Теперь заговорщики неожиданно взбунтовались: почему бы не попробовать свою добычу на вкус? Домой ничего не брать, а только попробовать?..

Кувалда и Уголек — сторонники первоначального, твердого плана — сразу оказались в меньшинстве.

Наконец после недолгих споров было принято предложение Жвыкаленка: съесть по два яблока, огрызки утопить в трясине. Что и сделали.

Теперь за оставшееся до рассвета время надо было выполнить вторую часть плана, менее опасную, но не менее трудоемкую: разнести яблоки по всей Вязовке, подбросить их во дворы или на крыльца, под окна хозяевам, у которых нет собственного сада.

Начали с дальних от Камышовки и Непочетовки улиц.

Небо уже не просто брезжило, а начинало вовсю светлеть, когда удалось оставшиеся фрукты разложить по мешкам, сумкам. Теперь основательно нагруженные выгонские мальчишки двинулись к себе домой, на выгон, а совхозовские — в совхоз, чтобы подкинуть яблоки своим бессадовым.

Камышовцы и непочетовцы разбежались по собственным улицам.

Японок разгрузил мешок неподалеку от станции.

Утром заговорщиков можно было угадать по необычно ленивому подъему с лежанок да по сонным лицам в первые минуты после подъема. Но эти слабые свидетельства преступления быстро улетучились. А Столбов обнаружил пропажу, когда уже вся Вязовка и весь совхоз «Большевик» судачили о таинственных дарах минувшей ночи.

«Шпион»

Проделка с яблоками могла бы иметь невеселые последствия, проболтайся хоть кто-нибудь из заговорщиков или оказалась Столбов не таким человеком, каким он был. Но если взрослые и догадывались, а может быть, даже знали участников «конфискации», ни в Вязовке, ни в «Большевике» не нашлось человека, который вызвался бы помочь Столбу. Хотя тот приглашал милицию.

Однако следов взлома не было, свидетелей — тоже, да и сельчан, которые подтвердили бы, что яблоки в сарае Столба хранились, тоже не оказалось. Так что милиция ушла ни с чем.

Столб уже самолично выследил и перешарил убежище Яшонка. А тому хотелось накануне приберечь для себя хоть несколько яблок. Но обманывать он не умел, тем более обманывать друзей. И Столбу не досталось на чердаке даже огрызка. Сельчане лишь еще больше невзлюбили его за то, что хотел обидеть безродного...

А самим виновникам переполоха, в частности Угольку и Яшонку, увлеченным новыми проблемами, почти тут же стало не до Столба.

Они напали на след шпионов.

В тот год говорили о шпионах на каждом углу. О шпионах читали лекции, показывали их в кино, рисовали на плакатах в сельсовете. Было хорошо известно, как выглядит шпион: мордастый, крепкий, с подлой физиономией. Чтобы узнать его, достаточно взглянуть в глаза.

И Уголек однажды взглянул. Правда, не в глаза, а в спину.

Не обремененный хозяйственными заботами, Уголек частенько подолгу бродил один: то вдоль большака, то проселком, а чаще всего по железной дороге, которая в те давние времена служила своего рода трактом. По железнодорожным шпалам в один и другой конец: в сторону города или

из города, вышагивали, гонимые какими-то своими заботами, люди. Вот за ними-то и следил Уголек: уж если появиться шпиону в Вязовке, то скорее всего на железной дороге. Объекта важнее, чем этот, в селе не было.

Но люди проходили и растворялись где-то вдалеке, чтобы уж никогда не появиться в Вязовке. На диверсантов они походили мало: самые обыкновенные мужики, бабы, иногда беспризорники вроде Японка.

А этого подозрительного типа Уголек заметил, когда и не ожидал вовсе. Хотя время для диверсантов было самое подходящее — сумерки.

Человек сидел у стыка рельсов на корточках и что-то шарил руками. Потом глянул в одну сторону железнодорожного полотна, в другую, вытащил из кармана рулетку и стал мерять, не выпрямляясь, чтобы переступить со шпалы на шпалу.

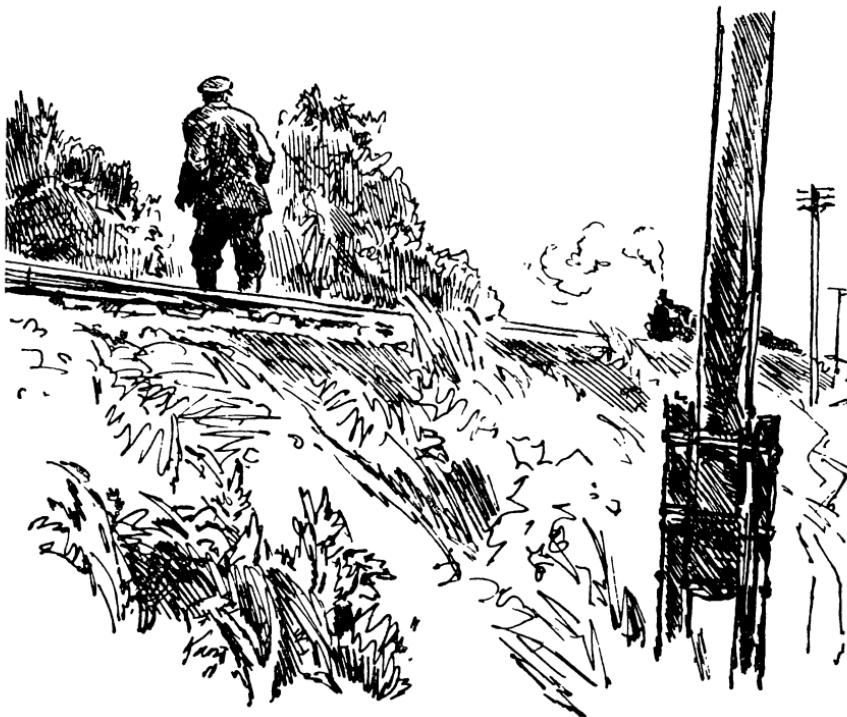
Уголек замер в кустах боярышника, наблюдая за ним со спины.

Когда от станции показался поезд, неизвестный шагнул через рельс на противоположную от Уголька сторону дороги, ближе к кустам, и, вынув записную книжку, быстро-быстро записал что-то. Потом вспрыгнул на одну из проплывающих мимо него подножек и был уже далеко, когда Уголек выскоцил на рельсы.

Неизвестный явно заметил его, потому что всего через полкилометра, там, где железнодорожное полотно шло на подъем, он опять соскочил и будто растворился на фоне насыпи. Когда Уголек по шпалам добежал до этого места, никого близ железной дороги не было.

Раздосадованный, Уголек в тот вечер не обратил особого внимания на маленького человечка, который вышел в темноте из леса, примыкающего к железной дороге, и, сгибаясь под какой-то тяжестью, проследовал в село.

Но потом Уголек провел еще два или три вечера в засаде, под кустами боярышника.

Неизвестного с рулеткой он больше не заметил. Но как раз накануне столкновения Ванюшки Афонина со Столбом Уголек опять видел в поздних сумерках человека, который двигался от Вязовки в сторону леса, потом в направлении города, то есть в ту же сторону, куда прошел поезд. А некоторое время спустя человек, согбаясь под неведомой тяжестью, прошагал к селу.

Уголек долго размышлял надо всем этим и утром после конфискации столбовских яблок, наконец, понял, что соскочивший с поезда на подъеме неизвестный и человек с грузом имели между собой какую-то самую прямую связь! Потому что маленький, неприметный человечек направлялся к лесу без груза. А в Вязовку возвращался с ношей! И оба раза перед этим в сторону железнодорожного подъема проходил поезд!

Диверсант оказывался не приблудным, а жил где-то здесь, рядом!

Яшонок, посвященный в события, немножко засомневался в правоте друга. Но истины ради спросил:

— А ты под рельсой смотрел?..

— Смотрел... Пока ничего. Может, примериваются только?

Яшонок за свою жизнь встречал много подозрительных людей и потому никак не мог настроиться в тон другу.

— Заявим?..

— Ты что?!— возмутился Уголек.— Надо схватить — другое дело! Что мы, вдвоем не справимся? Он так себе... Ну, с меня, может... Или чуть выше...— Этот факт заставил его немножко призадуматься.— А может, показалось... Далековато. Ну хоть выследим!

В этот вечер компания непочетовцев напрасно поджидала Уголька и Яшонка на канаве.

Друзья терпеливо сидели в кустах боярышника и, чтобы не выдать себя, даже не переговаривались.

Им повезло с первого раза.

Сидеть в кустах без движения — задача не для слабых: затекают руки и ноги, костенеет шея. И потому силуэт человека со стороны Камышовки явился в сумерках как заслуженная награда.

— Он!— прошептал Уголек.

Других слов не требовалось. Они выждали, пока человек скроется в леске, и, как это было задумано раньше, бросились вдоль железнодорожного полотна следом.

Продвигались незаметно, перебегая от куста к кусту, и тратили на это слишком много времени, уже раскаиваясь, что не перенесли место засады куда-нибудь на опушку...

А от станции в прежнем направлении опять пошел состав, и они вынуждены были на несколько минут залечь, чтобы не оказаться в свете его фар.

Потом буквально побежали вдоль дороги. Теперь нако-

нец и Яшонок поверил в догадки своего друга: опять был поезд, опять где-то состоится встреча, нельзя было проморгать ее.

— Понял? — на бегу горячечным шепотом спросил Уголек.

Яшонок кивнул.

Но вот и подъем, где замедляют свой ход поезда, вот приблизительно то место, где в первый раз соскакивал неизвестный с рулеткой.

Скрылся далеко за горизонтом поезд, а на железной дороге никого не было.

Прячась за деревьями, они пробежали немного вперед, потом назад и опять в противоположную сторону...

Наконец, догадались перевалить через железнодорожную насыпь и сразу увидели впереди его...

Он шел в обратном направлении, к Вязовке, сгибаясь, как и раньше, под тяжестью мешка. Второго поблизости не было. Может, он больше и не соскакивал с поезда, а просто сбрасывал все, что ему надо было передать.

— Налетаем? — яростным шепотом спросил Уголек.

Фигура неизвестного, пригнутая тяжестью к земле, не представлялась зловещей. Особенно отсюда, издалека.

Яшонок щелкнул ножичком, открывая его. Объяснил:

— Если он что-нибудь...

Уголек открыл свой. Но предупредил:

— Если не будет сдаваться!

Они обогнали неизвестного стороной, притаились за деревьями. И сначала услышали тяжелое пыхтение. Приготовились оба... А едва тот вышел из-за кустов можжевельника, разом прыгнули с двух сторон.

— Сдавайся! — крикнул Уголек. И приказал для острассти: — Эй! Окружайте его!

Шпион, падая на землю под тяжестью двух тел, неожиданно слезно завопил:

— Дяденьки! Это я нашел, дяденьки!..

Сразу уловив что-то знакомое в голосе, нападающие от неожиданности выпустили своего противника и, сидя на траве, уставились на него. Яшонок бессознательно сунул руку в мешок, который оказался рядом с ним, и вытащил из него кусок антрацита.

Неизвестный всхлипнул, боязливо оглядываясь по сторонам.

— Чего вы...

Это был Кочерга.

— А ты чего? — вопросом на вопрос ответил Уголек.

— Не знаешь, что ли... — промямлил Кочерга, опять на всякий случай оглядываясь.

Уголек знал и Яшонок тоже, хотя ни тому, ни другому добывать таким образом уголь не приходилось: Уголька

снабжала железная дорога, а Яшонку топить было нечего.

Здесь, на подъеме, где тяжело груженные поезда сбивали ход, Кочерга палкой сбивал с платформ куски антрацита на землю, потом собирал их вдоль дороги и нес домой. Занятие опасное, если попадешься милиции.

— Чего оглядываешься? — спросил Уголек.

— А кто там с вами?..

— Да никто... — разочарованно отозвался Уголек. — Мы одни. Это я так, понарошке... — И как бы невзначай спросил: — А ты тут с рулеткой такого не видел?

Противники отдохнули, пришли в себя.

— Когда? — уточнил Кочерга.

— Да с неделю...

— А-а... видел... — подтвердил Кочерга, все еще недоверчиво присматриваясь украдкой то к Яшонку, то к Угольку. — Их двое тут лазили... Путейцы... У них тут «пионерка», дрезина, была...

Уголек, стараясь не встречаться глазами с Яшонком, взял у него кусок антрацита, прикинул на ладони.

— Сколько ж ты его за один раз?

— А сколько смогу! — огрызнулся Кочерга. — Тебе хорошо — возят.

— Возят... — согласился Уголек.

Тот помедлил и с неожиданной тревогой в голосе спросил:

— Пойдете заявите, да?..

Уголек положил антрацит в мешок.

— Хочешь, я тебе завтра из дома столько принесу?.. Кочерга, не скрывая облегчения, вздохнул, поднялся.

— Всем не наносишься... На целую зиму надо...

Ойкнул, разворачивая мешок, чтобы поднять его. Всегда плюхнуться в землю носом, да еще с мешком на спине, когда на тебя прыгают сразу двое, — дело неподъемное.

Уголек поднялся, отодвинул его в сторону.

— Ну-ка помоги, Яшонок! — и взвалил мешок за спину.

Двинулись вместе на Камышовку. Разговаривать почему-то никому не хотелось.

Да и потом Яшонок старался не напоминать Угольку, как они ловили с ним диверсантов.

Кладоискатели

Вот чего-чего, а огромного, как в сказках, богатства Яшонок никогда не представлял себе. И даже не мечтал о таком. О дымящейся пшеничной каше — мечтал, о хлебной корке, искристой от снега,— тоже. Да еще редко-редко — о толстом кошельке, у которого бы не оказалось хозяина. Скажем, подобрал его Яшонок на станции. «Чей?..» Все отказываются: «Не мой... Не мой...» Наконец, говорят Яшонку: «Да ты бери его себе, раз ничейный!..» А люди, оказывается, находили гораздо больше.

На этот раз он слишком долго поджидал Уголька возле дома. Начал даже побаиваться, что тот ушел куда-нибудь без него.

А Угольку просто долго не спалось с вечера. Он столько времени потратил на слежку за двумя «неизвестными», что не так-то просто было признать свою ошибку. И даже думал: вдруг Кочерга хитрит? Ходит, встречается с каким-нибудь провокатором, а для маскировки сбивает уголь с платформ. Но, во-первых, за одну эту маскировку можно было запросто попасть в милицию. А во-вторых: какой шпион согласится так жить, как жил Кочерга? Покосившийся, обшарпанный дом его на краю Камышовки бросался в глаза своей запущенностью. Даже плетеньи они с матерью пустили прошлой зимой на топку. Уголек вспомнил, что не только овцы или коровы — захудалой собачонки на дворе у них не было. И это оказалось для Уголька главным свидетельством невиновности камышовского Кочерги.

А когда они с Яшонком пришли на канаву, мысли обоих тут же переключились на другое.

— Спите? — загадочно поинтересовался Жвыкаленок. — А люди дело делают!

— Какие люди? — переспросил Уголек. — Какое дело?

— Люди клады находят! — ответил за Жвыкаленка Буза.

— За которые путевки дают в Артек! — добавил маленький Жвыкаленок.

Оказывается, в газете сообщалось, что двое пацанов — не где-нибудь, а под Ростовом, почти соседи! — копали в бывшем поместьем саду ямки для саженцев и наткнулись на глиняный горшок с тысячей золотых монет — целая гора золота! Все утро компания обсуждала это ошеломляющее событие.

— Я бы не дал им путевки! — неожиданно заявил Длинный.

— Так ведь золото... — возразил Уголек.

— Ну и что? — Длинный презрительно хмыкнул. — Они же его не искали. Все равно что упадет тебе вишня на голову — ты ее съешь да еще и путевку получишь...

— А мы будем искать! — не выдержав, пискнул Жвыкаленок.

Мало-помалу выяснилось, что в ожидании Уголька компания уже приняла решение попытать счастья в бывшем имении Бабича. Идея была верной.

Имение богатея Бабича на хуторе сгорело в семнадцатом году. Сам Бабич, как рассказывают, удрал за границу. Остатки надворных построек, что пощадил огонь, были тогда же растащены по окрестностям. Но и теперь еще на заросшем травой пустыре, под укрытием густых зарослей груши-дичка, угадывался фундамент усадьбы, полузавалившийся погреб, и медленно рассыпались в прах от мороза, солнца, дождей кучи мелкого кирпичного боя на местах, где раньше, должно быть, стояли печи.

— Давайте... за лопатами! — скомандовал Уголек. — По-

пытка — не пытка,— добавил он где-то слышанную пословицу.— У кого кирка есть, тоже пригодится!

Для Яшонка Уголек отыскал у себя хорошую, остро отточенную лопату, себе взял кирку.

Двинулись от канавы через луг, потом вдоль Битюга, потом через поле к Бабичевым грушам.

Здесь, при входе в рощу, компанию поджидала первая неожиданность. Вдруг ойкнув, присел на корточки Василь Афонин. Братьям Афониным совершенно не везло последнее время, и груша, наугад брошенная кем-то из глубины зарослей, угодила одному точно в скулу. Но вслед за первой грушей десятками засвистели над головами непочетовцев, и, чтобы сориентироваться в обстановке, Уголек приказал:

— Ложись!

Друзья-кладоискатели попадали лицом в траву.

И Буза, которому тоже разок досталось желтоватой, подгнившей с одного боку падалицей, первым верно угадал противника: за кустами прятались их недавние союзники по налету на столбовский двор — совхозные мальчишки из «Большевика».

Это было явное предательство.

— Врукопашную! — скомандовал Уголек.

И, оставив лопаты, кирки, тяпки в траве, непочетовцы ринулись в атаку.

После короткой схватки по требованию Уголька отступили, волоча за собой двух совхозников...

Но, когда вернулись на исходную позицию, обнаружилось, что противник тоже не терял времени даром. Исчез Жвыкаленок.

— Э-эй! — крикнул Уголек. — Меняем: плена на пленного!

— Давайте наших обоих! — ответили кусты.

— Мы вам двоих, а вы нам одного?

— А мы его на две части разделим! — хихикнули за кустами.

— Мы вам разделим! — взорвался Буза. — Мы тогда ваших на тысячу кусочков разорвем и разрубим!

— А зачем вы идете?.. — ответили кусты после паузы.

— А вам какое дело? — отозвался Уголек.

— Тут наша территория! — заявили совхозники.

— Кто вам ее дарил? А на нашей вы не гуляете?

— А зачем вы с лопатами?.. — после новой паузы уточнили кусты.

— А хотим — и идем с лопатами! — ответил Уголек.

— Нет, тут мы сами с лопатами, — возразил совхоз «Большевик».

— А вы зачем?

Снова наступило молчание.

— Драться больше не будем?.. — спросили из-за кустов.

— Чего драться... — мрачно ответил Уголек, начиная догадываться, что произошло.

Двух пленных совхозников отпустили. Навстречу им с той стороны прибежал очень довольный собой Жвыкаленок.

Газетное сообщение о двух удачливых садоводах, которым неожиданно достались и уважение и почет, а ко всему еще две путевки в пионерский лагерь Артек, было прочитано в совхозе «Большевик» с той же ревнивой завистью, как и в Вязовке. На пустыре то там, то здесь уже чернели комья свежевывороченной земли и валялись на траве, рядом с начатыми раскопками, лопаты, кирки.

Вот почему всегда миролюбивые совхозные, заметив компанию Уголька, решили не допустить соперников на золотоносный бабичевский пустырь.

Уголек заметил пустые мешки под деревьями, съязвил:

— Вы и мешки для золота припасли?..

Вожак совхозных щербатый Коська смущился.

— Чего это для золота?.. Это мы груши подсобирать.

Матеря велели.

— А зачем вам груши? — не отступал Уголек. — Они, которые не зеленые, погнили все...

— А для свиней! — обозлился Коська. — Не понимаешь, так...

— Ладно, — согласился Уголек. — Но все равно эта земля ведь не ваша?

— Как не наша? — сразу всей компанией зашумели совхозники. — Вон аж дотуда, почти до Непочетовки, «Большевика» земли!

— Ага! — вмешался Жвыкаленок. — Это которую вы пашете! А на которой не пашете — она государственная, общая!

Против этого аргумента совхозные возразить не могли.

Постановили в конце концов допустить пришельцев на территорию бывшей усадьбы. Благо земли вокруг деревьев, под каждым из которых могла оказаться кубышка, хватало еще на десяток таких компаний.

Уголек и Яшонок облюбовали себе одинокую грушу на задворках усадьбы: пускай совхозники роются в подвалах.

И больше часу работали не разгибаясь. Молча. Лишь время от времени поглядывали в сторону соперников.

Но чем глубже в землю, тем больше становилось корней: груша словно бы умышленно переплела и распустила их во все стороны, так что сначала пришлось отложить лопату, а потом и кирка стала бессильной.

Совхозный Коська в подвале ничего, кроме проржавевшего в прах железного обруча, не нашел.

Василь Афонин откопал близ фундамента почти целую тарелку.

А Длинному досталась подкова. И хоть говорят, что это к счастью, путевки в Артек даже за такую удачу не выпросишь.

Уголек и Яшонок еще дважды меняли место: не мог же Бабич зарыться в самый центр земли, под корни деревьев?..

Работали до изнеможения. Так что вчера еще зеленый пустырь стал выглядеть безжалостно и безнадежно растерзанным.

Двое совхозных ребят первыми не выдержали в этом соревновании.

— Эй, куда вы? — окликнул их Длинный.

— А никуда... — ответили те, подбирая свои мешки. — Надо падалицу собрать...

Длинный хотел произдеваться над ними. Но вечно нетерпеливый Буза вдруг воткнул свою лопату в землю и объявил:

— Я с вами! Тоже пособираю... Может, там еще есть некоторые не погнили...

Уголек поглядел на верхушки деревьев.

— Может, правда есть хорошие?.. Бывает, долго держатся...

Через несколько минут на развороченном пустыре можно было увидеть лишь белые черенки лопат, брошенных или воткнутых как попало в землю. А чуть позже кладоискатели всем обществом сидели на краю поляны, выясняли причину неудачи.

Раз было у помещиков-богатеев золото, должны быть и клады. Сколько помещиков — столько кладов. А еще их зарывали разбойники. Вопрос только в том, где искать. Здесь, на Бабичевой усадьбе, они почему-то не нашли.

— А я знаю почему, — неожиданно заявил Уголек. — Ведь Бабич сбежал за границу? Чего бы он бежал без денег? Без денег там пропадешь! Зарывали они, когда убежать нельзя было!

Эта верная мысль опять надолго воодушевила всех. Действительно, с какой стати, удирая за границу, кто-то будет оставлять свое богатство в земле? А вот километрах в пятнадцати был помещик, тот, рассказывают, подался к белякам, и его расстреляли. Наверняка припрятал свои запасы!

Тут же создали совместную компанию для будущих раскопок.

Но нет, жизнь постоянно разбивала надежды Яшонка. Поверил он в шпиона, тот оказался Кочергой... Золотые

монеты Бабич уволок за границу... А зима уже была не за горами. И с нею перед Яшонком вставало множество неразрешимых проблем.

Переправа

Бывает же так! Ни Уголек, ни Яшонок словом никому не обмолвились о своей находке в лощине, под железнодорожной насыпью. Милиционерам тем более не было никакого смысла рассказывать об этом — сами предупреждали. Разве что проговорился кто-нибудь из железнодорожников?.. Но так или иначе, слух о верблюжьей шерсти, украшенной из железнодорожного состава, и о том, что какое-то отношение к ее находке имеет, по крайней мере, Уголек, распространился.

Узнали об этом от матери Уголька.

Она поймала сына, когда тот забежал зачем-то во двор, и, расстроенная, прочитала ему длинную нотацию о том, что ума у него очень мало и потому он лезет не в свои дела. А в результате бандиты могут убить всю семью: отца, ее — или поджечь дом.

Оказывается, в городе и на станции арестовали несколько человек, которые занимались грабежом в товарных составах. Мать сказала, что это только часть большой банды, что остальные на свободе. Искали вроде бы даже Бадлаша, но тот исчез куда-то.

Короче говоря, если Уголек еще раз вмешается в какое-нибудь опасное дело, из дома ему больше не выходить. А пока мать в наказание велела ему привезти для хозяйственных нужд охры с того берега реки.

С тачкой в руках Уголек наконец-то вышел на улицу, где его ждал Яшонок, и они вместе направились к Битюгу.

Кто проболтался про находку, они понять не могли, но обострять отношения с родителями Уголька не следовало,

и, чтобы немного задобрить их, они вынуждены были вместо канавы идти за окрой, или, попросту говоря, за красной глиной, которой было вдоволь на том берегу, возле ручья, хотя идти туда далековато.

Дорогой к ним присоединились Жвыкаленок и Длинный. Стало немножко веселей.

На ту сторону с пустой тачкой переправились вброд и уже не каялись, что вынуждены были тащиться по воле родителей Уголька в такую даль.

Красная глина выступала крутым откосом, вода в ручье ниже по течению окрашивалась в красный цвет, а выше была студеной и прозрачной, так как вытекала из родников.

Из красной глины хорошо лепились машины, танки, самолеты. И скоро три армии — Уголька, Яшонка и Длинного — объявили друг другу всеобщую войну. День стоял ясный, тихий. Солнце последнее тепло ласково лило на землю.

Жвыкаленок не участвовал в войне. Он разделся догола и разрисовывал сам себя, сначала разными линиями, кругами, как индеец. А потом выкрасился весь.

Война к этому времени закончилась общим поражением, и друзья присоединились к Жвыкаленку.

Красные, как черти, долго орали воинственные песни. Но потом глина стала высыхать, блекнуть, и пришлось долго купаться, чтобы отмыть ее, а потом бегать и прыгать, чтобы нагреться.

Нагрузили тачку и двинулись в обратный путь, когда солнце уже коснулось горизонта.

Вброд с полной тачкой не переправишься, вода накрывала ее. Пришлось идти далеко вниз по течению Битюга, где у плеса, примерно против совхоза «Большевик», был паром.

А пока шли, неожиданно поднялся ветер. И хотя небо на западе было чистым, с востока быстро наплыли тяжелые облака, и по горизонту, неслышимые, заполыхали зарницы.

Тучи двигались стороной от села, однако ветер с минуты на минуту крепчал. И уже стало плохо слышно друг друга.

Огромные ветлы прямо-таки клонились к земле под его напором. И били в лицо обломки сухих ветвей, листья, небедомо откуда занесенная пыль.

До переправы, спасаясь от урагана, почти бежали.

А тут наткнулись на новую преграду: все подходы к берегу были забиты овцами. В предчувствии бури животные сбивались в кучи, метались от одной группы к другой, жалобно блеяли.

Теперь доносились и удары грома.

Удерживая овец, бегали из одного конца в другой пастухи.

В наступающих сумерках откуда-то вынырнул человек в плаще с капюшоном.

— Помогайте, ребята! Овцы-то государственные!

Отара была совхозной.

Как выяснилось, лопнул пеньковый трос переправы. Паром стоял, притиснутый ветром к берегу. А паромщик при падении сильно подвернул руку.

Нужно было вытащить и срастить порванный трос, а кроме того, не дать разбежаться овцам.

Быстроенько разделились: Жвыкаленок и Длинный бросились помогать пастухам. А Уголек и Яшонок недолго думая покидали на прибрежный песок одежду и поплыли вылавливать оборванный трос.

Спокойный, тихий Битюг неожиданно разыгрался, и плыть приходилось по волнам, как на море.

Сразу поняли, что занесенный ветром и течением конец троса им не найти в воде. Переплыли на противоположную сторону, чтобы оттуда вытянуть трос на берег.

Потом бегом поднялись на всю длину троса вверх по течению, чтобы не снесло их потом ниже парома. И в две руки держа конец троса, поплыли назад.

Сумерки уже совсем сгостились, когда они вылезли на берег рядом с паромом. Чтобы срастить трос, паромщик зажег фонарь.

И в колеблющемся на пронизывающем ветру свете они узнали мужчину в плаще. И тот узнал их.

— А! Старые знакомые! Отдали очки?

Еще бы не отдать!

Это оказался тот самый «начальник», что помог им разыскать очки Лилии Леонидовны.

Четыре десятка овец загнали на паром и, подтягиваясь по тросу в несколько рук, благополучно переправились на тот берег. Теперь Уголек и Яшонок остались охранять овец на этой стороне, чтобы не разбежались от испуга. А мужчина в плаще с паромщиком, от которого из-за вывихнутой руки помочь было мало, отправились опять на противоположный берег, за новой партией.

Овцы почувствовали близость укрытия, и удерживать их на этом берегу оказалось еще труднее, чем на том.

Но рейс за рейсом, без передышки, когда от ветра, казалось, уже невозможно стало дышать, в последней переправе Жвыкаленок и Длинный захватили с собой и тачку с красной глиной.

— Все? — спросил одного из пастухов, стараясь перекричать ветер, мужчина в плаще.

Пастух беспомощно развел руками:

— Кто ж его знает!

— А завтра мне первому голову снесут! — отозвался мужчина и махнул рукой: — Ладно! Все равно здесь ничего не сделаешь! Дома пересчитаем!

Гнали отару лугом.

Жвыкаленок с тачкой в руках замыкал шествие. Он-то первым и узнал от пастухов, что мужчина в плаще с капюшоном — это директор совхоза.

В кошаре все оживились, радостно обменивались впечатлениями.

Но, только пересчитав отару и убедившись, что все триста двадцать овец на месте, почувствовали себя настоящими победителями.

— Ну что ж,— сказал директор совхоза,— спасением мы вам всесторонне обязаны. А в такой катастрофе мы имеем право на естественную убыль! Даём вам овцу, ребята. Выбирайте любую! А то без вас вполне может, что и овцы пропали бы, и мы вместе с ними!

— А зачем нам овца?— сказал Жвыкаленок. И хотел добавить, что ведь сам директор-то ничего с них за цейсовские очки не взял.

Но Уголек перебил его:

— Нам не нужно, а Яшонок пусть возьмет себе! Ему сгодится!

— Зачем сгодится?— насупился Яшонок.

— Зарежешь!— подсказал директор.— Плову наваришь себе, шашлыков нажаришь!

— Не...— испугался Яшонок.— Зачем живую резать?.. Я не могу. Пусть живет...

— Ну хорошо!— завершил спор директор совхоза.— Останемся без естественной убыли, раз вы так хотите! А живы будем — еще не раз встретимся. Так?

Возвращались на Непочетовку очень довольные собой.

Немного испортил настроение Длинный. Он тоже слышал от матери, что арестовали несколько человек за грабеж на железной дороге, что разыскивают Бадлаша и что будто бы кто-то из непочетовских мальчишек помог властям разоблачить грабителей...

— Мало ли что болтают!..— отозвался Уголек.— Арестовали — значит, правильно сделали. Может, кто и помог!

Яшонок тоже считал, что все эти разговоры особенного внимания не стоят. Беспокоило, пожалуй, только одно: что и в самом деле куда-то исчез его заклятый враг Бадлаш. Если он замешан в грабеже и узнает, что Яшонок обнаружил этот проклятый тюк с верблюжьей шерстью...

Впрочем, если он замешан, его поймают или уже поймали где-нибудь! Вот это Яшонок очень хотел бы увидеть — как арестовывают Бадлаша.

Награда

Зима в полном соответствии со всеми законами природы день ото дня становилась ближе. Но пока еще светило не по-осеннему яркое солнце, теплынь временами, как в самый разгар лета, манила к реке; сады и огороды поставляли Яшонку бесплатное и за исключением хлеба вполне достаточное питание; свою постель на чердаке он мало-помалу утеплил, и жизнь продолжалась своим чередом, тоже в полном соответствии с законами детства. К тому же и клады, как это выяснилось вскоре, все же существовали, пусть не такие яркие, как золотые монеты, но по-своему важные и порой даже более ценные, чем деньги.

Сидели компанией у канавы, когда вдалеке прошла на занятия первой смены Лилия Леонидовна.

— Чего она такая худая? — удивился Жвыкаленок.

— А она болеет, — мрачно отозвался Бузя.

— Чем?

Этого никто, кроме Бузы, не знал.

Выяснилось, что у их доброй учительницы страшная, почти смертельная болезнь — чахотка. И в то утро уже долго не могли говорить ни о чем другом.

Жила учительница одиноко. А вдобавок — что для многих тоже было открытием — бедно. Хотя если бы они присматривались к ней повнимательнее, давно бы заметили это.

Ее избушка на курьих ножках, несколько обособленная в общем ряду, но чистенькая, за белыми задергушками, воспринималась каким-то сказочным теремком. А она была просто убогой. Особенно если взглянуть теперь на два соседних дома — Фроловых и Максимовых, которые возвышались над ней своими черепичными крышами словно бы специально для того, чтобы подчеркнуть ее мизерность.

Небогатое внутреннее убранство учительского жилья Яшонок тоже видел. Это лишь в первый раз (когда он увел

жиряковскую Ласточку) уют и чистота показались ему роскошью. Уж кто-кто, а Яшонок видел много домов и знал, что такое настоящая роскошь, богатство, где через порог не дают переступить — вдруг загадишь.

Но взглянуть на учительское житье глазами беспристрастного человека его заставили не опыт и даже не теперешний разговор, а случайно оброненная дедом Афоней фраза о том, что в доме «учителки», бывает, «картофелины не сыщешь». Она тогда уже потрясла его, перевернув все прежние представления Яшонка о жизни таких больших, таких умных, таких особенных людей, как учительница Лилия Леонидовна. И потом он все время думал об этом.

Теперь, когда они остались вдвоем с Угольком, Яшонок посвятил друга в свои мысли. Потом заключил:

— Картошки нет... А она мне уже две тетрадки дала, перышко, ручку и одну книгу, «Оливер Твист» называется! Потом сказала: прочитаешь, когда научишься...

Уголек от стыда и досады словно бы застонал про себя:

— А мы ей даже яблок тогда не подбросили!..

Ошибку надо было исправлять. И они тут же занялись новыми планами.

Утром компания увидела на канаве рядом с Угольком и Яшонком тележку на металлических колесах с удобными бортами, рессорами, не тележка, а настоящая двуколка: впряженная — и скачи. На такой тележке можно за один рейс хорошей козе на всю зиму сена привезти.

Пока один за другим непочетовцы сходились на канаву, Уголек несколько раз втаскивал свою колесницу на отвал, после чего валился в кузовок и, подпрыгивая на ухабах и загребая мусор, опавшие листья, съезжал вниз.

На мешок с инструментом в тележке никто не обратил внимания, начали приставать к Угольку, чтобы дал прокатиться.

Тот долго прикидывал, как сделать, чтобы никто не остался в обиде.

Наконец, решили кататься по очереди, но не с отвала, а прямиком — по дороге: один садится в кузовок, двое берутся за оглобли, и бегом. По триста шагов.

Уголек на правах хозяина ехал первым, Яшонок — за ним. Потом Буза, Длинный.

Тележка гремела, подпрыгивая на каждой выбоине, и пыль тучей клубилась из-под ног.

Все проехали по два раза. Устали и от изнеможения уселись прямо на землю, когда Вязовка была уже далеко за спиной, а по сторонам дороги раскинулось давно убранное совхозниками картофельное поле.

— Во, куда мы забрались! — удивился Жвыкаленок.

— Забрались, куда надо, — отозвался Уголек. — Боишься?

— Чего это? — обиделся Жвыкаленок.

— Тогда давай работать, — подытожил Уголек, вытряхивая из мешка на землю кусок граблей, вил, два мастерка, обломанную тяпку, ту же лопату, кирку и еще множество разных железяк, которыми можно было хоть как-то ковырять землю и которых должно было хватить на всех двадцать пять человек, вплоть до самого малолетнего возраста.

— А чего работать?.. — насторожился Длинный. — Здесь богачей и до революции не было... Золота тут не выкопаешь.

— А мы не золото — картошку будем копать.

— Зачем? — осведомился Буза, уже деловито прикидывая мастерок для себя. — Дома картошки, что ли, нет?

— Есть, — согласился Уголек. — Но вот эти два мешка нам надо набрать. — И разозлился: — Потом скажу зачем!

— Ты что, не видишь? — хихикнул Жвыкаленок. — Ее тут сто лет как выкопали!

Яшонок не выдержал, вмешался:

— Какой выкопали? Какой там выкопали? Тут ее кучи целые!

Схватив лопату, он ковырнул один бугорок земли, другой и выворотил хороший, в два кулака, клубень.

— Видел?

Все сразу оживились: дело выглядело не безнадежным.

— Для тебя, что ли, Яшонок? — уточнил Буза.

— Зачем для меня... Где мне ее хранить... — буркнул Яшонок. Если бы он имел дом, погреб, он бы давно уже все поле перекопал.

— Вот это наберем — и все! — повторил Уголек, встряхивая мешками. — А пока вот сюда складывать! — Он показал на землю рядом с тележкой. И ногой подкатил к ней картофелину Яшонка. — Пусть сохнет. Потом скажу зачем!

Работа оказалась интересной. Можно было даже посоревноваться. И непочетовцы, подхватив инструмент, рассыпались по всему полю.

— Тут даже целые кусты остались! — обрадованно пискнул Жвыкаленок, разыскав незамеченное совхозниками гнездо.

И по картофелине, по две, по три начал расти бурток возле тележки.

Но кто копал картофель, знает: два мешка все же прличная тара, наполнить ее на убранном поле нелегко. Даже работая в пятьдесят рук. Даже работая на совесть...

К обеду едва-едва набралось на один мешок, если хорошо набить его, под завязку. И энтузиазм поубавился. К тому же давала знать о себе усталость.

Замысел мог оказаться недовыполненным: А это все равно что не выполнить его вовсе. Любое дело надо доводить до конца.

Но Уголек не зря числился верховодом. Заметив, что интерес к соревнованию убывает, распорядился:

— Жвыкаленок! И ты, Митяка! Берите тележку, гоните домой, везите воды и соли! Сколько сможете, особенно воды! А ты, Василь, ищи топку для костра. Кизяки, ботва — все годится. Ванюшка, помогай ему! Пеките картошку! С одной рукой из тебя все равно не работник! Как картошка будет готова, привезут воды — всем перерыв!.. — Немного

спустя добавил:— Только очень-то картошкой не объедаться, два мешка все равно надо.

Жвыкаленок, Митяка и братья Афонины кинулись выполнять свои новые обязанности, а у всех остальных сразу опять прибыло сил. И казалось, не так уж хочется пить, и, казалось, не так уж невмоготу палило солнце...

Если бы кто-нибудь учитывал результаты соревнования, победителем все же оказался бы Яшонок. В этих делах он был специалистом и видел сквозь землю, где найти клубень.

Дымок над полем и запах печеной картошки окончательно взбодрили всех, и на обед уселись вокруг костра возбужденные, захрустели горелой кожурой на черных от золы и пепла зубах.

Воды Митяка и Жвыкаленок привезли целых три ведра, так что питье не ограничивалось.

— Два мешка наберем? — поинтересовался Уголек.

Буза ответил:

— Для дела можно три.

Это он слегка преувеличил, конечно. За один день собрать три мешка было бы невозможно.

Привлеченные дымом костра и необычным занятием своих союзников, подходили совхозные ребята во главе с Коськой.

— Что это вы роете?..

— А так, для интересу,—ответил за непочетовцев Уголек.

— Сговаривались вместе рыть...

— Так мы не золото, не бриллианты, а картошку роем. Золото попадется — поделим.

Ребята потоптались и хотели подбросить в догорающий костер немного картошек для себя.

Уголек аж взвился:

— Так не выйдет! Картошку не брать!

— Жалко, что ли?! — изумился Коська.

— Жалко,— отрезал Уголек.— Насобирайте себе — и пеките.

— А мы потом поможем вам,— миролюбиво предложил кто-то из совхозных.

И Буза согласился:

— Пусть.

Но Уголек настоял на своем:

— Нет... Сегодня нам нельзя помогать. Сегодня мы два мешка должны набрать сами.

Ребята еще немного потолклись, поворчали и, разочарованные, обиженные, ушли.

К заходу солнца картофельный бурт возле дороги уже производил впечатление.

Наконец-то посвященные в замысел Уголька и Яшонка непочетовцы работали до поздних сумерек.

Урожай складывали в мешки по картофелине, чтобы надрезанные, тронутые гнилью долой.

И подкатили к Вязовке незаметно. Спрятали тележку с мешками в лозняке, не имея представления, как надежней подбросить их Лилии Леонидовне. Если бы дело касалось любого другого жителя, все было бы гораздо проще. А тут поставь у крыльца или под окнами, учительница постесняется взять или подумает, не ее, чья-нибудь... Грамотные люди, они такие — стеснительные.

Выставили на всех углах близ дома охранение и стали ждать, чтобы учительница вышла куда-нибудь.

Когда основная часть дела бывает сделана, кажется, не может оно, просто не имеет права из-за какой-то мелочи провалиться.

И мальчишкам повезло. С первой темнотой Лилия Леонидовна замкнула свою избушку и, сунув ключ за дверной косяк, быстренько засеменила куда-то в сторону железнодорожной станции.

Теперь непочетовцам достаточно было нескольких минут.

Стараясь не греметь на ухабах, подкатили тележку к самой ограде. Уголек открыл дверь. Несколько десятков рук подхватили мешки и затащили их в сенцы.

Дверь опять на замок, ключ на свое место, за косяк.

— Всем по домам! И никому ни слова! — распорядился Уголек, хотя и без того каждому ясно было, что тайну эту надо хранить свято.

На другой день в школе все, как всегда, сидели на своих местах. А учительница Лилия Леонидовна вошла, поздоровалась и долго-долго смотрела на класс.

Сначала смотрела через очки, потом сняла их, положила на стол перед собой и смотрела без очков.

А глаза ее были строгими-строгими.

И все думали: она скажет что-нибудь строгое.

Но близорукие, словно бы невидящие глаза ее вдруг стали мокрыми. Она осторожно, даже неуверенно как-то улыбнулась.

— Спасибо, ребята...

Тихо-тихо сказала.

Вряд ли когда-нибудь все счастливые кладоискатели на земле, вместе взятые, были так счастливы, как непочетовцы в этот вечер, немножко растерянные, немножко смущенные в душе ни с того ни с сего...

Микишка

Слава однажды почти мазнула их своим крылом. Но если бы точно знать, где она, слава, а где — совсем наоборот что-нибудь...

В комнатке милиции, что на станции, состоялась в тот день примерно такая сцена, свидетелем которой в самом ее начале был камышовский Кочерга.

Милиционер сидел за столом, то подпрыгивая от нетерпения, то поворачиваясь на табурете из стороны в сторону, и временами даже хватался за голову.

А перед ним на лавке, стиснув между колен веснушчатого, рыжего, лет четырех пацаненка, сидела баба и,

заливаясь горючими слезами, не закрывала рта, чтобы дать милиционеру хоть какую-то возможность высказаться.

— Да живой ваш Микиш카 или не живой? — прокричал наконец во весь голос милиционер и, схватив бумажный мундштук, стал набивать его похожим на болотный мох табаком.

— Да вот же он, Микишка мой! Господи помилуй! — Баба погладила своего Микишку по голове, в то время как он спокойненько ковырял в носу. — Живой, конечно! Как это — не живой! Да разве ж я бы пришла тогда! Вот он, Микишка мой!

— Ну так вам не плакать, а радоваться надо! — опять прокричал милиционер, сообразив, что только таким образом он может донести свои слова до сознания посетительницы.

— Да ведь на моих глазах это все было! Кабы за глазами — может, оно все не так! А тут прямочки передо мной все! И как возомню, что лежал бы сейчас мой Микишка в Битюге... На дне на самом...

— Ну, а при чем здесь эти мальчишки?

— Так я уже опять говорила вам: к свекрови собрались мы, в Кувшиновку. Свекор мой там живет! Ну, Микишка, значит, ведерко несет, а я узелок — кой-что! Идем себе, тепло ныне! А на мостках-то аккурат ребятишки эти! Удочки вниз бросают! Рыба чут, значит, с мостков этих! Микишка мой и поотстань от меня! Загляделся на них, понятно! Дело ребячье — не заглядеться! А тут повозки встречаются! Громыхают, ажник доски ходуном ходят! На мостках-то! И слышу это, вродь как ведерко звякнуло! Вертанулась я — а Микишка мой уж в речку летит! Ножонками так это по пустому-то перечесывает! — Баба разрыдалась громче прежнего. — Как чурак это, значит, да! В голос я: «Люди добрые! Ай, спасите! Да что же это!» А людей на мосту — одни ребятишки эти и есть! Что на повозках-то, стебанули кнутами — и дуй

не стой! А Мишишка, гляжу, как бухнулся в этот проклятый Битюг — так и нету его! Плеснул — и нет! Даже пузыря не пустил! Чай, оглощенный! Ору это я, что резаная! Криком кричу! А ребятишки, гляжу, как стояли там, один за другим в одеже прямо бултых за Мишишкой туда же! И никого, гляжу! После выныривают, Мишишку волокут, головенка мотается!

— Мальчишеч-то запомнила? — громче прежнего про-кричал милиционер.

— Да иде же их, одинаковые все! Один там вроде остро-глазый такой! С зырочими глазами! Ну, как Мишишка-то оклемался мой — они в кусты, отжимаются, значит! А у меня узелок, грю! — Баба показала. — Я и забыла тады. Ведь дело-то какое с Мишишкой, а?..

— Ну что, украли они, значит, узелок-то твой? — опять перебил милиционер.

В этом месте разговора быстроногий Кочерга метнулся от станции через всю Вязовку, без передышки, на Битюг. И уже не слышал, как баба длинно и опять многословно растолковывала милиционеру, что в узелке у нее блинцы и меду баночка, что ей ребятишеч этих просто нельзя не угостить, ведь это же героические ребятишки, а ей бы не жизнь на земле, утони сегодня Мишишка ее. Словом, она должна была разыскать своих спасителей.

Выяснив наконец эту простую истину, милиционер обес-силел от радости и облегчения.

А Кочерга тем временем разыскал на берегу реки винов-ников этой сцены.

Просушив на себе одежду, Уголек, Яшонок, Буза и Длинный, а это были они, валялись на бережку, гадая от безделья: наплынет одинокое облачко на солнце, или про-скочит мимо, или только заденет его?

Кочерга, таинственный, испуганный, плюхнулся на траву рядом с ними и, обеспокоив друзей уже одним своим видом, с ходу приступил к делу:

— Вы сегодня на мостках рыбачили?
— Ну... — выжидающе ответил Уголек.
— Мальчишка там какой падал?
— Сколоврнулся — ничего ему не сделалось. А что? Не мы ж его — сам...

— Да его-то не вы! — подтвердил возбужденный Кочерга, не зная, как ему заговорить о главном. — Тетка там с ним была — мать его!

— Ну... — повторил Уголек.

Все четверо, забыв про облако, смотрели на Кочергу.

— Ну и ну! — сказал тот. — Узелочек у нее был?

— А мы откуда знаем?..

— Вы н-не брали? — заикнулся Кочерга.

— А зачем нам?

Кочерга подозрительно оглядел их. Поверил. И немножко не поверил.

— Тетка эта в милиции сейчас! Поняли? Ревет, как десять коров! Говорит: узелок у нее какой-то был и... ну, будто вы украли его...

— В милиции?.. — ошеломленно переспросил Буза.

— Ну да...

— Вот те раз...

— Другой раз старайся для людей... — уныло проговорил Длинный. — Лучше никогда не вмешиваться.

— Вы сейчас не показывайтесь! — предупредил Кочерга.

Друзья подобрали удочки и на всякий случай сменили позицию, устроились под прикрытием ивняка.

Заставили Кочергу еще раз, теперь уже подробно рассказать, что он слышал: как тетка ревет, что ей милиционер отвечает, какие приметы их она приводила. И вплоть до вечера не отважились появляться в Вязовке.

А вечером повстречали на улице Жывыкаленка.

— Тут вас одна с милиционером искала!

— Чего ей?.. — угрюмо спросил Буза.

— А вроде угостить чем хотела!

— Вроде?.. — уточнил Длинный.

— Да нет, точно! — поправился Жвыкаленок. — Только ее не понять никак!

— А больше она ничего?

— Не знаю... — запнулся Жвыкаленок, глядя на их мрачные лица. — Может, еще что-нибудь... А может, ничего.

Друзья так и остались в неведении по поводу всей этой истории, но два дня потом на всякий случай не появлялись на станции: мало ли что...

Комиссия

В школе с понедельника ввели обеды на большой перемене, после второго урока. И в тот же день проверять школу приехала комиссия.

Обед из пшеничного супа и киселя готовила бабка Елизавета, жившая по соседству со школой.

А комиссия оказалась из двух человек, в одном из которых непочетовцы сразу узнали своего давнишнего знакомого — директора совхоза «Большевик», хотя был он на этот раз в костюме и с галстуком, а второй был из города: длиннорукий и длинноногий, с обритой наголо головой, в кожаной тужурке и в широких галифе с тоненьким рантом.

Комиссия еще никогда не бывала в школе, и все немножко испугались за Лилию Леонидовну, когда она вошла на второй урок в сопровождении мужчин.

Сама она тоже, наверное, волновалась, потому что смотрела сквозь очки строже, чем когда-нибудь. Сказала:

— Ребята, к нам пришли товарищи посмотреть, как вы учитесь, посмотреть на вас самих, выслушать, если появятся у вас, какие-нибудь предложения, жалобы...

И она представила сначала директора совхоза: назвала фамилию, имя, отчество. Оказалось, что он партийный и занимает еще какую-то большую должность в городе.

А когда директор совхоза прошел и сел на свободное место, рядом с Афонями, Лилия Леонидовна сказала про второго.

Он оказался еще главнее. И, пододвинув Лилии Леонидовне табурет, чтобы села, сам стал на ее место перед классом.

Обритая голова, черные усы и лохматые черные брови его, из-под которых смотрели на класс быстрые прищуренные глаза, почему-то насторожили непочетовцев, они переглянулись.

— Пролетарская власть, мальчики-девочки, дала вам право на образование. И никакая контрольного права не отнимет у вас! — Он рубанул длинной рукой по воздуху. — Может, кто-нибудь мешает вам учиться? Или, может, учительница плохо вас учит?

Класс угрожающе загудел.

— Не понял! — сказал бритоголовый. — Плохо?.. Или хорошо, значит?.. Проверим! Вот ты, — он показал на камышовского Кочергу, и тот испуганно вскочил на ноги. — Кто такой был Ленин?

— Вождь бедноты! —зывающе ответил Кочерга.

— Что ж, в принципе верно...

— Революционер! — добавил Кочерга. — Большевик!

И он бы еще говорил, но бритоголовый остановил его:

— Хорошо, почти молодец! А ты! — Он показал на Бузу. — Как тебя зовут?

Буза ко всем новеньким относился с недоверием и потому угрюмо смолчал.

— Бузой зовут! — ответил за него Жвыкаленок.

— Бузой? — переспросил бритоголовый. — Редкое имя... Но ладно... — Взгляд его упал на кусочек мела, что был, как всегда, на полочке, возле доски. Взяв его, он нарисовал вопросительный знак. — Что этот знак означает?

Лилия Леонидовна хотела вмешаться, наверное, хотела сказать, что первогодники этого еще не проходили. Но

усатый и бритоголовый движением руки остановили ее, а Бузя решительно заявил:

— Ничего он не означает!

— Так... — Бритоголовый внимательно посмотрел на Бузю, потом на доску, лохматые брови его неожиданно приподнялись.

— А ведь ты прав! — обрадовался. — Сам по себе этот знак действительно ни-чего не обозначает. А если его поставить в конце предложения?

— Будет вопрос! — выкрикнул кто-то из знатоков.

— Верно! Знак этот сам по себе — это как винтовка, которая валяется на земле, она ничего не значит: железяка с деревякой — и все! А почисть ее, заряди, возьми в крепкие руки,— он показал как,— и это сразу оружие! Не железяка с деревякой!

Класс оживился.

На другие вопросы его отвечали теперь все хором — кто во что горазд. И Лилия Леонидовна тихонько улыбалась при этом. Она, оказывается, ничуть не боялась комиссии.

На перемену все выскочили из-за столов, довольные и уроком, и комиссией, и сами собой. Кое-кто задержался еще посмотреть на важных гостей: может, интересное что-нибудь расскажут. Несколько человек сразу кинулись к бабке Елизавете — нести кастрюли со сливухой и пшеничным киселем, миски, кружки. А Яшонок тихонько ушел за школу. Там, в кустах акаций, было местечко, где ребята прятались иногда, чтобы, свернув цигарки из сухих, опавших листьев, подымить, как взаправдашние взрослые курильщики.

Дымить Яшонок не собирался. Но на обеды все сдавали деньги за месяц вперед, а у Яшонка денег не было, и он спрятался, чтобы не мешать другим.

Стал наблюдать, как медленно, от самого комля ползет по стволу гусеница. Ведь не понимает ничего, а ползет и ползет, как будто у нее есть цель.

Не заметил, когда подошли и остановились над ним директор «Большевика» и бритоголовый в кожанке. Чуть поодаль, за их спинами, увидел Лилию Леонидовну и хотел вскочить и убежать. Но тут же спохватился: ведь он ничего как будто не натворил.

— Ты это почему спрятался? — удивленно подняв ложматые брови, спросил бритоголовый.

Яшонок поглядел на его ярко начищенные хромовые сапоги.

— Я не спрятался. Я сижу.

— А обедать почему не идешь?

Яшонку стало смешно.

— А я денег не сдавал! Чего мне идти?

— Вот здрасте! — сказал бритоголовый. — Мне только что объяснили, — он показал рукой на директора совхоза, — что целое государственное хозяйство у тебя в долгур, а ты про деньги. Зря варили, что ли? За тебя же уплачено!

— Разве тебе не сказали? — удивился директор «Большевика». И добавил: — За весь год! Ты свое заработал, так что не отставай от других!

А бритоголовый поймал его за плечо, когда Яшонок поднялся, чтобы мимо Лилии Леонидовны проскочить в школу.

— Ты, дружище, пойми. Я вот и в тюрьмах побывал и навоевался вдоволь: с немцами, с поляками, белыми, зелеными — так что немного разбираюсь кое в чем. Сливуха и кисель, которые в кастрюлях, — это все равно что вопросительный знак, который ни к чему не приставлен, или винтовка, которая валяется, — деревяка с железякой! Только когда кисель и сливуха будут в желудке — это называется обед! Все должно быть на своем месте, чтобы что-нибудь значить. Беги!

Яма

Спина, отбитая в неудачном прыжке с поезда, напомнила о себе уже несколько дней спустя.

К ночи, когда возвращались из школы, опять разгулялась непогода. Морось едва улавливалась обращенным к ветру лицом. Но тучи проносились у самой земли, и ветер свистел над головой по-настоящему осенний, промозглый.

Яшонок почувствовал, как стрельнуло в спину, уже на подходе к Непочетовке, когда предложил остановиться, немного подождать.

— А кого ждать? — уточнил Буза. И сам спохватился: — Где Уголек?

— За тетрадями побежал. Тетради оставил, — соврал ему Яшонок, потому что и Уголек точно так же соврал для всех.

Только Яшонок знал, куда в действительности побежал его друг, и думать об этом почему-то не хотелось. Уголек понес одной девчонке по соседству со школой цветную картинку из журнала «Огонек» с нарисованными на ней богатырями. Звали девчонку Настей. Так себе: конопатая, белобрысая... С тонкой, выгоревшей косой и светлыми, будто выгоревшими, глазами. Ну, та самая, что однажды, когда Яшонок увидел готовые обрушиться на него смоленые шпалы переезда, ни с того ни с сего вдруг промелькнула перед ним, хотя он и говорил-то с ней всего один раз.

«Как тебя зовут?..» — «А никак! Настей зовут! А тебя?» — «Яшонок...» Вот и все.

— Да что, Уголек сам не дойдет? — не выдержал Буза. — Или дорогу не знает?

Мысленно Яшонок был не согласен с ним: Уголек всегда держал свое слово, и если сказал, что быстро догонит, должен догнать. А они были уже почти возле его дома. Но, с другой стороны, что он, Уголек, маленький? Или действи-

тельно дорогу забыл?.. К тому же у Яшонка ныла спина.

— Подождем еще немного...

Морось усиливалась. И ветер ощутимо холодал к ночи.

«Надо лечь, и спина пройдет...» — подумал он, когда Буза, а вслед за ним Длинный опять выказали нетерпение.

— Ну ладно... С кем-нибудь задержался, наверно... — Яшонок в последний раз, чтобы очистить свою совесть, оглянулся на слякотную дорогу и двинулся к своему убежищу, в то время как остальные разошлись по домам.

На чердаке у него были запасены огарки свечей и плошка, в которую он собирал остатки парафина. Но огня зажигать на этот раз не стал.

Не чувствуя вкуса, прожевал несоленый огурец и сразу лег, чтобы спина успокоилась.

Но когда лег и когда поплыла над головой темнота, а по крыше, налетами, как сквозь решето, начала сыпать морось, откуда-то — вначале смутное, потом все острей — пришло беспокойство.

Как будто он что-то очень важное сделал в жизни не так. Не по справедливости, не по-товарищески...

И в бесполезной попытке уснуть понял наконец, что не из-за спины отказался ждать Уголька. Что эту боль в спине он придумал себе.

Одним движением сбросил на сторону дырявые мешки, пахнущую мышами рогожу, половинку тулуна — все то, чем согревался ночью, и торопливо, словно боясь теперь не успеть, опоздать куда-то, выбрался с чердака в морось, сначала на крышу, потом вниз.

В окнах Уголька, сквозь прочные ставни, теплился огонек. Но Яшонку теперь оказалось мало этого: он должен был твердо знать, что Уголек дома, иначе ему до утра покоя не будет.

Буза, по счастью, оказался во дворе. Натянув длинный, до пят, дождевик, укрывал кусками толи жиценьку копешку сена за сарайкой.

В ответ на просьбу Яшонка пойти проверить, дома ли Уголек, изумился:

— Ты чокнулся, Яшонок! Где ж ему быть еще?

Но по мере того, как Яшонок убеждал его, тоже невольно развелся.

— Ну погоди... Я сейчас!

Сбегал домой, оставил ненужный дождевик, поскольку морось была не такой страшной, и уже больше из принципа, что-то ворча себе под нос, двинулся рядом с Яшонком к Уголькову дому.

Яшонок по оклику от крыльца понял, что мать ждала сына, и, хотя ее разговора с Бузой не слышал, уже знал, что Уголек до сих пор не вернулся.

Теперь и Буза немножко перепугался. Прошло уже около полутора часов, как они вышли из школы. А для того чтобы взять забытые тетради, достаточно одной минуты...

Яшонок хотел сразу двинуться по дороге к школе. У Бузы хватило ума не пороть горячку. Сбегали за братьями Афонинами, за Жвыкаленком, за Длинным, раздобыли два фонаря.

Дорога к школе мимо конюшен и ольховника шла сначала вдоль железнодорожного полотна, потом через пустырь, близ овражка.

Подсвечивая себе фонарями, звали по очереди: «Уголек!..» Ванюшка Афонин, засунув два пальца под язык, время от времени разрывал моросную темь свистом: равных ему в этом деле не было во всей Вязовке.

При входе в ольховник на всякий случай открыли ножики. Правда то была или нет, но говорили, будто в районе появилась шайка: режут ночами за просто так детей, взрослых.

— Уголек!.. — негромко звал Яшонок, потому что звуки в ночи и без того разносился далеко. Но в ответ лишь от станции долетали то короткий лязг буферов, то простуженное гудение паровоза.

Около железнодорожной насыпи за двое последних суток для какой-то надобности нарыли полдесятка траншей. Так что сначала приходилось карабкаться на отвалы, а потом, наметив с помощью фонаря противоположный срез ямы, прыгать. Здесь ненадолго остановились. Опять окликнули:

— Уголек!..

И уже собирались двинуться дальше, как откуда-то со стороны, будто из могилы, едва уловимо донеслось:

— Ребята...

— Уголек! — радостно заорал Яшонок. — Где ты?

— Здесь... У столба...

— В канаве?

— Да...

Фонари высветили глинистый отвал около телеграфного столба, потом стенки и дно ямы.

Уголек сидел, прислонясь головой к стенке. Его шапка и выпавшие из сумки тетради, букварь валялись рядом.

— Живой, Уголек?

— Живой... Только голова кружится... Тошнит...

— Как же тебя вытаскивать?

— Не знаю... — почти безразлично отозвался Уголек.

— Лестницу бы!.. — размечтался Буза. И спохватился: — Вон там доски, возле трубы!

Приволокли и спустили концами вниз четыре доски.

— Скользкие! Не выбраться! — тут же заключил Длинный.

Но Уголек и не пытался воспользоваться этим ненадежным скатом. Продолжал сидеть.

— Давайте ремни, шарфы! — распорядился Буза.

Что бы там ни было, настроение у всех заметно поднялось оттого, что Уголек жив и можно помочь другу.

Связали вместе четыре шарфа, пять ремней, Буза сделал на конце петлю.

— Садись в петлю и подходи к доскам — будем тянуть!

Уголек равнодушно повторил в ответ:

— Голова кружится...

— Надо спускаться... — решил Буза. — Яшонок, ты самый легкий.

Яшонок стиснул зубы, чтобы не думать о своей спине, продел в петлю руки, голову.

— Ты чего, Уголек?

— Да бежал, сорвался... Хотел вас догнать...

Яшонок натянул ему шапку, подобрал и сложил в сумку тетради, помог встать, подойти к доскам.

Придерживал сзади, пока сверху не ухватили его за воротник Буза и Васька Афонин.

Слышал, как усаживают Уголька на доску.

— Эй! Меня-то будете вытаскивать?

— А чего тебе, Яшонок, плохо там? — острил Буза, спуская к нему ремни.

По дороге домой Уголька пришлось поддерживать.

Яшонок все еще не избавился от чувства вины перед другом и, воспользовавшись моментом, спросил:

— Отнес картинку?..

— Отнес... — кивнул Уголек.

И Яшонок чему-то неслышно засмеялся про себя.

— С неба упал — ничего, а тут... — вяло пошутил Уголек.

У его дома Яшонок отделился ото всех, чтобы не показываться на глаза родителям.

И только после того, как опять забрался на чердак, опять лег, понял, что спина у него все-таки здорово болит.

Но на душе у него было хорошо, спокойно. Как будто не Уголек, а он просидел два часа в глубокой яме, теперь наконец выкарабкался.

А под утро утихла боль.

Брошь

Все-таки Яшонок был неудачником. И все оборачивалось для него неприятностями даже тогда, когда, казалось, везло в жизни.

Уголек наконец познакомил его со своими родителями. Утром он, вопреки всем законам, не вышел на канаву, а немного спустя вертучий Жвыкаленок сообщил Яшонку, что родители Уголька просили его зайти.

Как потом выяснилось, Уголек не только ушибся в яме, но и основательно простудился за два часа. Его опять начало лихорадить.

Нужно было, чтобы кто-нибудь все время находился рядом. А Уголек не захотел видеть никого, кроме Яшонка.

Яшонок сильно волновался, переступая этот порог.

Зная по опыту, как относятся к его безродному племени в благополучных, «правильных» семьях, он все время старался держаться подальше от родителей Уголька, хотя и очень хотел увидеть, как живет друг.

Отца, по счастью, уже не было дома. А во взгляде матери мелькнуло настороженное любопытство, что не ускользнуло от Яшонка. Но больше она ничем не проявила своего беспокойства, а голос у нее был ласковый.

— Снимай фуфайку! Проходь! Это ты вчера сынка нашего выручил? Спасибо тебе! Проходь!

Была она в меру полной, с красивыми тонкими бровями, в домашнем переднике и белой косынке на гладко прибранных волосах.

Яшонок тщательно пошаркал подошвами еще на улице, но здесь, в доме, опять несколько раз вытер их о дерюжку у входа.

Горница была светлой, с двумя окнами за белыми вышитыми занавесками.

У правой стены возвышался просторный, в волнистых

загогулинах шкаф под стеклом, сквозь которое поблескивали тарелки, стаканы, голубые чашки с желтым ободком. Несколько резных рамок с фотографиями над столом, большая картина с охотниками на конях, рябиновая ветка в узком стеклянном цветочнике на трехногом столике в углу. А за кроватью обитый по углам крест-накрест железными полосами большой зеленый сундук под висячим замком.

Сундуки были обязательной принадлежностью каждого более или менее зажиточного дома в Вязовке, поэтому Яшонок почти не обратил на него внимания. Хотя вскоре именно из-за этого сундука у него появятся новые неприятности.

Уголек полулежал на подушках. И в окружении белых наволочек, белых простыней глаза его казались потемневшими.

— Здорово!

— Здорово... — сказал Яшонок.

Мать пододвинула ему ближе к постели желтый, с гнутыми ножками стул.

— Сейчас я вас покормлю! Уж ты повлияй на нашего! — обратилась она к Яшонку. — Не ест ничего, не пьет!

Уголька лихорадило, но он держался бодро, и глаза его сверкали весело. Начал расспрашивать о событиях, словно прошел год, как он не видел компанию.

А его мать принесла тем временем к кровати табурет, поставила вареники в большой миске и целых два блюдца сметаны. А потом еще пирожки с осердием, чай...

Уголек не хотел есть, но, чтобы подать пример другу, пихал в себя через силу все, что мог, и мать весело улыбалась Яшонку.

На следующий день его уже встретили с радостью. И трое суток, уходя только в школу да на ночь, Яшонок провел в тепле, сытости, рядом с другом. На четвертые Уголек выздоровел.

Но и в тот день он, собственным правилам вопреки, не примчался сломя голову на канаву, а сначала побывал возле

школы, где жила эта выгоревшая на солнце Настя, потом зачем-то опять сбегал домой...

Потом, уже перед самым началом уроков, отозвал Яшонка в сторону и загадочно спросил:

— Показать, что у меня есть?

— Покажи,— ответил Яшонок, потому что другого ответа не требовалось.

Уголек полез в карман, вытащил скомканную тряпичку, развернул на ладони, и перед Яшонком засверкал в солнечных лучах маленький парусный кораблик — брошка.

— Золото!— с гордостью сообщил Уголек.

Яшонку еще не доводилось видеть этого сказочного металла. Он только слышал множество историй о нем, вроде того, что одной старушке в Москве, когда она решила продать кольцо, не хватило целого магазина, чтобы оплатить его. И теперь машинально прикинулся, сколько буханок хлеба, колбасы можно было выменять за этот кораблик. А еще, наверно, хватило бы даже на ботинки с резиновой подошвой, которые век носятся.

— Откуда у тебя?..

— А это секрет!— ответил Уголек.— Потом скажу.

Яшонок сразу почему-то обеспокоился.

— Куда ты его?..

— А обещал!— И Уголек посмотрел на Яшонка, зная, что тот догадывается, куда, а вернее, кому предназначена золотая брошка.

Ну и бог с ним: в конце концов, это личное дело Уголька. И Яшонок, сразу позабыв о меновой ценности брошки, скоро позабыл бы о ней самой.

Но через день его остановил на улице отец Уголька:

— Зайди к нам...

Приглашение по тону заметно отличалось от тех, к каким Яшонок уже успел привыкнуть.

— Разговор есть...— добавил отец, и Яшонок забеспокоился.

Мать Уголька ответила на его приветствие тоже непривычно холодно, и, когда отец сел, они оба минуту-другую разглядывали Яшонка, словно бы изучая заново.

— Иди поближе, садись... — Отец показал ему на табурет против себя.

Яшонок переступил с ноги на ногу и остался стоять.

— Тебе ничего не попадалось случайно... ну, игрушка какая-нибудь?..

— Н-не... — запнулся Яшонок.

— Желтенькая такая, блестящая,— уточнил отец. И показал:— Маленькая, похожая на кораблик.

Давно сообразив, что к чему, Яшонок отрицательно мотнул головой.

— Ну, может, она случайно как-нибудь попала к тебе!— вмешалась мать, стараясь говорить приветливо, но в голосе ее ощутимо проскальзывали резкие нотки.

Отец поглядел на нее, чтоб замолчала.

— А когда ты бывал у нас, вы сундук вот этот не открывали с сыном?..— Отец показал на сундук.

— Нет!— категорически ответил Яшонок. Тут ему врать не приходилось.— Мы даже не трогали его!

Отец вздохнул.

— Хорошо. А у сына ты ничего не видел такого?

Яшонок с ужасом подумал, что этой брошки теперь уже след простыл, и всеми силами старался даже внешне ничем не выдать друга.

— Ну?— нетерпеливо напомнил отец.— Может, он показывал тебе или давал на что-нибудь?

— Нет!— затряс головой Яшонок.— Ничего он не давал! Ничего я не видел.— И, уже соврав наполовину, добавил для большей убедительности:— Я никого сегодня еще не видел!

— А вчера?

— Нет!— заявил Яшонок. Хотя к чему относилось это «нет», понять было невозможно.

— Ну ладно...— сказал отец.— Иди...

Мать, когда он уходил, не проронила ни слова.

Поверили ему или не поверили, Яшонок знать не мог. Но понял, что вход ему сюда опять надолго, а может быть, навсегда закрылся.

Часа через два его разыскал Уголек.

— Мои зазывали тебя?

— Зазывали...

— Чего?

— Сам знаешь...

— Про брошку?

Яшонок кивнул.

— И что они?

— Что видел у тебя или нет.

— А ты?

— Сказал, что и тебя не видел.

— Ну, это они не поверят! А в школе?

— Я про сегодня сказал. Про школу они не спрашивали.

— Тогда правильно! — обрадовался Уголек. — Меня сейчас тоже пытали! Я тоже сказал, что не видел тебя сегодня!

Яшонок помедлил.

— Ты бы положил эту брошку, а? Назад!

— А где я ее... — Уголек помрачнел. — Нету брошки! — И тут же повеселел опять: — Да у матери там еще три такие разные штуки есть! Все равно она их не надевает! Зачем? Что она, девчонка? Играться... Ей трех хватит. Айда в лозняк, там вся компания!

И они побежали к лозняку, где их поджидали Жвыкаленок, Буза, Длинный.

Только после школы уже, когда шли домой, Яшонок сказал:

— Уголек, а ведь твои на меня думают... Ну, что я эту брошку...

Уголек опешил.

Выстрел

В совхозный клуб приехали артисты из города: художественная самодеятельность.

Народу в помещение набилось много, и все же непочетовцы протиснулись в глубину зала, откуда можно было все слышать, а если привстать на цыпочках, то даже и видеть.

Под клуб была переоборудована с год назад закрытая

всеобщим голосованием церковь. Старики, правда, голосовали против закрытия. Потом, когда снимали колокола, некоторые даже схватились за колья, но теперь и они малопомалу стали тянуться в клуб, особенно когда кино или концерт. На лекции по международному положению и против религии не ходили.

Артисты все были с одного завода, приехало их много, и концерт получился бы хоть куда, если бы его неожиданно не прервали.

Сначала выступал парень и сказал стихами, что деревня — это сестра города, а город ее брат, сестра кормит своего брата, а брат кует для сестры плуги, бороны, делает молотилки...

Потом две девушки пели «Страдания». Им дружно и одобрительно хлопали, заставили спеть еще раз.

После них два парня и две девушки (в бесстыдных юбках — чуть не выше колен) показали, как танцуют в ресторанах сынки и дочери нэпманов.

Не успел утихнуть хохот, другие парни и девушки показали, как поп исповедует глухую бабку.

Бабка плачет от умиления, целует ему рясу, сделанную из мешка, и большущий деревянный крест, а поп говорит, что ей на том свете уготовано место в раю, и рубль за рублем вытягивает у бабки деньги.

Потом играл гармонист. Потом сразу двое на балалайках.

В клубе было душно, потому что весь день парило, как бывает перед дождем. Мужики вдобавок курили едкий самосад, и скоро стало нечем дышать.

Женщины, утирая платками мокрые лица, начали ругать мужиков.

Тогда артисты объявили перерыв. Велели всем выйти, проветрить церковь, накуриться как следует на улице, чтобы потом не дымить, когда начнется вторая часть концерта — пьеса.

Но пьесу посмотреть не удалось.

Было уже начало девятого. Стемнело. А так как над входом в клуб повесили фонарь «молнию», дальше, за освещенным пятаком,казалось, вовсе темно — хоть глаз выколи.

Перед началом пьесы народу набилось еще больше. Уголек с Яшонком пробились к двери в числе последних.

Все случилось быстро и неожиданно, так что в первую минуту, кроме женских криков, ничего разобрать нельзя было.

Над лестницей, что вела в бывшую церковь, выступал крытый железом навес. И Яшонок с Угольком были как раз возле одного из двух столбов, что поддерживали навес, когда из темноты, с той стороны, где был погост, из-за плетня, разорвав темноту, грохнул выстрел.

Женщины закричали все разом, поэтому в первую секунду Яшонок не разобрал, что пронзительнее всех голосит совхозница, шедшая чуть впереди от них, слева. Она прижала к плечу белую косынку, и на белом сразу выступила кровь.

А Уголек тоже не сразу увидел женщину и дергал Яшонка к себе. Пуля отбила рядом с ним целый кусок от деревянной подпорки навеса, и щепкой ударило Уголька по руке. На тыльной стороне ладони у него тоже выступила кровь.

Про концерт все сразу забыли. Но в этой панике первыми не растерялись заводские артисты, которые выходили покурить из другой двери, ближе к сцене.

— Держите его, гада! — крикнул кто-то из них.

И вместе с другими парнями они кинулись в темноту — вправо и влево, окружая бывшее прицерковное кладбище, густо поросшее березой, ивами, кленом. Некоторые прыгали напрямую, через забор.

Женщины, удерживая своих мужей, стали тащить их по домам.

Из-за клуба, уже с порядочного расстояния, грохнул еще один выстрел.

- Справа заходи! — кричали в темноте.
- Не убежит, собака!
- Туда, туда пошел еще один!
- Да ты что, на своего, балда!

Уголек быстро зализал царапину и заклеил ее подорожником.

Люди ушли с освещенного пятачка, но столпились в темноте и ждали: кто молча, кто переговариваясь вполголоса. От этого казалось, что толпа тихонько гудит.

- Схватили! — весело сообщил кто-то из темноты.

Раненую женщину увели к фельдшеру — он жил неподалеку.

Откуда-то появился милиционер. Потом еще один, знакомый, со станции.

Дверь на улицу закрыли изнутри. А через другую, что вела на сцену, кого-то протащили в темноте. Туда же скрылись оба милиционера.

Уголек нетерпеливо дергал Яшонка за рукав, увлекая в противоположную сторону, когда Яшонок хотел побежать и посмотреть, кого схватили.

Наконец он протиснулся в толпу и здесь услышал, что пойман Бадлаш, что это он стрелял из обреза.

Мелькнула сразу какая-то мысль, и Яшонок огляделся в поисках Уголька, но того нигде не было.

Из клуба выбежали человек пятнадцать парней вместе с милиционером. Оклинув еще кого-то, бегом исчезли в темноте в направлении, где были совхозные конюшни.

Знакомый Яшонку директор совхоза исчез в конторе, там сразу же загорелась лампа, и в свете ее видно было, как он что-то беззвучно доказывает в телефонную трубку.

Посыпался цокот лошадиных копыт в стороне конюшни. Потом еще и еще — в разные стороны: парни с милиционером куда-то поскакали на неоседланных лошадях.

Фонарь покачивался над входом и светил теперь уже тускло, отчего как будто виднее стало в темноте.

Яшонок вспомнил, о чем ему подумалось недавно, подошел к столбу. Прикинул: он стоял чуть сзади — между Угольком и женщиной, которую ранило,— когда пуля ударила в столб. Из-за этого она изменила направление...

Пошел опять на розыски Уголька. Но в это время из клуба вывели и, отгоняя любопытных, поволокли в сторону конторы Бадлаша.

Народ стал потихоньку расходиться. Яшонок подумал, что ему лучше бы ждать Уголька на дороге к дому, когда чуть не столкнулся с ним носом к носу.

— Куда ты пропал?

— Да тут... — неопределенно ответил Уголек.

— А ты знаешь... — Яшонок задержал его, приостанавливаясь. — Я сейчас смотрел... Пуля ведь рикошетом в женщину попала... Он ведь, наверно, в тебя целился...

— Наверно... — ответил Уголек, делая шаг по направлению к дому. И, меняя тему разговора, неожиданно сообщил: — А ведь сейчас ты знаешь куда поскакали? Ты пока не говори никому. Жиряка брат! И Столба!

Вот это была действительно новость!

И, уже расположившись на чердаке, Яшонок долго не мог уснуть. Арестовали его врагов: Бадлаша, Жиряка... Ни с того ни с сего подумал: «Лесников бы тоже надо...»

И вспомнил, как он жил у лесников, как чуть не умер у них однажды. Может, умер даже, потом ожил.

Промаявшись весь день до позднего вечера, он ночью едва успевал лечь, как его будили. Кто-нибудь из хозяев стаскивал за шиворот с лежанки в закутке сарая и, встряхивая, совал в руки плетеный, длинный, похожий на извивающуюся гадюку кнут.

Еще нет проблеска зари в небе, и коровы тоже не отдохнули как следует, а хозяин уже отворяет ворота и выталкивает их вместе с Яшонком со двора, чтобы самому побыстрей захлопнуть ворота, закрыть подворотню и пойти досыпать.

Яшонку нужно гнать коров около трех километров по границе песка и ольшаника, потом через гать, чтобы выйти на раздольные лесные поляны...

В стаде коров, телок, бычков в два с лишним раза больше, чем Яшонку лет. И они не хотят слушаться своего пастуха, жмутся к воротам, направленные на дорогу — круто заворачивают и бегут опять на лужайку, что перед палисадником, у дома, ложатся...

Однажды Яшонок больше часа гонялся за ними по лужайке, стегал кнутом. Но они то заворачивали за дом, то всей кучей опять приваливались к воротам, словно бы намереваясь выломать их.

Иногда Яшонку удавалось хоть часть стада погнать в нужном направлении, тогда он бежал за остальными, сгонял их вместе и кое-как выпроваживал от хозяйствских строений... Но тем временем другие, оставленные им без присмотра, заворачивали назад и бежали ко дворам. Стадо смешивалось и, обтекая Яшонка, опять возвращалось на лужайку.

Больше всего ему доставалось от Красухи, самой рослой, породистой коровы. Она возглавляла непокорных. И Яшонок все опять начинал сначала. Потом опять...

Рубашка липла к спине, и глаза разъедало потом.

Он ничего не соображал, когда погнал перед собой вместе со стадом одну молодую телку. Понимал только, что ему очень не хватает воздуха. Хотел глотнуть его... и упал.

Сколько времени прошло — он не знал. И первое, что

ощутил, когда очнулся,— это страшная боль в голове. Еще — сквозь закрытые веки почувствовал рассвет. Потом ощутил какое-то теплое прикосновение к лицу. Открыл глаза.

Коровы, как одна, стояли вокруг него. Красуха своим шершавым языком лизала ему лицо. А другая, Белянка,— ноги...

Опираясь руками, он кое-как встал. Подобрал кнут и медленно побрел по дороге в сторону гати. И даже не оглядывался, а коровы шли следом...

Он не знал, почему и что произошло.

В тот день он даже не следил за коровами: как вышел на поляну — сел в траву и заплакал...

Надо же: коровы что-то поняли, а хозяева не понимали. И он тоже ничего не понял: что с ним было тогда... Может, и правда умирал?

Повороты судьбы

Днем в школе распространился слух, что разные жиряки, бадлаши и подобные им дармоеды занимались нечестными делами.

Учительница Лилия Леонидовна подтвердила это. А Яшонку велела зайти к ней после занятий.

И, проводив Уголька, чтобы Лилия Леонидовна имела возможность добраться до своей избы, переодеться, потому что дома она всегда ходила в другой одежде, Яшонок зашагал к ней, гадая, какое приятное или неприятное известие сообщит ей Лилия Леонидовна. Если верить, что беда к беде приходит, известие могло быть и плохим: бед Яшонку не занимать. Но его ждала учительница, а он даже представить себе не мог, чтобы она сказала или сделала кому-нибудь плохое.

Осень окончательно вступила в свои права. И сегодня уже трудно было поверить, что недавно гоняли по Непоче-

товке в одних майках, рыбачили, грелись на солнышке. Ветер, то чуточку ослабевая, то опять усиливаясь, не утихал даже ночами, под ногами тяжело, со всхлипами чавкала грязь.

Огонек керосиновой семишинейки за белыми навесками учительницы показался вдвойне приветливым, желанным.

Лилия Леонидовна сразу выглянула на его стук.

— Задержался? Я думала, ты сразу пойдешь, из школы! Яшонок не ответил, проходя вслед за ней в комнату.

Надраенная до блеска лампа сияла под чистым стеклом не хуже станционного прожектора, так что в первое мгновение Яшонок ослеп и не вдруг разглядел деда Афоню, сидевшего на табурете у входа.

— Вот... — сказала Лилия Леонидовна, останавливаясь против двери и взглядывая то на одного, то на другого. Потом обратилась к Яшонку: — Я тебя по очень важному делу... Учеба у тебя, мне кажется, пойдет хорошо, тебе нельзя не учиться... Понимаешь? Хотя без этого никому нельзя — тебе образование просто необходимо, чтобы не застерьтесь. Понимаешь? Не пропасть в жизни. Ну, а перебиваться там, где ты сейчас (Яшонок смущился, потому что никогда не говорил ей, где ночует) трудно. А зимой будет невозможно, — завершила она свою мысль. — Тем более учиться. Мы вот говорили с дядей Афоней... Он живет один. Небогато, конечно. Но крыша над головой у тебя будет, и старший товарищ будет...

— Да чего там! — неожиданно перебил ее дед Афоня и, хлопнув по колену треухом, который до этого держал в руках, поднялся. — Айда ко мне! — Глянул на учительницу: — Там мы, Леонидовна, сами разберемся, что к чему... Айда.

Яшонок оглянулся на дороге, когда они с дедом вышли в ночь. Свет семишинейки падал на крылечко, и, стоя в проеме открытой двери и прислонясь плечом к косяку, Лилия Леонидовна молча смотрела им вслед.

Ступая через порог в избу деда Афони, Яшонок еще не испытывал убежденности, что теперь это его постоянное жилье, его собственный дом, в некотором смысле — отчий. Так, будто еще одна из многих случайностей на его пути. Может, чувство это явилось из-за крайней бедности жилища, что сразу, еще в темноте, пока дед Афоня не зажег сальника, вдруг надвинулась на Яшонка со всех сторон.

У крыльца к ним подбежала юркая собачонка, дед обозвал ее Пиявкой и отогнал. Позже выяснилось, что это законная кличка собаки.

Бедность, нищету трудно разделить на двоих. Хотя Яшонок и убеждался не один раз, что именно в бедности, когда делить нечего, люди бывают щедрыми.

Избушка деда Афони по размерам напоминала учительскую. Но та была по-женски ухожена. А тут за реденьким слеговым забором хозяйствичала пустота. И кроме топчана, стола, единственной лавки на земляном полу, в комнате ничего не было. Окно до половины прикрывала старая деревюшка. С лежанки возле печи свешивался облезлый тулул. В кухне, за открытым дверным проемом, виднелись поржавевшие ведра, два глиняных горшка на полу, вязанка дров.

— Таки дела! — сказал дед Афоня, проследив за его взглядом и устанавливая сальник на подоконнике. — Мое дело старицкое, лазальщик я ноне худой, буду туточки храпака забрасывать, — указал на топчан. — А тебе во! — ткнул пальцем в лежанку. — Хошь невесту приводи! А подтопим, позапираем все — и я, глишь, кости погреть к тебе залезу! Скидывай фуфайку, клади свою учебу! — показал рыжеватой бородой на тетради. — Теперь ты тут хозяин! Вечерять будем!

Он скользнул мимо Яшонка к загнетке.

И когда на столе задымился чугунок, когда пахнуло на всю избу сытным ароматом пареной кукурузы, Яшонок еще не поверил, но вдруг очень-очень захотел, чтобы это был его родной дом...

Дед Афоня уже девять лет — с тех пор, как перебрался в город его сын,— жил в одиночестве. Сын за все время только один раз, лет пять назад, наведывался в Вязовку, поглядел, поскучал и опять скрылся. Была у него там жена, двое детей. Дед знал их адрес, но сам, из принципа, тоже не ездил. Перебивался случайными заработками: где огород вскопать, где за лошадьми посмотреть, кому починить сбрую, а то в совхозе сторожем на току устроится в уборочную. Картошки он в зиму — сколько-николько — припас, капусты бочонок засолил, немного мучицы подзаработал на мельнице, пару четвертей маслица... Так что с голоду помирать нельзя вроде.

Обо всем этом дед поведал Яшонку, пока они, щедро подсыпывая крупной солью початки, опорожняли большой, надколотый с одного боку чугунок.

А потом, когда Яшонок разговорился и в ответ на дедову откровенность стал рассказывать о себе, тот молчал, только вздохнул, тревожно и непонятно, когда Яшонок закончил.

— Эх-х... Чего вас, таких, господь не прибирает... На искупление, что ль?..

Яшонок при этом невольно глянул в угол, где висело небольшое, почерневшее от времени распятие: Яшонок очень не хотел умирать, он хотел жить.

Потом дед налил в две жестяные кружки крутого кипятка с сахарином, выложил на стол четыре яблока.

А когда начал делить подстилки, какую себе, какую на лежанку, разволновался (будто знал, о чем накануне думал Яшонок):

— Гришь, кормили тебя лесники? Хлеб да молоко... Картошку еще? Ну, ироды! Ну, жирики, паразиты!.. Все лето, значит, сплотировали, а за работу — шиш!.. А зиму тебе как? Одежду где возьмем?.. У тя ж все латать да перелатывать надобно!..

Потом, когда Яшонок расположился на лежанке, дед Афоня, подбросив два небольших полешка в печь — уже

не для тепла, а так, для веселости, чтобы жилым пахло,— и потушив сальник, тоже лег. Но некоторое время еще ворочался, неслышно ругался про себя и наконец принял решение:

— Ты эт-та вот... не спиши? Тама, на чердаке, пухов у тебя, знамо, нетути... А завтрева ты лучше поране двигай на кордон! Пущай отдают деньги! Как законом положено! Скажи: дед Афоня велел! Отдавай деньги! Скажи: без денег наказывал не уходить! Пускай на одежку, обужку дают! За все лето! Жулье!.. Сплотаторы недобитые...— И, ворочаясь, долго еще ругался вполголоса: как навострились люди ограбленного грабить.

Так началась у Яшонка новая, непривычная жизнь: с постоянной крышей над головой, с теплой лежанкой, с потрескиванием угля в печке и уютным завыванием осеннего ветра в дымоходе...

И вот почему наутро он впервые двинул не к месту сбора всегдашней непочетовской компании, а на кордон.

Во дворе к нему подскочила и уже по-свойски начала играть с ним Пиявка. Но Яшонок еще не доверял ей, обошел стороной. С собаками у него всю жизнь были особые счеты. Одних укусов: три на ноге, один у самого плеча, на руке. А если бы взяться посчитать, сколько раз они рвали ему сапоги, штаны, телогрейку, сколько раз гоняли всей сворой по улицам — счету бы не хватило. Про себя он каждого кобеля называл Бадлашом, а Бадлаша — собакой. В их беспричинной ненависти к нему было что-то похожее.

Солнце еще только поднималось где-то за тучами. Но путь предстоял долгий, и дед Афоня одобрил его решение выйти пораньше. Даже загодя отварил картошку, чтобы перекусил в дорогу, и две сунул ему на всякий случай за пазуху. Теперь они приятно согревали живот. Потому что холод к утру не ослабел, а как будто усилился, и временами опять налетала морось.

Выйти по Непочетовке к выгону, потом к железнодорож-

ному мосту, спуститься косогором к Макарову переулку — дело несложное. А вот шагать дальше по бесконечно длинной Нижней Вязовке было муторно. Идешь, идешь, а она все не кончается. Дома, дома — справа и слева; можно всю жизнь прожить в одном конце Вязовки и не знать никого с другого конца.

На этот раз Яшонку, правда, повезло. Попутно с ним в дальний конец Вязовки шло пять груженных мешками подвод. Возница на последней подводе был помоложе других, он весело подмигнул Яшонку, постукивая кнутовищем по сапогу, и, приметив его завистливый взгляд, показал на передок рядом с собой:

— Взбирайся!

А когда счастливый Яшонок пристроился у него под боком,сыпанул ему в карман телогрейки жареных семечек.

— Куда идешь-то? Что это мать с отцом в такую рань тебя?..

— У меня нет матери. И отца нет. Сирота я,— объяснил Яшонок.— А на кордон иду... Дед Афоня послал. Я у них коров там все лето пас. А денег не дали. Дед Афоня сказал, чтобы взял.

— Ха! — удивился парень.— Гляди: дадут они теперь!.. Как же... Сразу надо было брать. Афоня этот родич тебе, что ли?

— Не, чужой... Жить он меня к себе взял.

— Вот то-то оно... — непонятно ответил парень и, помолчав, досыпал ему в карман семечек.— Грызи! Так веселей дорогой... А раньше-то ты где жил?

— Когда где... Ходил я... Ну, милостыню просил...

— О! Это, брат, никуда не годится! — Парень неожиданно развелся:— Ты скажи этим там, на кордоне, что слуг в семнадцатом году отменили! И что я, Иван Меньшиков, тоже велел, чтобы тебе выплатили денежный заработок! Понял? Иван Меньшиков — запомни! Ряху за такое бить надо...

А когда подъехали к мостку, через который поворачивала дорога на кордон, парень приостановил лошадь и прибавил:

— Ты там, малый, скажи этим старорежимникам, что за детский труд их под суд отдать можно! Я при случае подверну к ним! — Он ругнулся на прощанье и, трогая с места, махнул рукой: — Бывай!

Яшонку предстояло еще около трех километров тащиться по раскисшей дороге, потом почти столько же через мокрый луг, обогнуть стороной сосновый бор...

А ветер и морось час от часу все нарастали. Так что время перевалило уже далеко за полдень, когда он вышел на кордон, к этим не по-деревенски огромным, со множеством нужных и ненужных пристроек домам. Не зря их владельцев называли то лесниками, а то просто помещиками. В пристройках летом располагалась какая-то городская родня хозяев — «дышили воздухом».

Яшонок постучал в первую калитку.

Уж если в деревне собак держали чуть ли не в каждом дворе, у лесников их было по две на хозяина.

Стука его проживающие здесь Балыкины, понятно, не услышали. Но по остервенелому собачьему лаю, который поддержала вся лесниковская свора, хозяева догадались, что явился чужой.

Отворил калитку и провел Яшонка в избу сам Балыкин: по-начальнически гладко выбритый, с хамоватыми, быстро бегающими глазами и с длинной фабричной папироской в зубах.

Яшонок передал ему все, что говорил дед Афоня, и кое-что сказанное парнем-возницей.

— Ну, и сколько же тебе заплатить сказал дед? — вмешалась худая, желчная старуха — мать Балыкина. Не сказала, а проскрипела из угла, отложив какой-то цветной журнал.

Вот об этом Яшонок забыл спросить деда. И парень сказать не догадался.

— Ну, сколько? — повторила старуха. — Не знаешь? Иди тогда к Петровым: сколько они заплатят — столько и мы.

Петров отдыхал в отдельной комнате и вышел не сразу. Яшонка встретила его пухлая, белорукая и белолицая жена. Удивилась:

— За платой пришел? Скажите-ка пожалуйста! Целое лето ел, пил, под крышей жил, теперь давай деньги ему! Где такое видели?

— Иван Меньшиков сказал: есть такой закон... — вспомнил Яшонок.

Сам Петров, оказывается, слышал их. Вошел в белой поверх брюк полотняной рубашке и, поглаживая волосатую грудь в отворотах, взял разговор на себя.

— Кто это такой Иван Меньшиков? Он что, родня твоя? Или начальник какой?

— Не... — отозвался Яшонок. — Ехали вместе... Через Вязовку...

— Он, что ли, сюда привез?

— Не... Попутно было. Они муку везли...

Петров зевнул, оглядываясь на жену.

— Значит, никто он, Меньшиков твой... Эти наговорят, только слушай. Ну, а деньги мы тебе заплатим, чего ж! — вдруг ожился он и опять выразительно посмотрел на жену. — Погоди, сейчас!

Они остались Яшонка у порога и вместе вышли в другую комнату.

Через минуту появились веселые.

— Вот деньги твои! — Хозяин показал на ладони бумагки. — Можно тебя самого в них упрятать! — Он с легким хлопком возложил одну бумажку на правое плечо Яшонка, другую — на левое, а третью прилепил ему на голову. — Прямо генерал-фельдмаршал!

Дебелая хозяйка хлопнула в ладоши от умиления.

Яшонок поблагодарил, стискивая в кулаке бумажки.

С крыльца увидел, что Балыкин вместе со своими кобелями уходит, окликать его не стал.

Вошел и показал старухе:

— Вот сколько дали!

Она стрельнула на него по-всегдашнему злым взглядом, потом посмотрела на деньги в его ладони и как-то на глазах вся переменилась, будто потухла. Опять внимательно посмотрела на Яшонка и спросила непривычным, будто виноватым голосом:

— Есть хочешь?..

— Нет... Я всю дорогу семечки грыз. Иван угостил, Меньшиков.

— Садись. Дорога-то не близкая... Обогрейся малость.

Яшонок твердо хотел отказаться от еды, но, когда на столе появились каравай хлеба и тарелка борща, не выдержал.

— Молоком вот запьешь,— сказала старуха, ставя перед ним кружку молока.— А я сейчас...

Он видел, как она прошла через лужайку в дом Петровых и долго не появлялась. А вышла, так хлопнув соседской дверью, что слышно было даже Яшонку. Вернувшись и от порога молча смотрела, как он допивает молоко.

— Спасибо,— поблагодарил Яшонок.

Она подошла к шкатулке на комоде, нашла три точно такие же бумажки, подала ему.

— Возьми... Спрячь... И спаси тебя бог...— Она вздохнула.

А Яшонок так и не понял ее.

Ветер усилился, одинокими крупными каплями в мороси начал накрапывать дождь, завечерело раньше обычного. И когда Яшонок обогнул сосновый бор, когда представил себе весь долгий обратный путь — затосковал. Если прямиком через камыши, а потом вдоль Битюга срезать хороший угол, можно выйти прямо к Макарову переулку. А там

рукой подать Непочетовка. И можно улечься на теплой лежанке, обрадовав деда Афоню заработком!

Яшонок быстро зашагал по прямой и, сразу повеселевший, размечтался про себя: что вот он первым идет этой дорогой, а кто-нибудь заметит его следы и тоже двинется прямо, потом еще кто-нибудь, еще... И появится сначала тропинка, потом дорога. И будут люди думать: кто же это прошел здесь первым? И так, наверное, никогда не узнают, что это был он, Яшонок...

Темь застала его уже на берегу реки.

Он все учел, кроме одного: что там, где вплотную к Бильгулу подступали заросли тальника и надо было огибать их по глинистым откосам, трудно будет удержаться на ногах в эту разгулявшуюся непогоду. Но упрямо шел и шел, цепляясь руками за ветви и радуясь с каждым шагом, что он ближе к своему дому, ближе...

Он был, наверное, в каком-нибудь полукилометре от Макарова переулка, когда встречный ветер в сильном рывке, будто из пригоршни, плеснул ему в лицо дождиками. Яшонок на секунду потерял тальниковую ветку, а земля сразу ушла из-под ног, и он даже не мог бы сказать, головой, ногами или боком упал в воду. Обо что-то ударился, а потом вода мгновенно разверзлась и сомкнулась вокруг него, хлынула сразу в нос, в горло, и какая-то страшная сила ухватила его, волоча ко дну. Рванулся он инстинктивно вверх, хлебнул воздуху и уцепился рукой за какой-то прутик, еще не соображая ничего, даже не в силах кричать...

Торчащая из воды хворостина — то ли веточка павшего дерева, то ли чья-нибудь метка близ вентеря — оказалась его единственной надеждой на спасение.

Река здесь, на повороте, неожиданно закручивала, убираясь, и ему нельзя было даже на миг оставить свою слабенькую подпору, чтобы освободиться от телогрейки, которая сковывала его и тянула на дно. Перед этой опасностью не ощущил даже леденящего холода реки.

С некоторой надеждой на облегчение почувствовал, как сползли с обеих ног сапоги. Высвободил одну руку из рукава телогрейки, а перехватить хворостинку не решился.

И в какой-то миг не увидел Яшонок, а словно бы догадался о присутствии чего-то живого у воды. Потом услышал радостный лай.

«Пиявка!..»

Только теперь он впервые негромко позвал:

— Дед Афоня! Дед Афо-ня!

— Ой, да что ж это! Господи! — отозвался откуда-то сверху, с кручи, запыхавшийся дед.

Как он съезжал вниз, Яшонок не видел. Но слышал треск ломаемых веток.

— Хватайсь! Вот!.. Вот она... рядом! — подсказывал дед.

Шапка и телогрейка тоже уплыли, когда он выбрался на берег и сел у самой воды.

Дед набросил ему свою телогрейку. Торопил:

— Айда!.. Айда до дому!.. Как знал я, что что-сь не так! Пиявка, говорю, надо встречать идтить!

А Пиявка лизала Яшонку лицо, и он впервые не боялся собаки. Они, оказывается, как и люди, тоже бывают разные.

Наконец, послушался деда, встал, и всю дорогу до дома почти бежали.

— Грейсь! Грейсь! — подгонял его дед Афоня. — Главное: чтоб кровя разогнать! Щас бы водочки тебе, да нетути...

Дома дед велел Яшонку раздеться, загнал его на лежанку. А сам схватился раскочегаривать печь.

— Сейчас мы тебе кипятку... Живой — это главное! Теперь пропотеть за милое дело... И никакая хворь...

Загудело в трубе.

— Дед Афоня, я деньги принес, — надумал порадовать его Яшонок.

— Иде?

— А в штанах...

Дед извлек мокрые бумажки, разложил их на столе.

— Може, ты потерял сколько?

— Не! — возразил Яшонок. — Столько было!

— Ироды кобыльи... — как-то замысловато ругнулся дед. — Шесть рублей за все лето!.. Вот кого надо головой в Битюг — пальца бы не подал!..

— А Петров там говорил, что много... — разочарованно объяснил Яшонок.

— Подавиться бы ему этим многом... — отозвался дед. И заключил: — Ну ладно. На рубашонку, порточки какие ни есть хватит. А шубенку... Шубенку и сапоги мы завтра сообразим!.. — Дед Афоня повеселел, оживился. — Леонидовна приходила: чего тебя в школе нет. А завтра школе — выходной. Завтра мы с тобой к моему Антошке двинем! Отца забыл — пущай хоть сироте со своего баловня что подышет! Эт мы сообразим!

Яшонок вытянул две полных кружки сладкого кипятку и заснул под монотонную воркотню деда.

Свои

Два этих дня Яшонка если и тянуло к друзьям, на канаву, то лишь иногда, не сильно. Он должен был устроить свою жизнь. Потому что в прежней, бездомной, он скорее, почти наверняка потерял бы и друзей, и школу, и все остальное, бездумное, радостное, что обрел за этот год, начиная от встречи с Угольком близ поворота на Кувшиновку.

Непогода рвала с деревьев листву, обложила вязкой на волочью горизонты, смывала на крыши, на землю печные дымы из труб. Зима теперь маячила рядом — не за горами. А Яшонок не забывал, что такое зима, — это всегда самое беспросветное для него время года. И знал, как важно подготовиться к ней. Крыша теперь у него была надежная,

потому что не временная... И голод не грозил погнать его в эту холодную круговерть по негостеприимным деревням от избы к избе. Ему бы только одежду сейчас — и тогда Яшонку все нипочем! Тогда, что ни утро, можно бежать на улицу, к Угольку, Бузе, Жвыкаленку... Он стал теперь не бездомным бродяжкой, а таким же, как все, непочетовцем, постоянным жителем Вязовки.

Теплая лежанка и две кружки кипятку, а больше того — закаленный, привычный к невзгодам организм Яшонка спасли его от простуды. Он крепко выспался и соскочил на пол, когда деда Афона уже не было дома.

Явился тот примерно через полчаса. Приволок чью-то замызганную в коровнике телогрейку, шапку, внушиительные по размеру сапоги. Объяснил:

— Эт я позаимствовал на севодни. Возвернемся — отдадим.

Яшонок вспомнил, что дед Афоня собрался к сыну. Ехать ему почему-то не хотелось. Отношения родичей и без того были натянутыми. А тут еще он...

— Дед Афоня... Может, ты один туда...

— Не! — сразу категорически запротестовал дед. — Вместе! Пущай у него совесть заговорит, на сироту глядя. Али совсем уже стыда таперича нетути?

Эта дорога, как и две предыдущие, опять оказалась неудачной для Яшонка. Раньше он переходил и переезжал с места на место каждый день. А теперь стоило покинуть Вязовку, на него тут же сваливалось новое лихо.

Редкие пассажирские поезда шли в то время битком набитые самым разнообразным людом. В поезде Яшонок был опытнее деда и, протиснувшись в тамбур и пользуясь общей толкотней, сумел, орудуя всем телом: руками, ногами, головой,— пропихнуть деда Афоню в вагон. А сам остался в тамбуре, поскольку поезд тронулся, и если начать колготиться, можно нахватать подзатыльников.

Беда поджидала его на первой большой остановке.

Люди рванулись к выходу, и общим потоком его вынесло на перрон. К этому Яшонок был готов. Теперь надо только вскочить обратно, когда начнется встречный поток.

Но перрон оказался переполненным людьми с узлами, ведрами, мешками, котомками. И вся эта кричащая, стонущая толпа, вознеся на плечи, на бедра, на животы свой скарб, одновременно ринулась к вагонам. Яшонка прижало к ступенькам, потом отбросило назад и в сторону. Поправив большущую, не по голове, шапку, которая оказалась почтому-то развернутой задом наперед, он опять ринулся в гущу пробки, лавируя где под узлами, где между ног. И уже опять был почти у двери, когда несколько таких же, как он, оборвышей, будто выстрельнутые со стороны, отшвырнули его от вагона. Он догадался, что сделано это было не случайно. Однако не мог понять зачем. И снова было рванулось к двери.

— Куда? — Один из оборвышей схватил его за грудь и хотел дать подножку.

В таких переплетах Яшонку приходилось бывать. Чтобы высвободиться, он ответил ударом на удар. Но тогда второй беспризорник бросился ему под ноги, а кто-то с силой толкнул сзади, и, подминая под себя зачинщика, Яшонок упал.

На его счастье, какая-то баба выронила свой узел, посыпались на землю мешочки, свертки, узелки. Баба завизжала на всю станцию и в мгновение ока расшвыряла беспризорников.

Яшонок отскочил в сторону. Однако его сотоварищи по

бродяжничеству не думали отступать. И в какой-то момент Яшонок понял, что главное для него сейчас — бежать, оторваться от них. Никого из нападающих он вроде не встречал раньше, но по их озлобленным лицам уловил недоброе.

Он бросился мимо обшарпанного вокзальчика, мимо шлагбаума вдоль железной дороги. Вскочить потом на свой поезд мысли уже не было. Он просто спасался. А так как отнять у него было нечего и, следовательно, грабить его не думали, он спасал то единственное, что еще имел,— жизнь.

Беспрizорное существование сделало его выносливым, бегать Яшонок умел и, миновав стрелки, оглянулся в надежде, что преследователи, отстав от него, повернули назад.

Но не тут-то было. Компания оборвышей, хоть и поостала немножко, упускать его не собиралась. Что-то влекло их к Яшонку. И тот прибавил скорость.

А группа за спиной то растягивалась в ниточку, то опять собиралась кучкой в беге. И сначала ругались, отплевывались на ходу, потом бежали молча.

Безлюдное полотно железной дороги — единственный свидетель погони — то круто изгибалось между тесных откосов, то взлетало, ровное, как стрела, над низиной, и тогда встречный ветер слегка охлаждал разгоряченное тело, бежать становилось легче.

Его отделяло от преследователей каких-нибудь две сти метров, и, оглядываясь назад, Яшонок видел их перемазанную одежду, темные от грязи и пота лица.

Они вовсе не развлекались. Нечто более страшное, чем опасность свалиться от бессилия, заставляло их гнаться до последней возможности.

К тому же их было несколько человек, они подменяли друг друга в этой гонке. А Яшонок был один, и расстояние между ними мало-помалу сокращалось... Если бы ему хоть сапоги по размеру! А искать спасения у людей, у каких-нибудь чинов на станции,— не догадался. Беспрizорника спасали, как правило, ноги. Лучше не иметь дела с началь-

ством. А люди... Он видел, пробегая по насыпи, они копошились внизу и поднимали головы, наверное догадываясь, что происходит. Возможно, гадали скуки ради: догонят или не догонят?..

До разъезда «201-й километр», где Яшонок мог найти убежище, было далеко. Но он выдержал бы еще минут двадцать — тридцать бега. Мелькнула мысль о том, что дальше? Ему откроют в знакомом доме, его спасут... А что терять преследователям? И они могут запросто спалить этот дом, где его по-человечески привечали. Яшонок вдруг твердо понял, что не наведет беды на хороших людей. И если уж ему суждено бытьбитым, лучше, чтобы никто этого не видел.

Наискосок перемахнул через линию и скатился по откосу в заросли ивняка. Это была его последняя надежда.

Но цель теперь была утрачена, мысленно он уже смирился с судьбой и, наверное, убавил скорость.

— Есть! — выдохнул первый, должно быть, самый старший из подростков, одним ударом сбивая Яшонка с ног.

Вся группа накинулась на него и начала сдирать одежду. Так что в какие-то секунды он остался в одной нательной рубашке. А беспризорники потрошили его телогрейку, брюки, сапоги, вспарывали подкладку, выворачивали карманы и, тяжело дыша, перехватывали одежду друг у друга. Наконец, какой-то робко заметил:

— Нету...

— Как нету? — обозлился старший. — Не может быть! Они принялись отрывать заплаты с телогрейки.

— А может, это не он?.. — усомнился еще кто-то.

— Как не он? — опять зло переспросил старший, сверкнув яростными глазами на Яшонка. — Махно показал на него, когда уходил!

— А может, на другого?.. Там еще один торчал не из наших...

Главарь, атаман или старший, на секунду остолбенел.

— Зачем же он тогда бежал от нас, гаденыш?! За десять километров увел! — И он пнул лежачего Яшонка под ребра.— А?!

— Бурдюк!..

— Дешевка!..

— Недородок!..

Удары посыпались на Яшонка со всех сторон. Он не увертывался от них, а только пытался натянуть на себя брошенную телогрейку, чтобы смягчить удары и не замерзнуть.

— Пускай тут и сдохнет, гад!

Неожиданно громкие мужские голоса сверху, с насыпи, услышали сразу все.

— Атанда! Рвем! — скомандовал главарь.

И беспризорники ринулись через ивняк в сторону.

А Яшонок с минуту еще лежал без движения. Затем повернулся на живот и стал на четвереньки.

Сплюнул. Из носа, из десен сочилась кровь.

Поднялся, утер подолом рубахи лицо.

Одежда его, кроме шапки, была вся здесь. Но и шапку немного погодя он разыскал под кустом.

Мужчины давно прошли куда-то по своим делам.

И когда Яшонок вышел из ивняка, то с ужасом увидел, что компания оборвышей возвращается опять к нему вдоль насыпи.

А вверху, от станции, по направлению «201-го километра», сбавляя скорость, шел товарняк.

Яшонок стал карабкаться вверх, и преследователи, как по команде, ринулись в его сторону.

Он успел ухватиться за поручни предпоследней площадки. Но взобраться бы не смог, если бы чьи-то руки не подхватили его сверху за воротник.

Оборвьши что-то зло кричали вслед, размахивая кулаками, когда он в последний раз оглянулся.

На тормозной площадке, кроме него, был всего один мушкетик. В приплюснутой шапке и зеленом плаще, едва втянув

Яшонка наверх, он опустился на деревянный сундучок у стены и, подперев голову руками, как-то безразлично уставился в землю.

Яшонок всхлипнул, рукавом отирая лицо.

Мужик поднял голову и как бы только сейчас разглядел его. Спросил:

- Кто это тебя так?
- Мальчишки...
- А едешь куда?
- Никуда. Я убегаю от них.
- А они на поезде?
- Нет... Не успели.
- Это не те шпанята, что на вокзале вертелись?

Яшонок кивнул.

- А сам не из них?
- Не... Я их не знаю...
- Да... Не похож вроде... — Мужик опять присмотрелся к нему, вздохнул. — За что ж они били тебя? Может, за то, что с ними не хочешь?

— Не знаю... — ответил Яшонок. — От самой станции гнались.

— Ого! — удивился мужик, прикинув оставшееся позади расстояние.

— Били и вот... все карманы повыворачивали. Искали что-то. — Яшонок показал оборванные заплаты.

— Д-да... — опять непонятно вздохнул мужик. — Был бы богатый...

Потом, чтобы хоть с кем-нибудь поделиться, он рассказал о своей беде.

Хотел сесть в тот же поезд, из которого вытолкнули Яшонка, беспризорники устроили давку. Перед самым отправлением он хватился, а денег за пазухой нет. В деньгах этих и дом его, и скотина — можно сказать, вся жизнь.

Бегал по станции, хватал подряд всех подозрительных. Потом решил догонять поезд. А сел в этот товарняк и по-

нял, что все бесполезно. Хоть петлю на шею. К жене, детишкам так не вернешься...

Он в третий раз тяжко, шумно вздохнул.

— А ты куда теперь?

— На двести первом соскочу... — ответил Яшонок.

— Родственники там?..

— Не... Поеду обратно. Родственников у меня нет.

Мужик стал смотреть на поля вдоль железной дороги.

— Что ж... сойдем вместе. Мне дальше ить тоже делать нечего... Тебя избили, меня... однако детишек моих — обокрали. Одна беда не ходит... И хошь не хошь — возвряться надо.

На «201-м» поезд, как по заказу, остановился на минуту.

Мужик и Яшонок сошли, подождали, когда он уйдет, и, не зная, что делать дальше, оба отошли, присели на скамейку возле будки.

— Трое у меня... — неожиданно добавил мужик, как бы продолжая свой рассказ. — А дома и дровишек на одну топку... Сколь времени копил эти гроши...

Яшонок запоздало всхлипнул в последний раз.

И мужик сразу подобрался.

— Небось голодный?..

— Не... Не голодный... — отозвался Яшонок.

Сырой ветер сквозил вдоль железнодорожного полотна, забирался под телогрейку. И нестерпимо болели ребра.

Мужик подобрал осколок стекла из-под ног.

— Глянь-кось...

Яшонок посмотрел в стекло, как в зеркало, и, послюняв уголок рукава, стал оттирать кровь с лица.

— Убить бы могли... — резюмировал мужик.

— Могли... — согласился Яшонок. — Их, может, десять, а я один.

— Никого не знаешь?

— А может, видел... Я ведь безродный...

— Чего ж не водишься с ними? Они тебя за то, видно, и били.

— Не буду водиться,— упрямо заявил Яшонок.— У меня другие есть — водиться. Не такие... Я в школу теперь хожу.

— В школу?— удивился мужик.

— Да. Только пропускаю иногда,— признался Яшонок.

— Эт ты правильно!— одобрил его собеседник.— А на воровскую дорожку станешь — возврата нет... — Мужик подумал.— Взял бы я тебя к себе погостить... А теперь — все прахом... Надоть, наверно, двигать назад... Пойдешь на станцию?

— Не... Я тут сяду, я боюсь на станцию,— ответил Яшонок.

Мужик встал.

— Давай я тебе хоть фуфайку отомну...

Снял с него телогрейку и, отойдя на шаг, стал привычно сбивать с нее грязь.

— Ну вот,— сказал, возвращая телогрейку.— Все посвежей вроде... Раньше-то они тебя не били?

— Нет,— сказал Яшонок.— Я сам по себе, они — сами по себе...

— Дела...— неопределенно проговорил мужик.— Давай-ка мы и шапку тебе почистим.

Яшонок сам снял шапку и хлопнул ею о колено.

Оба на какое-то время обомлели и ничего не могли сказать, когда из-под отворота шапки вылетели и упали на землю деньги.

— Мать ты моя...— испуганно пробормотал мужик. И, взяв у Яшонка шапку, оглядел ее.

Деньги, перевязанные посередине, легонько пошевеливались на ветру.

— Где ты их взял?..

— Нигде я не брал!— ответил Яшонок.

— Так ведь это же мои деньги!— взволнованно сообщил мужик, не торопясь, однако, подхватить пачку.— Там

в середке одна линованной бумажкой склеена! Сам клеил!

— Если ваши, так берите! — сердито ответил Яшонок. Он не радовался, что за отворотом шапки оказались какие-то деньги. Только от одной беды ушел...

Мужик подхватил пачку, шелестнув ею. Одна ассигнация была склеена кусочком тетрадного листа в линейку. Мужик показал:

— Видишь?

— Вижу. Значит, ваши, — подтвердил Яшонок.

— Господи! Радость-то какая... — бормотал мужик, стискивая пачку в кулаке. — Счастье-то, господи!.. — Потом спохватился: — Может, ты их подобрал где-нибудь?

— Нет... Не видел я их! — досадливо ответил Яшонок.

— А эти, — обрадовался вдруг, будто осененный, мужик, — ну что били тебя, они шапку тоже выворачивали?

— Нет... Она в кусты откатилась. Я сам думал, утащили...

— Так милый же ты мой! — кинулся к нему мужик.

Они же тебя это за мои деньги! Это за меня ты кару принял. Господи ж боже мой, чего же ты допускаешь такое? Эт мне говорил один на станции: они, как украдут, другому деньги пересовывают — «наседке» по-ихнему, — чтоб не попасться! Вот и сунул кто-то тебе, за своего принял!

Яшонок поднялся. Ему все больше и больше не нравилась эта история. А что такое «наседка», он и сам знал.

— Куда ты? — удивился мужик. — А деньги?

— Так они ж ваши? — ответил Яшонок.

— Да, они мои, и как будто не мои опять... И твои — не твои... — Мужик растерялся. — Тут надо по справедливости! В сельсовет пойдем, что ль? Нет, — опомнился он, — жена узнает. В милицию?.. Не поверят еще, на тебя свалят. Как же быть?.. Айда ко мне, пир устроим!.. Тьфу! — опять спохватился. — Никто ж не знает... И лучше не говорить! Ну, ты подтверждаешь, что это мои деньги?

— Ничего я не подтверждаю, — насупился Яшонок, у которого даже боль стихла от этой новой напасти.

— Ну что они не твои подтвердишь?

— Ничего я подтверждать не буду, — упрямко повторил Яшонок.

— Чудак ты человек! Ведь тебе этих денег до полнолетия хватило бы. — Он хотел сунуть деньги за пазуху. — Ой! Что же я... — Выдернул из пачки одну верхнюю бумажку: — Возьми! Может, маловато по такому случаю. Не обижайся, они у меня все спланированы!

Яшонок держал руки в карманах и не собирался брать ассигнацию. На линии со стороны города показался состав.

— Я поеду...

Мужик запихнул ему бумажку в карман.

— Я тебе еще свой долг возверну как-нибудь! — крикнул вдогонку. — В какой школе учишься?

— В вязовской! — ответил Яшонок.

— Найду! — прокричал мужик. Потом догнал состав и долго бежал рядом с ним, помогая Яшонку взобраться на тормозную площадку. По щекам его бежали слезы.

А Яшонок ехал в обратном направлении, безрадостно думая про себя, что спокойной жизни у него так, наверное, и не получится, что... ну, никогда ему не уйти от своего сиротства, что навечно он среди людей не такой, как другие.

Почему-то вспомнилось ему, как однажды зимой, в непогоду, он с трудом пробрался в поезд, чуть не оставив на железных поручнях кожу с ладоней — так прилипали на морозе. Спрятался под нижнюю лавку.

А в купе, возле окна, ехала женщина с двумя девочками.

— Мама, — спрашивала одна из них, — почему у нас нету постелей?

— Здесь не бывает, — отвечала женщина. — Это поезд рабочий.

— А рабочие без постелей спят? Они не любят постелей, да?

— Да, да, — соглашалась мать, чтобы прекратить вопросы. Потом стала готовиться к ужину.

Разложила на столе чистую, белую подстилку (Яшонок не знал, что небольшая скатерть называется салфеткой), вытащила из сумки кусок отварной говядины, полкурицы, стварную чищеную картошку, огурцы, хлеб.

Яшонок глотал слюни. А девочки капризничали — не хотели есть.

Мать долго, с уговорами, с причитаниями, кормила их, потом свернула в газету остатки ужина, и не успел Яшонок даже подумать о том, что она собирается сделать, как женщина, взявшись за оконные ремни, приспустила раму.

— Не на-а... — не своим голосом закричал Яшонок, вы-

скакивая из-под лавки. Но слово застряло у него в горле, потому что женщина уже выбросила сверток.

Девочки, испуганные его появлением, завизжали. Женщина сама испугалась.

— Чего ты, мальчик? Откуда ты? — спрашивали другие.

Но Яшонок уже ничего не слышал. Перепрыгивая через мешки, чемоданы и спотыкаясь о чьи-то ноги, он бежал в тамбур.

Не видел, как вскочила, заметив безбилетника, проводница. Он распахнул дверь и прыгнул в метель на полном ходу.

Ударился лицом, кувыркнувшись через голову, подвернулся ноги, но бежал по сугробам назад, вдоль насыпи. Потом снова назад... Но отыскал только газету, прибитую ветром к запорошенному стожку сена. А картошка и хлеб куда-то пропали...

Просветы

В Вязовку Яшонок вернулся в безрадостном настроении уже за полдень. Открывать избу в отсутствии деда Афона не решился, чувствуя себя в чем-то сильно виноватым перед дедом. Ради него тот отправился в непривычное путешествие. Ради него отчаялся унизиться перед невесткой, сыном... И кажется, все напрасно. Яшонку уже невозможно было помочь.

Опять налетами рвал ветер, опять, невесомая, била в лицо морось, когда брел Яшонок по Непочетовке. И почему-то, как никогда, безынтересно вдруг стало жить... Чердак ничейного дома уже сделался чужим, дед Афона затерялся в городской толчее, ко двору Уголька нельзя было даже приблизиться, добрые люди грелись в эту унылую хмарь по домам, и пусто было на канаве.

Уголек подлетел к нему сзади, трахнул по плечу кулаком.

— Здорово! — И, заметив, что Яшонок при этом невольно дернулся от боли, виновато спросил: — Откуда?

— Да вот, ездил... — неопределенно объяснил Яшонок, стараясь улыбнуться ему и еще толком не зная, радоваться ли этой встрече.

— Куда?

— С дедом Афоней поехал. И потерял его, — признался Яшонок.

— А мне Лилия Леонидовна сказала, что ты теперь у деда Афони! — радостно сообщил Уголек. — Да... Я ведь рассказал тогда в клубе милиционерам — ну, когда стреляли, — что это ты увидел тюк с шерстью. И про лог рассказал, что ты слышал. Там винтовки откопали, обрезы... — Только теперь он заметил его припухшие губы: — Кто это тебя?

Яшонок, не вдаваясь в подробности, неприятные ему самому, сказал, что избили.

— Вот гады! — обозлился Уголек. — А где их теперь поймаешь?

— А нигде, — сказал Яшонок. — Зачем ловить...

Уголек заметил его настроение.

— Чего ты такой сегодня?

Яшонок отвел глаза в сторону.

— Не знаю...

Как он мог объяснить, что вот все у него — хоть разбейся! — идет наперекосяк. Словно бы только-только развиднеется где-то, обрадуешься — и что-нибудь обязательно хлоп как по голове дубиной: мол, не забывай, что ты безродный, бродяжка и не суй нос, куда тебе не положено.

— Деда потерял... — повторил он. — Ну и вот...

— Есть хочешь? — коротко спросил Уголек.

— Утром ели картохи...

— Айда со мной! Я как раз тебя не нашел, на тот конец собирался, к тетке!

— А что мы там?..

- Накормит! Знаешь, как она кормить любит!
- Так то ж тебя кормить... А меня ей зачем?
- Да ты еще мою тетку не знаешь! Идем!

Им предстояло прошагать в дальний конец Вязовки через посадки, потом через переезд и лесом...

Ноги у Яшонка давно были мокрые. Но тут он почувствовал, будто в правом сапоге хлюпает самая настоящая грязь. Остановился, присел на пенек. Портянка была действительно в грязи. Он осмотрел сапог и убедился, что подметка уже едва держалась на одном гвоздике у самого носка. Видно, ее прямо-таки отдирали там, в кустах ивняка. Не хватало еще потерять подметку с чужого сапога...

Он снял второй и взял сапоги под мышку.

— Ты что?.. — спросил Уголька, заметив, что тот, пристроившись на его месте, тоже снимает ботинки.

— А, босиком так босиком! — бодро отозвался Уголек и в знак солидарности опустил сразу обе ноги в лужу. — Потопали! — Связав ботинки, он забросил их на плечо.

Тетка, увидев от крыльца топающих по разъезженной слякоти друзей, всполошилась:

— Или с ума посходили? Матушки мои! Зима на дворье, а они выкаблучиваются! — И, втаскивая обоих в горницу, позвала мужа: — Митрич! Гли, что племянник наш вытворяет!

Тот, вопреки ожиданиям Уголька, был дома. Вышел из другой комнаты хмурый, переняв сапоги у Яшонка, осмотрел их.

— Не обувка, а задувка... — Глянул на Уголька: — А ты-то чего голыми ногами шлёндал?

— А за компанию, дядь Федь!

— Ишь ты! — удивился дядя Федя и одобрительно шлепнул племянника по затылку.

Тетка тем временем уже наполняла корыто теплой водой. Они с наслаждением опустили в нее ноги.

— Родители куда уехали аль по охоте? — спросила тетка.

— По охоте! — заверил Уголек. — Гусятины захотелось!

— Ишь ты! — Дядька Федор даже приостановился на мгновение, извлекая из-под кровати сапожный инструмент. — Молодежь ныне, а, мать?.. Цыпленка ему или по-жирней надыть?

— А, господь с тобой! — взмахнула обеими руками тетка. — По охоте ведь ребята! Значит, угостить придется! Охота — она ведь пуще неволи!

Дядька Федор что-то ворчал себе под нос и раз за разом все усмехался, орудуя над сапогами Яшонка, в то время как друзья обедали.

А тетка сутилась между столом и кухней.

— Ты чего ж, племянничек: просил, а сам не резво что-то? Не захворал, грешным делом?

— Нет, не захворал. Пускай Яшонок ест, он голодный.

— Да и ему и тебе хватит!

Сначала был гороховый суп. Потом действительно горячая гусятинка. Так что к концу обеда Яшонок едва дышал.

А после обеда, пока дядька Федор наводил «полный блеск» на его сапогах, пока они сохли, друзья помогали тетке разматывать кудели.

А когда собирались домой, Уголек еще задержался, выпроводив Яшонка на улицу.

В обратный путь двинулись не спеша.

И приумолкли на подходе к Непочетовке.

Совсем завечерело. Редкие огоньки перемигивались в мороси как-то неуверенно, робко.

Уголек неожиданно остановился.

— Яшонок... ты не сердишься на меня?

— А чего... За что сердиться? — немножко растерялся Яшонок.

— А ты почему вчера на канаве не был?..

— Я на кордон ходил. Дед Афоня велел, за деньгами...

— А я тоже не был, — сказал Уголек. — Я вчера... ну, признался отцу, что это я брошку у матери... — Он заглянул

в глаза Яшонку.— В общем, ты теперь заходи опять! Ладно? Никто на тебя ничего не подумает! Да... А милиционеры сказали, тебя летом в пионерский лагерь направят. Бесплатно! И вот...— Он вытащил из-за пазухи и сунул Яшонку сверток с гусытиной, которая, казалось, еще сохранила тепло печи.— Завтра встретимся на канаве! Ладно? А я побегу, меня небось ищут!..

Яшонок долго еще стоял посреди улицы, когда Уголек уже скрылся в моросных сумерках. И что-то хорошее-хорошее, что-то на время утерянное вдруг опять возвратилось к нему, подхлынуло комком к горлу и защипало глаза.

А дома, как бы в довершение праздника, каким вдруг обернулась для Яшонка жизнь, его поджидал дед Афоня.

Выставив на лавке почти не разбитые валенки, разложив по соседству полуушубок, зеленый шарф, шапку, выхаживал по избе из угла в угол.

— А иде ж ты пропал?

Вздыхал, по-бабы горестно сокрушаясь, пока Яшонок рассказывал ему, что случилось.

— Это надо ж!.. Вот ироды!.. Вот ироды!.. А я тебе раздобыл, виши? Шубенку подлатаем, в аккурат будет! И шапка есть, и валенки, виши, подошьем честь по чести!.. Знай учи грамоту!

— Дед Афоня...— вспомнил Яшонок, выкладывая на стол перед ним полученную от мужика ассигнацию.

Дед чуточку даже отстранился.

— Откель это?

— А тот, которого деньги-то, дал мне...— объяснил Яшонок.

— Напужал... Да мы с тобой, брат, царями теперь! Знать, есть он, господь-то! Червонец, а?— Дед осторожно разгладил бумажку.— Эт за муки тебе, за сиротские! Все справим теперь! Все теперича нам хоть бы что!

И Яшонок засмеялся вдруг, глядя на него. Засмеялся радостно и бездумно, как не смеялся, может быть, никогда в жизни.

Вместо эпилога

Можно бы рассказать еще много историй о том, как взрослели наши герои, как вместе с ними росла их дружба, историй поучительных и забавных... Скажем, о том, как однажды дед Афоня где-то раздобыл для Яшонка гармонь, у которой звучали всего две ноты: одна басовая — на левой планке, одна скрипичная — справа, и как Яшонок, уловив завистливый взгляд Уголька, разрезал эту гармонь пополам — на двоих, как не вдруг обнаружили они, что теперь не играют ни правая, ни левая кнопки. Но трудно рассказать обо всем...

Они встретились в последний раз, когда им было уже по шестнадцать. Яшонок, упорствую, заканчивал школу. А Уголек неожиданно поступил на курсы трактористов. Правда, ему для этого не хватало возраста. И недолго думая Уголек самолично прибавил себе два года.

Они встретились в Макаровом переулке, где, кроме плетней, не было иных свидетелей, и знай они, что это их последняя встреча, могли бы о многом поговорить... Но, глядя на промасленный комбинезон друга, Яшонок в тот вечер неожиданно загрустил. Он ждал от Уголька большего.

«Что же ты?..— спросил.— А небо?»

«Не все сразу!— Уголек усмехнулся.— Трактор — это тоже машина. А я, ты знаешь, хочу быть самостоятельным. Самостоятельным и... полезным хоть капельку».

«Не замечал, чтобы ты так разумно смотрел на жизнь...»

«Наверное, пришла пора повзрослеть!» — Уголек за-
смеялся.

И он имел в виду при этом вовсе не цифру, однажды
исправленную в документах.

«А трудновато?»

«Есть. Но это хорошо. Для меня, ты знаешь, Яшонок,
трактор — только начало... И самолет еще будет!» — сказал
тогда Уголек.

Про Настю Яшонок забыл спросить.

А через два года загрохотала на нашей земле большая,
трудная, очень суровая для всех нас война...

Память выхватывает из прошлого то вдруг склоненную над текучими водами иву, то взрыв, сокрушающий, черный, сразу в грудь, в лицо...

В повести моей нет ничего придуманного. Изменены имена, фамилии некоторых действующих лиц, как и названия сел, деревень. Быть может, смешены по времени отдельные события. Но все, о чем я написал, было! Как была и навсегда осталась в памяти живая, добрая, заботливая и славная, мудрая и скромная учительница Лилия Леонидовна...

Мне осталось, пожалуй, лишь заново познакомить вас со своими главными героями. Яшонок в своем далеком, босоногом детстве — автор этой книжки. А Угольку не суждено было дожить до наших дней, он пал на одной из дорог войны... Уголек в том памятном для нас, далеком прошлом — Герой Советского Союза Иван Иванович Квасов.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим
присыпать по адресу:

125047, Москва,
ул. Горького, 43,
Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Михаил Иванович Касаткин

УГОЛЕК И ЯШОНОК

Повесть

ИБ № 3235

Ответственный редактор Г. В. Быстрова

Художественный редактор М. Д. Суховцева

Технические редакторы М. В. Журавлева и Н. И. Лукова
Корректоры К. И. Каравеека и Ж. Ю. Румянцева

Сдано в набор 15.12.78. Подписано к печати 02.10.79.
A13865. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Шрифт
школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л.
9,98. Тираж 75 000 экз. Заказ № 4163. Цена 45 коп. Ордена
Трудового Красного Знамени издательство «Детская лите-
ратура» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Отпечатано с текстовых диапозитивов
Можайского полиграфкомбината на Ордена Трудового Крас-
ного Знамени фабрике «Детская книга» № 1 Ростгравиополиграф-
прома Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский
вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

45 коп.

МИХАИЛ КАСАТКИН

УГОЛЕК и ЯШОНOK